

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 1

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Бондарева Я.В. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель ответственного редактора:

Губман Б.Л. – д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В.П. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. – д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А.И. – д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л.А. – д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. – д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В.В. – д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Кондаков А.М. – д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла – доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В.В. – д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш – доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В.Л. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С.А. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Митио Микосиба – доктор наук, почётный профессор, Университет Чiba (Япония)

Михалкин Н.В. – д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В.А. – д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Сафонов А.Л. – д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В.Я. – д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина – доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных ученых по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 1. – 160 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Series editorial board
«Philosophy»

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytishi Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philosophy, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2019. – № 1. – 160 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Яблонских А. А.</i> ОНТОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА	8
---	---

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Антюшин С. С.</i> ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА	15
<i>Бакурадзе А. Б.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	23
<i>Барина Г. В.</i> ФЕНОМЕН МАТЕРИНСТВА: ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ И НЕПРИНЯТИЯ РЕБЁНКА	33
<i>Бондарева Я. В., Молчан Э. М.</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ.....	43
<i>Бурмакин В. М.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АСПЕКТА В ИССЛЕДОВАНИИ И ВНЕДРЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК: АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.....	52
<i>Горбунов А. С.</i> АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ	60
<i>Гришина Т. А.</i> ФИЛОСОФЕМЫ «СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ	69
<i>Кравченко В. В.</i> КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	77
<i>Молчан Э. М.</i> СОЦИАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	86
<i>Перминов В. Л.</i> УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА УПРАВЛЕНИЯ ЕЕ РАЗВИТИЕМ.....	96

РАЗДЕЛ III.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Моисейкина Т. А.</i> ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК НЕРЕШЕННАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	108
--	-----

Неганов В. В. НЕМАЛОВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОГО СИМВОЛИЗМА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	118
Соколовская И. Э. ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ЭТИКА. ЭТИКЕТ В УЧЕНИИ ТЕРТУЛЛИАНА	127

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Ильин В. В. ФИЛОСОФИЯ ТЕХНОНАУЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	136
Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ	148

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

<i>A. Yablonskikh.</i> ONTOLOGY OF SPIRITUAL TRADITION: NATURE AND STRUCTURE	8
---	---

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>S. Antyushin.</i> ON THE THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL REPRODUCTION	15
<i>A. Bakuradze.</i> SOCIO-PHILOSOPHICAL STUDY OF MANAGEMENT: METHODOLOGICAL ASPECT	23
<i>G. Barinova.</i> THE PHENOMENON OF MOTHERHOOD: THE PROBLEM OF ACCEPTANCE AND REJECTION OF THE CHILD.....	33
<i>Ya. Bondareva, Ye. Molchan.</i> SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SYSTEMS	43
<i>Burmakin V. M.</i> SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE RESEARCH AND INTRODUCTION OF ANTI-CORRUPTION PRACTICES: ANTI-CORRUPTION EDUCATION.....	52
<i>Gorbunov A. S.</i> ASPECTS OF PERSONAL SOCIALIZATION IN MASS COMMUNICATION SOCIETY	60
<i>T. Grishina.</i> PHILOSOPHEMES OF «SOCIAL TRANSFORMATION» IN MODERN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES RESEARCH AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE	69
<i>V. Kravchenko.</i> CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL BASES OF SOCIAL TRANSFORMATIONS.....	77
<i>E. Molchan.</i> SOCIALIZATION OF THE SUBJECTS OF INTERACTION UNDER THE CONDITIONS OF INFORMATIONAL GLOBALIZATION	86
<i>V. Perminov.</i> THE INCREASING COMPLEXITY OF SOCIAL ORGANIZATION AS A DETERMINANT FOR MANAGING ITS DEVELOPMENT	96

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Moiseykina T. A.</i> ONTOLOGICAL INTEGRITY AS AN UNSOLVED PROBLEM OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY	108
---	-----

V. Neganov. IMPORTANT ASPECTS OF CHRISTIAN SYMBOLISM IN ANTHROPOLOGICAL, HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE	118
I. Sokolovskaya. CHRISTIAN ANTHROPOLOGY. ETHICS. ETIQUETTE IN THE TEACHINGS OF TERTULLIAN	127

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

V. Ilyin. PHILOSOPHY OF TECHNO-SCIENTIFIC CIVILIZATION	133
V. Maykova, V. Gorbunov, I. Namestnikova. SYSTEMIC APPROACH AS A BASIS FOR SCIENTIFIC METHODOLOGY	148

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК Я13

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-8-14

ОНТОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

Яблонских А. А.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

125190, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. Г, Российская Федерация

Аннотация. Содержанием работы является анализ сущности духовной традиции и её статической и динамической структуры. В работе применены содержательный и деятельностный подходы, первый из которых позволил выявить статическую, а второй – динамическую структуру духовной традиции. Согласно содержательному подходу духовная традиция есть совокупность социальных качеств, выражающих самоидентификацию личности гражданина с обществом и его культурой. Деятельностный подход позволил определить её динамическую структуру, включающую: субъект традиции (личность), её объект (духовную культуру) и отношения между субъектом и объектом. В теоретическом плане это позволит глубже изучать духовную традицию в образовательном процессе с учётом тенденций мирового развития, в практическом – сформировать социальный механизм её реализации на государственном, общественном и личном уровнях. Материал адресован студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов, центров гуманитарной подготовки и курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: традиция, духовность, культура, сущность, структура.

ONTOLOGY OF SPIRITUAL TRADITION: NATURE AND STRUCTURE

A. Yablonskikh

Moscow University for Industry and Finance «Synergy»

80, bldg. G, Leningradsky avenue, Moscow, 125190, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to analyze the essence of spiritual tradition and its static and dynamic structure. The research methodology includes content and activity approaches, the former provided for the identification of the static, and the latter – the dynamic structure of the

spiritual tradition. According to the content approach, spiritual tradition is a set of social qualities through which the self-identification of a citizen with their society and culture is expressed. The activity approach provided for the identification of the dynamic structure of spiritual tradition, including: the subject of tradition (personality), its object (spiritual culture) and the relationship between the subject and the object. Theoretically this will allow of deeper understanding of spiritual tradition in educational process, taking into account the trends of the world development, and practically – to form a social mechanism for rooting spiritual traditions at the state, social and personal levels. The article is aimed at students, graduate students and teachers of Liberal Arts colleges, centers of training in Humanities and advanced training courses.

Keywords: tradition, spirituality, culture, nature, structure.

В отечественной литературе традиция (от лат. tradition «предание») понимается как нематериальный кодекс, передаваемый через поколения, поддерживаемый и оберегаемый соблюдением строгих требований, изложенных в нём (образ мышления, действий, обычаи, идеи и взгляды) [8, с. 663]. Духовная традиция, в сущности, есть преемственность – последовательный переход от одного состояния к другому. Это передача наилучших достижений прошлого, заветов его духовности в будущее через настоящее. Преемственность есть определяющий фактор развития общества, поскольку культура реализуется через труды поколений.

У отечественных исследователей в сфере философии проблема духовной традиции никогда не теряла своей актуальности и продолжает оставаться таковой и по сей день. Наиболее глубоко сегодня её исследуют и решают В. Кафтан [4; 5], П. Петрий [6], А. Сальников [7], Т. Сиротина [8; 9] применительно к духовному миру и культуре современной российской армии, её духовным ценностям.

В представленной научной литературе имеется множество подходов и авторских позиций относительно формирования и обретения духовной

традиции, её ценностных и мировоззренческих оснований.

Духовная традиция передаёт духовную культуру общества следующему поколению. Эта традиция как основа общественного наследования обладает могучим потенциалом, реализация которого способна стать существенным фактором в предотвращении глобальной гуманитарной катастрофы. Наиболее чётко сущность традиции раскрывает современный исследователь Д. Володихин, утверждающий, что духовная традиция представляет собой невидимое нематериальное ядро, лежащее внутри цивилизации, представляющее собой сверхценность, включающая в себя объяснение смысла жизни как для общества, так и для отдельного человека. Кроме того, сверхценность «содержит в себе и представления о загробном мире, смысл смерти – она способна примирить разум и физическую смертность человека»¹. Духовная традиция есть условие, без которого невозможно существование цивилизации, поскольку последняя, будучи не связанной с нематериальными планами бытия, в принципе нежизнеспособна. Именно таким каналом, связующей нитью, как раз и является традиция².

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 7–8.

² Там же. С. 8–10.

Французский основоположник интегрального традиционализма Рене Генон указывал, что народы неосознанно сохраняют останки древних традиций из тёмной области предыстории, древность которых невозможно определить, и выполняют своего рода функцию подсознательной коллективной памяти, непонятно откуда пришедшей [1, с. 7–10].

Согласно Р. Генону, существует исконная, первозданная, примордиальная традиция – изначальное содержание духовности, в сущности которой находится метафизическое учение о первопричине и её проявлениях, воплощённое в символах, передаваемых из одной эпохи в другую от самых источников человечества [2, с. 53].

Духовную традицию невозможно определить без рассмотрения духа и духовности, являющихся в ней ключевыми категориями.

На эмпирическом уровне сознания под духом обычно понимают свойство, сущность, направление, разум, смысл. На рационально-теоретическом уровне – волю, начало, мышление, сознание, определяющее поведение, внутреннюю нравственную силу, истинный смысл и содержание чего-либо¹.

В философии категория «дух» понимается как единство и средоточие функций сознания, проявляющихся в отражении действительности, заключённой в одной индивидуальности, как средство социальной ориентации и активно действующая сила человека, как высшая способность личностного самоопределения человека, делающая его источником определения смыслов

в разумном преобразовании действительности, которая открывает ему возможность дополнить естественную основу бытия индивидов и социума миром культурных, моральных и религиозных ценностей, как директивный принцип для всех духовных способностей².

Говоря о духе применительно к духовной традиции, целесообразно исходить из его философского понимания на теоретическом уровне сознания. Категория духа неразрывно связана с категорией духовности.

В современном теоретическом труде «Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала армии и флота» под духовностью понимается «интегрированное в структурно-содержательном отношении целостное явление, результат взаимодействия форм мировоззрения, психики, сознания, социальных качеств личности, соотносённых с её общественным статусом, идеалами жизнедеятельности и смыслообразующими целями» [3, с. 95].

Понимание духовности тесно связано с типом культурной традиции, поскольку разные культуры порождают своё уникальное понимание духовности. Согласно данному тезису, духовность понимается как высшая форма отражения объективной реальности сознанием общества и индивидов, где генерируются смысложизненные ценности, высшие идеалы и знания индивидов, слоёв, классов, групп, наций, народов, способы и формы их формирования, представляющие собой фундаментальные, национальные цен-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 185.

² Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 706.

ности исторических типов обществ и цивилизаций [10, с. 132, 133].

Духовность непосредственно связана с общечеловеческими идеалами, основой которых в первую очередь выступает бескорыстное отношение человека к окружающим. В духовности основными вопросами являются: «кто для меня другой человек – цель или средство?», «какова высшая ценность его жизни, достоинства и чести?». Таким образом, духовность есть индикатор структурированной иерархии ценностей, смыслов и целей, где сосредоточены проблемы, имеющие отношение к высшему уровню освоения человеком мира. Духовность в широком смысле можно определить как показатель уровня качественного доминирования интеллектуальных, духовно-нравственных интересов индивида над материальными, с помощью чего он способен оценивать и регулировать свои поступки.

В результате рассмотрения понятия «дух» и «духовность» стало возможным дать определение духовной традиции. В самом общем смысле, духовная традиция – это исторически сформировавшийся и сохраняющийся в сознании (общества и индивидов) элемент духовного мира народа, обусловленный традиционными, исторически сложившимися духовными ценностями конкретной цивилизации и направленный на защиту её жизненно важных интересов.

Анализ структуры духовной традиции неразрывно связан с проблемой личности гражданина как субъекта данной традиции, которая также имеет свою структуру. Структурно личность представляет собой вполне самостоятельную, саморегулирующуюся

динамическую систему отношений, закономерных связей и опосредований между главными элементами, которые в ней содержатся.

Внутренняя структура личности является скрытой от глаз других людей. Прежде всего к ней относится духовный мир личности. О его содержании можно судить лишь на основе внешних проявлений, в реальной жизнедеятельности. Духовный мир личности в определённом смысле является проекцией общественного сознания и всей общественной психологии (равно как и отражаемых духовных и материальных ценностей общества) на духовную жизнь личности, окрашивая её индивидуальными особенностями каждого отдельного человека.

В индивидуальном сознании личности, как и в общественном, можно выделить два уровня – теоретический и общественно-психологический, а также сферы проявления различных форм сознания и их функции. К тому же в духовном мире личности всё это неразрывно связано в большей степени, чем в обществе.

В отличие от внутренней, внешняя структура личности представляет систему социальной активности, жизнедеятельности, систему функций, или ролей, которые выполняет индивид. Термин «внешняя» указывает на то, что элементы этой структуры открыты для непосредственного восприятия стороннего наблюдателя, они проявляются в отчётливо видимых поступках и действиях человека. Через внешнюю структуру личность включается в систему общественной жизнедеятельности и общественных отношений.

Поэтому духовную традицию в единстве с внешней и внутренней

структурами личности определяют два подхода: содержательный (в исследовании статической структуры) и деятельностный (по отношению к динамической структуре).

Обозначение этих подходов к выявлению структуры духовной традиции связано с известными методологическими концепциями в исследованиях бытия общества, его процессов и явлений, а также личности. Представляется, что при первом подходе общество и личность рассматриваются как совокупность общественных отношений: в ней лучше фиксируются структуры личности и общества. В рамках второго – динамика, социальные механизмы, движущие силы, потребности, мотивы, интересы и цели в развитии личности и общества. Согласно результатам применения первого подхода, духовная традиция – это исторически сформировавшийся, передающийся из поколения в поколение и сохраняющийся в сознании всякого общества элемент духовного мира личности, характеризующийся духовными ценностями общества, проявляющийся на идеологическом и общественно-психологическом уровнях сознания, а также через социальные качества гражданина, направленные на сохранение и развитие родного общества. Деятельностный подход в исследовании духовной традиции, с одной стороны, позволил определить её динамическую структуру, которая включает: субъект традиции (личность гражданина), её объект (духовную культуру общества) и отношения между субъектом и объектом, посредством которых реализуется их диалектика. С другой стороны, этот подход даёт основание для определения социального механизма

формирования духовной традиции в обществе.

Применяя содержательный подход к структуре духовной традиции, в ней можно выделить следующие структурные элементы:

– аксиологический, в котором сохраняются и передаются духовные ценности;

– гносеологический, содержащий в себе знания об обществе и его культуре;

– эмоционально-чувственный, отвечающий за эмпирическое познание действительности личности в повседневной практике;

– волевой, рассматриваемый в виде сплава разума и чувств в интересах целеполагания и общественной деятельности совместно с механизмом реализации потенциальных образований духовного мира личности в его факторные состояния.

В свою очередь, деятельностный подход позволил выявить динамическую структуру духовной традиции, основными элементами которой являются: субъект, объект и отношения, реализуемые через статическую структуру личности.

По глубине отражения духовная традиция реализуется на теоретическом уровне через духовные ценности и знания личности в форме философских, политических и правовых отношений; на общественно-психологическом уровне она проявляется через чувства и волю в форме эстетических, нравственных и правовых отношений.

Таким образом, можно утверждать, что духовная традиция выступает духовным феноменом сохранения и передачи всей духовной культуры любого общества, обладает

сложной структурой, является субъективной, активной стороной, источником духовных, моральных и нравственных сил личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володихин Д. Условие *Sine qua non* цивилизация и традиция // Традиция и русская цивилизация: сборник. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 7–10.
2. Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 53 с.
3. Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала армии и флота: Военно-теоретический труд / отв. ред. Д. Н. Филипповых, О. Х.-А. Рахимов. М.: Военный университет, 1999. 95 с.
4. Кафтан В. В. Дегероизация массового сознания современного российского общества. М., 2015. 310 с.
5. Кафтан В. В. Философия современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 39–47.
6. Петрий П. В. Духовные ценности российского общества и армия. М.: Военный университет, 2001. 216 с.
7. Сальников А. А. Парадигмальные основания мировоззрения военнослужащих современной российской армии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 30 с.
8. Сиротина Т. Б. Духовный выбор личности военнослужащего современной российской армии: сущность, факторы влияния и приоритеты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 21 с.
9. Сиротина Т. Б. Специфика духовного выбора военнослужащего современной российской армии в обществе потребления // Военный академический журнал. 2017. № 3. С. 151–158.
10. Чугунов В. М. Методология социокультурного анализа. Монино, 2004. 176 с.

REFERENCES

1. Volodikhin D. *Uсловие Sine qua non tsivilizatsiya i traditsiya* [The condition Sine qua non of civilization and tradition]. In: *Traditsiya i russkaya tsivilizatsiya* [Tradition and Russian Civilization]. Moscow, *Astrel Publ., AST Publ., Tranzitkniga Publ.*, 2006, pp. 7–10.
2. Guenon R. *Simvoly svyashchennoi nauki* [Symbols of Sacred Science]. Moscow, *Belovod'e Publ.*, 2002. 53 p.
3. Filippovykh D., Rokhinov O.H.-A., eds. *Gosudarstvenno-patrioticheskaya ideologiya kak faktor formirovaniya dukhovnogo potentsiala armii i flota: Voенно-teoreticheskii trud* [State-Patriotic Ideology as a Factor of Formation of Spiritual Potential of the Army and Navy: Military and Theoretical Work]. Moscow, *Voennyj universitet Publ.*, 1999. 95 p.
4. V. Kaftan *Degeroizatsiya massovogo soznaniya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Deheroization of Mass Consciousness of the Russian Contemporary Society]. Moscow, 2015. 310 p.
5. V. Kaftan [The philosophy of modern information society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filozofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 39–47.
6. Petry P. *Dukhovnye tsennosti rossiiskogo obshchestva i armiya* [The Spiritual Values of the Russian Society and Army]. Moscow, *Voennyj universitet Publ.*, 2001. 216 p.
7. Sal'nikov A. *Paradigmalye osnovaniya mirovozzreniya voennosluzhashchikh sovremennoi rossiiskoi armii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Paradigmatic Bases of the Worldview of Soldiers of the Modern Russian Army: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2016, 30 p.

8. Sirotina T. *Dukhovnyi vybor lichnosti voennosluzhashchego sovremennoi rossiiskoi armii: sushchnost', faktory vliyaniya i priority: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Spiritual Choice of the Individual Soldier of the Modern Russian Army: Nature, Impact Factors and Priorities: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 21 p.
 9. Sirotina T. [The features of spiritual choice of soldier of the modern Russian army in a consumer society]. In: *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military Academic Journal], 2017, no. 3, pp. 151–158.
 10. Chugunov V. *Metodologiya sotsiokul'turnogo analiza* [Methodology for Socio-Cultural Analysis]. Monino, 2004. 176 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яблонских Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: graf420@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Yablonskikh – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»;
e-mail: graf420@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Яблонских А. А. Онтология духовной традиции: сущность и структура // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 8–14.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-8-14

FOR CITATION

Yablonskikh A. A. Ontology of Spiritual Tradition: Nature and Structure. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 8–14.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-8-14

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 140:141.201

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-15-22

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Антюшин С. С.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69, Российская Федерация

Военная академия РВСН имени Петра Великого Министерства обороны

Российской Федерации

143900, Московская область, Балашиха, ул. Карбышева, 8, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию воспроизводства современного общества. Автором проанализирован сложный процесс, в который включены различные виды деятельности субъектов общественных отношений, инструменты решения важнейших задач общества, при которых реализуются коренные интересы общества, достигаются его стратегические цели. Однако цели отдельных субъектов, общие и частные, могут как совпадать, так и противоречить друг другу. По итогам исследования сделан вывод, что жизнеспособность социальной системы детерминирована совершенством её элементов и компонентов, качеством общественных отношений, степенью реализации интересов основных субъектов общества (наиболее влиятельных и многочисленных социальных групп и слоёв). Особо выделена военная безопасность, которая является важнейшим фактором стабильности общества и его динамичного развития. Статья адресована специалистам в области социальной философии, занимающимся вопросами общественного воспроизводства.

Ключевые слова: стратегические цели общества, жизнеспособность общества, социальные группы, социальные интересы, общественные отношения, военная безопасность, общественное развитие.

ON THE THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL REPRODUCTION

S. Antyushin

Russian State University of Justice

69, Novocheryomushkinskaya st., Moscow, 117418, Russian Federation;

© СС ВУ Антюшин С. С., 2019.

*The Military Academy of Strategic Rocket Troops after Peter the Great
8, Karbysheva st., Balashikha, Moscow region, 143900, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to study the reproduction of the modern society. The author has analyzed a complex process which includes various types of activities of the subjects of social relations, tools for solving the most important tasks of the society: realization of fundamental interests and achievement of strategic goals. However, the goals of individual subjects, public and private, may both coincide and contradict each other. According to the results of the study, the author concludes that the viability of the social system is determined by perfection of its elements and components, quality of social relations, degree to which the interests of the main subjects of society (the most influential and numerous social groups and strata) are realized. The author pointed out that military security is the most important factor of social stability and dynamic development. The article is aimed at specialists in the field of social philosophy dealing with the issues of social reproduction.

Keywords: strategic goals of society, the viability of society, social groups, social interests, public relations, military security, social development.

Общество – сложная развивающаяся система, целостность, образованная множеством взаимосвязанных элементов и компонентов различных уровней [6, с. 986]. Её эволюция детерминирована рядом факторов, условий, а также множеством устремлений и практических усилий субъектов общественных отношений, составляющих эту систему, намеренных решить те или иные задачи, достичь вполне конкретных целей [2, с. 153]. Цели субъектов могут быть очевидными и неявными, сиюминутными и стратегическими, жизненно необходимыми и избыточными, предельно ясными и туманными, а могут оказаться и вовсе ошибочными; хотя на определение меры ошибочности целей могут понадобиться века и даже тысячелетия. Вполне возможно, что загадка отдельных целей не будет разгадана никогда, а актуальность некоторых из них может быть обусловлена лишь тем, что они побуждают человека действовать в его времени, в конкретных социально исторических условиях.

Активность, связанная с достижением цели, постановкой, осмыслением и решением связанных с ней задач, бывает более или менее осознанной, эффективной или малополезной, но именно в результате этой активности накапливается социальный опыт, отрабатываются приёмы, методы и технологии социальной адаптации, вырабатываются правила и устанавливаются нормы регулирования общественных отношений. Совокупность взаимосвязанных процессов, возникающих в результате социальной активности, представляет собой, как полагал академик Н. Н. Моисеев, реализацию «гомеостаза» – стремления живого организма, в том числе, и общества, к самосохранению или стабильности [9, с. 42].

Наконец, эта активность, образно говоря, творит историю человечества (даже если это деструктивная активность или, например, «цветная революция») [4, с. 317, 318].

Однако в данном случае дело не столько в «динамическом результа-

те» – развёртываемой истории, а в том, что в процессе реализации «социального гомеостаза» социальная система обеспечивает свою жизнеспособность. Фактически жизнеспособность социальной системы (общества, державы, страны, государства в расширенном, а не институциональном толковании) на как можно более длительную перспективу и есть основная цель социума.

Жизнеспособность (перспективность, историческая, политическая, экономическая эффективность) социальной системы детерминирована совершенством элементов и компонентов системы, мерой реализации их возможностей в интересах системы (общества, а не государства – части системы), качеством и характером связей между ними. Жизнеспособность связана, во-первых, с вызовами, в том числе, социального характера (социальной экспансией) [8, с. 315], детерминированными группами различных социальных интересов, реализуемых в геополитике, в макроэкономике, в художественной культуре, идеологии и т. д. [3, с. 609, 610; 7, с. 76–78]. Социальные вызовы в начале XXI в. обусловлены также глобализацией, «уплотнением» социальных интересов, динамикой социальных противоречий. Во-вторых, жизнеспособность общества вызвана физическими, материально-практическими параметрами (абсолютными и относительными, сравнительными) социума: его ресурсной базой, геополитическим положением, численностью и плотностью населения и другими характеристиками. В-третьих, возможность социума эффективно и самостоятельно участвовать в международной жизни,

реализуя свои коренные интересы, стратегические цели, определяется количеством и характером отношений с социальной макросистемой, с другими социальными системами, т. е., с субъектами мирового сообщества.

В свою очередь, эффективность компонентов социальной системы зависит от того, насколько они системе «интересны», насколько верно и полно соблюдены условия функционирования того или иного конкретного её компонента, элемента, определены и реализованы его возможности и задачи. И эффективность компонентов социальной системы, и мера их реализации могут рассматриваться в качестве ресурса общества.

Функционирование компонентов социальной системы взаимосвязано и подчинено наиболее общей фундаментальной цели, источник, масштаб, конкретное содержание которой должны быть ясны как можно большей части субъектов социума и принимаемы ими. Для одних социальных систем эта цель – мировая или региональная гегемония (в разные исторические эпохи такие цели ставились в Великобритании, Франции, Германии, США, Китае, России и в других странах). Среди стратегических целей сравнительно небольших социальных систем, обладающих ограниченным «набором» и объёмом ресурсов, обычно присутствует стремление найти своё место в системе мировых политических, экономических, научных и других отношений. Это характерно для большинства стран мира: членов Евросоюза, стран Ближнего Востока, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона. Для большинства развитых и благополучных стран (потому они

и благополучны) важнейшей неизменной стратегической целью является по-настоящему достойная жизнь граждан страны, их высокий материальный, духовный, правовой уровень жизни. Об этом заботятся в Дании и Финляндии, в Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратах, в Канаде и Новой Зеландии. Комплексное эффективное решение задач, связанных с достижением стратегических целей, определяет самосознание граждан страны, позволяет им быть счастливыми. По оценкам экспертов, список самых счастливых стран мира в 2017 г. возглавили Норвегия, Дания и Исландия; в десятку лучших также вошли Швейцария, Финляндия, Нидерланды, Канада, Новая Зеландия, Австралия и Швеция. Россия в этом рейтинге занимает лишь 49-е место (Уругвай – 28-е, Узбекистан – 47-е, Белоруссия – 61-е, Украина – 132-е)¹.

Инструменты достижения цели формируются естественно, рационально, стихийно и искусственно.

Между рациональным и стихийным просматривается пусть и противоречивая, но устойчивая связь. Во-первых, и то, и другое связано с одним субъектом. Источник рационального и стихийного, характеризующих социальную активность, один – человек, люди, общество, человечество.

Во-вторых, между рациональными формами организации деятельности людей, сконструированными нередко условно созидательными и эффективными (например, создавая одно,

люди разрушают другое), и активностью, основанной на естественных детерминантах, нет жесткой границы. Культурное в человеке (этика, эстетический вкус и т. д.) на протяжении тысячелетий становится имманентным для субъектов общественных отношений – своеобразным «природным» компонентом, без которого человек, как субъект, созидатель социума, не состоителен. В свою очередь, естественное в человеке, оказывается необходимым объектом рационального исследования и последующего включения результатов исследования в методологический цикл практики с целью повышения эффективности культурного процесса.

В-третьих, искусственное и естественное, рациональное и интуитивно-волевое в основе человеческих устремлений, формирования теоретического и практического уровня деятельности неразрывно связаны между собой. Эти два начала обрекают человека на непрерывный поиск баланса между ними. Повышение доли рациональной составляющей в человеческой активности чревато порождением глубоких противоречий с естественным компонентом сущности людей, опасностью уничтожения природных оснований человека: натуральной субстанции в широком смысле, материальной основы – в частности. С другой стороны, отдавать предпочтение естественному (интуитивно-волевому, иррациональному) в человеке опасно размыванием его культурной стороны и, попросту, дегуманизацией.

Можно отыскать и иные проявления взаимодействия культуры и природного в человеке. Но очевидно главное: «культура» и «натура» – атри-

¹ Россия заняла 49-е место в рейтинге стран по уровню счастья [Электронный ресурс] //Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3247575> (дата обращения: 01.12.2018).

бутивные основы человека; цельность и сила индивида не просто в совокупности, но в как можно большей гармонии его атрибутивных начал. Это сложно. В каждую эпоху, в каждой конкретно-исторической ситуации, в каждом культурно-историческом модусе свои условные грани соотношения природы и культуры. Формируются особые области и формы взаимодействия естественного и искусственного в человеке, рационального и стихийного в его поведении. В то же время, не стоит забывать, что не только рациональный, искусственный компонент, но и естественная, природная сторона человеческой деятельности должна быть глубоко осмыслена субъектами социальной активности. Эта задача также, решается рациональным знанием: философией, наукой [5, с. 22].

Форм реализации человеческой активности, инструментов решения задач, стоящих перед обществом, много. Немало и жизненно важных сфер социальной деятельности, в которых реализуются важнейшие интересы общества. Среди них следует прежде всего назвать *управление*, создание и коррекцию системы руководства, подчинения, сотрудничества, иерархии и т. д. Они реализуются в *сфере социальной регуляции*, которая шире и значительнее традиционно выделяемой политической сферы.

Со сферой социальной регуляции и соответствующими типами активности неразрывно связано *производство и распределение различных продуктов и услуг*, потребляемых человеком. Продукты в данном смысле стоит воспринимать в наиболее широком значении слова – всё то, что, с одной стороны, произведено человеком и может суще-

ствовать в виде товара (чаще всего), подарка или, например, благотворительности, представлять собой материальные, духовные, интеллектуальные, эстетические и другие ценности. И с другой стороны, что необходимо человеку для поддержания определенного уровня, качества жизни в конкретных культурно-исторических условиях. Эту сферу обычно называют *экономической*.

Не мене важны *воспитание и образование человека*, призвание, право и обязанность которого самостоятельно участвовать в общественных отношениях, на основании собственных убеждений, реализуя свои способности и интересы, соблюдая разного рода нормы и традиции, используя возможности общественного (коллективного) общежития и преследуя собственные цели. Интересы, ценности, традиции могут быть личными, семейными, профессиональными, корпоративными, региональными, общечеловеческими и т. д. При этом они могут совпадать и различаться в зависимости от уровня, «социального ареала», исторического периода и т. д. Например, часто совпадают интересы личные и семейные, семейные и конфессиональные, корпоративные и профессиональные. Но даже личные интересы и ценности могут оказаться противоположными семейным, цели государства – противоречить целям общества, а конфессиональные традиции – конфликтовать с корпоративными.

Под воспитанием понимается формирование интересов, устремлений, предпочтений, вкуса и т. д. у человека, социальной группы, общества, навыков поведения в типичной социальной ситуации и готовности проявлять

творчество в нетипичной обстановке. Образование, как известно, представляет собой получение определённого рода специальных знаний, умений, навыков; в нашем случае предполагается образование профессиональное, правовое, эстетическое, экономическое. Воспитанием и образованием формируются конкретные типы мировоззрения, разного рода идентичности, ответственность, гражданский долг и т. д. [6].

По сути, речь идёт о формировании субъектов общественных отношений – от отдельных людей до коллективов, общностей и общества в целом, о формировании их важнейших мировоззренческих, морально-правовых, коммуникативно-психологических и других качеств, определяющих сущность и направленность субъектов. Это *сфера социального воспроизводства* – воспроизводство человека и общества (как субъектов общественных отношений) во всей их сложности и динамичности, охватывающих практически все существующие общественные отношения и социальные системы.

В социальной системе возникают и иные сферы, занимающие важное место в жизни общества, хотя и отличающиеся по масштабности, структуре, социально-демографическому охвату, непосредственному влиянию на общественные отношения и т. д. Так, сферы деятельности и взаимодействия духовных ценностей, духовных практик, науки, искусства (речь идёт не о потреблении результатов научного или художественного творчества, а о «производстве» систем рационального знания и художественных «истин») не

так масштабны и вездесущи. А, например, «повседневность» [10, с. 89], напротив – незаметна, но во всех случаях себя проявляет.

Тем не менее все сферы социальной активности, какими бы разномасштабными, разноуровневыми, разнонаправленными они ни были, нельзя рассматривать функционирующими отдельно. Это допустимо, а иногда и необходимо лишь на теоретическом уровне как осмысление их функциональности, особенностей, закономерностей.

Но есть и такие необходимые сферы общественной активности, в которых, с одной стороны, в той или иной мере с неизбежностью проявляются, сочетаясь в различных пропорциях, перечисленные выше сферы и вместе с тем реализуются чрезвычайно важные «специфические» интересы.

Среди подобных важнейших сфер и видов деятельности издавна находится сфера военной безопасности, проблемы которой решаются особым масштабным инструментом (и подсистемой) общества – системой военной безопасности страны.

Военная безопасность – необходимое и одно из важнейших условий устойчивого динамичного развития российского общества [1, с. 11], социального воспроизводства в целом.

Однако решение проблем военной безопасности, как и достижение других стратегических целей России – пусть важнейшее, но лишь средство достижения главной цели: по-настоящему достойной и счастливой жизни граждан России сегодня и многих её будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюшин С. С. Военная безопасность России в контексте общественного развития // Проблемы безопасности. 2010. № 8. С. 11–17.
2. Антюшин С. С. Современные смыслы Великой войны и Победы // В борьбе с нацизмом мы были вместе: материалы исторической конференции. М.: СОТИС, 2015. С. 153–168.
3. Беркут В. П. Идеология государственного служения [Электронный ресурс] // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 12. Ч. 3. URL: <http://inion.ru/publishing/publications/rossiia-tendentsii-i-perspektivy-razvitiia-ezhegodnik-12-3> (дата обращения 01.11.2018).
4. Беркут В. П., Колесников С. Б. «Цветные революции» на пространстве СНГ: сущность, содержание, особенности // Известия: научно-гуманитарный сборник. Ч. 4. № 273. С. 312–318.
5. Беркут В. П., Горбунов В. С. Современная научная философия // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 4. С. 16–23.
6. Всемирная энциклопедия: Философия / под ред. А. А. Грицанова М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор. 2001. 1312 с.
7. Колодина А. А., Пусько В. С. Становление современных ценностей культуры (роль семьи и высшей школы) [Электронный ресурс] // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 1 (60). URL: http://журналпоиск.рф/?PAGEN_1=11 (дата обращения: 01.11.2018).
8. Михалкин Н. В. Особенности современных видов экспансии в Россию, обусловленных глобализацией // Безопасность Евразии. 2016. № 2 (52). С. 315–317.
9. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 350 с.
10. Полякова И. П. Современные концепции повседневности, анализ сущности и структура повседневного бытия людей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 37. С. 83–91.

REFERENCES

1. Antyushin S.S. [The military safety of Russia in the context of social development]. In: *Problemy bezopasnosti* [Security Issues], 2010, no. 8, pp. 11–17.
2. Antyushin S.S. [Contemporary Senses of the Great War and Victory]. In: *V bor'be s natsizmom my byli vmeste: materialy istoricheskoi konferentsii* [In the fight against Nazism, we were together: proceedings of the historical conference]. Moscow, SOTIS Publ., 2015, pp. 153–168.
3. Berkut V. P. [The Ideology of Public Service]. In: *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects of Development] Iss. 12. P. 3. Available at:<http://inion.ru/publishing/publications/rossiia-tendentsii-i-perspektivy-razvitiia-ezhegodnik-12-3> (accessed: 31.10.2018).
4. Berkut V.P., Kolesnikov S.B. [Color Revolutions in the CIS: Nature, Content, Features]. In: *Izvestiya* [Izvestiya], 2017, vol. 4, no. 273, pp. 312–318.
5. Berkut V.P., Gorbunov V.S. [Modern Scientific Philosophy]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University], 2017, no. 4, pp. 16–23.
6. Gritsanov A. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow; AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., Sovremennyy literator Publ., 2001. 1312 p.
7. Kolodina A.A., Pusko V.S. [The formation of modern cultural values (the role of family and high school)]. In: *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura*

- [Search: Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture], 2017, no. 1 (60), pp. 75–86. Available at: http://журналпоиск.рф/?PAGEN_1=11 (accessed: 01.11.2018).
8. Mikhalkin N.V. [Features of modern expansion in Russia, caused by globalization]. In: *Bezopasnost' Evrazii* [Safety of Eurasia], 2016, no. 2 (52), pp. 315–317.
 9. Moiseev N.N. *Algoritmy razvitiya* [Algorithms of Development]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 350 p.
 10. Polyakova I. P. [The modern concept of everyday life, a study of the nature and structure of people's everyday life]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 37, pp. 83–91.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антюшин Сергей Сергеевич – доктор философских наук, доцент, профессор Российского государственного университета правосудия, профессор Военной академии РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

e-mail: serg.ant@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Antyushin – Doctor of Philosophy, associate professor, professor at Russian State University of Justice; professor at Military Academy of Strategic Rocket Forces;

e-mail: serg.ant@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Антюшин С. С. Вопросы теории и практики общественного воспроизводства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 15–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-15-22

FOR CITATION

Antyushin S. On the Theory and Practice of Social Reproduction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 15–22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-15-22

УДК 303.02

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-23-32

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бакурадзе А. Б.*Российский университет транспорта (МИИТ)**127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является обоснование методологии исследования управления, базирующейся на философском алгоритме познания. Для этого был проанализирован значительный массив исследований в области социального управления, что доказало необходимость привлечения потенциала философских методологических средств для решения его исследовательских проблем. Автором дана характеристика социально-философского анализа и обоснована потребность в философском алгоритме познания при проведении исследования управления. Доказан тезис о необходимости комплексного использования совокупности общелогических методологических процедур и методологии частных наук при таких исследованиях данного алгоритма. Практическая значимость работы заключается в выделении автором доминирующих методологических средств, которые целесообразно применять на каждом из этапов философского алгоритма познания при исследовании социального управления. Статья адресована широкому кругу исследователей социального управления.

Ключевые слова: социальная организация, социальное управление, философское исследование, методология, философский алгоритм познания, социально-философский анализ, методологическое средство.

SOCIO-PHILOSOPHICAL STUDY OF MANAGEMENT: METHODOLOGICAL ASPECT

A. Bakuradze*Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»**9, bld. 9, Obratsova st., Moscow, 127994, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to substantiate the methodology of management research based on the philosophical algorithm of cognition. For this purpose, a significant body of research in the field of social management was analyzed. The author characterized social and philosophical analysis and substantiated the need for a philosophical algorithm of knowledge in the study of management. The proposition was proved that in the study of the stated algorithm one requires a complex use of the sets of general and specific methodological procedures. The practical value of the article lies in author's highlighting the dominant methodological tools appropriate for application at each stage of the philosophical algorithm of knowledge in the study of social management. The article is aimed at a wide range of researchers of social management.

Keywords: social organization, social management, philosophical research, methodology, philosophical algorithm of cognition, socio-philosophical analysis, methodological tool.

Управление представляет собой ключевой компонент функционирования и развития любой социальной организации¹. Анализ различных определений понятия «управление» позволяет сделать вывод, что оно включает в себя процессы планирования, организации, руководства и контроля совместной деятельности как коллективных (структурные подразделения социальной организации, временные рабочие группы и т. п.), так и индивидуальных (руководители и работники социальной организации) субъектов по достижению целей социальной организации посредством использования ресурсов. К последним относятся люди с их разнообразными компетенциями (кадровые ресурсы), финансовые и материально-технические ресурсы, трансформируемые в знания информационные ресурсы, организационные, правовые и временные ресурсы. Поскольку объектом управления является многогранная деятельность социальных организаций [9, с. 19], такое управление имеет смысл определить как социальное, отделив его от управления в технических си-

стемах, которое не будет рассматриваться в данной статье.

Являясь особой разновидностью труда, управление ещё в традиционном обществе выделилось в самостоятельный вид социально-практической деятельности, а в индустриальную эпоху превратилось в самостоятельную научную дисциплину – менеджмент со своими объектами и предметами исследований, категориальным аппаратом, концепциями и теориями [4]. Отсюда справедливым представляется определить управление и как науку (чаще всего носящую название «менеджмент»), и как практику эффективного комплексного использования разнообразных факторов внутренней и внешней сред социальной организации для достижения её целей.

В менеджменте реализован методологический принцип решения теоретических и практических проблем на стыке различных наук. Это прямо указывает на прагматизм и неопрагматизм как его философский базис, всесторонне проанализированный Б. Л. Губманом [2]. Однако предпринимаемые попытки интеграции в менеджменте знаний об управлении частных наук, таких как психология, экономика, социология, юриспруденция, педагогика и др., по причине различий в их объектах и методологии нельзя признать успешными. Не успешны они и по ряду аксиологических оснований, вскрытых Н. Хомским [12]. В связи с этим продуктивным ходом представляется обращение к философии как науке о всеобщем. Такое обращение должно способствовать решению многих теоретических

¹ Социальная организация представляет собой социальный объект, обладающий упорядоченной внутренней структурой и сочетающий многообразные технологические, экономические и правовые связи, а также человеческие отношения. Она предназначена для осуществления входящими в неё субъектами совместной целенаправленной деятельности. Для социальной организации характерны целенаправленность развития и функционирования, самоорганизация, наличие взаимозависимости между её внутренней и внешней средами, наличие формальной и неформальной структур.

и практических проблем управленческой деятельности, имеющих онтологические, гносеологические и аксиологические основания, в частности, достижению уровня нравственности и культуры, который привёл бы к освобождению людей [3, с. 182], ориентируя их при этом на достижение совместно поставленных целей.

Необходимо отметить, что периодически делаются попытки философского осмысления тех или иных аспектов управления, но в подавляющем большинстве они осуществляются на эмпирическом уровне. К подобного рода попыткам относятся формулирования различных «философий управления», «философий руководства», «корпоративных философий», представляющих собой совокупности неких эмпирических правил, которых следует придерживаться социальным организациям и их руководителям. Наиболее амбициозные из них претендуют на то, чтобы стать некими базовыми положениями, распространяющимися на менеджмент в целом. Целесообразным же представляется экстраполяция на управленческую деятельность потенциала философии как самостоятельной науки. Прежде всего такая экстраполяция относится к аксиологической проблематике, определяющей мировоззренческие основы управления. Она позволит дать адекватные оценки содержанию и результатам управленческой деятельности, оперируя абсолютными и сравнительными аксиологическими понятиями.

Не подлежит сомнению, что философская методология, в частности социально-философский анализ как наиболее часто встречающаяся философско-методологическая процедура,

могут существенным образом способствовать решению многих теоретических и практических проблем управления. Это не отменяет значимости применения в нём методологий и методик частных наук, а также показавших свою состоятельность на практике эмпирических подходов к тем или иным аспектам управленческой деятельности.

Социально-философский анализ является разновидностью анализа как средства познания применяется при изучении социальных объектов, к числу которых относится процесс управления социальной организацией. Он предполагает процедуру мысленного расчленения управленческой деятельности на составляющие её элементы и рассмотрение данных элементов в качестве самостоятельных объектов познания. Главная функция социально-философского анализа заключается в выделении различных признаков как в управлении в целом, так и в отдельных его аспектах, изучаемых исследователем. Выделенные признаки могут служить основаниями для систематизации фактов в заданном порядке, который характеризует отдельную сторону исследуемого объекта.

Вместе с тем управление не может рассматриваться как механическая сумма частей или совокупность определённых его свойств, поскольку любая его часть не может быть понятной, если нет знаний об объекте в целом [14]. Поэтому для получения целостного знания об управлении необходимо синтезировать полученные в результате социально-философского анализа знания о его составляющих: частях, свойствах, отношениях, – которые были выделены и исследованы в

процессе аналитических процедур. Таким образом, анализ предусматривает наличие органичной связи с синтезом, которая обеспечивает результативность исследований управления социальной организацией.

Значительная часть методологов придерживается позиции, согласно которой анализ является первичной методологической процедурой, базовой для синтеза. Например, А. А. Кокорин, при рассмотрении диалектики анализа и синтеза указывает, что синтез имеет место только после анализа, обращая внимание на первичность социально-философского анализа в качестве методологического средства [7, с. 24]. Он же высказал мнение о том, что социально-философский анализ положен в основу и других теоретических и эмпирических методов познания: индукции, дедукции, наблюдения, моделирования, эксперимента и др., – начинающихся с разделения познаваемых объектов на части. Из сказанного выше можно сделать вывод, что социально-философский анализ, играя ключевую роль в познании наиболее общих характеристик управления социальной организацией, не может в достаточной степени реализовать свой потенциал, не используя других методологических средств. Их комплексное применение дает возможность системно исследовать такой сложный объект, как управленческая деятельность в социальной организации.

Социально-философский анализ предусматривает выявление структуры целого, не только фиксируя при этом части, из которых данное целое состоит, но и устанавливая отношения между ними. К примеру, при осмыслении аксиологических оснований

управления социальной организацией как целого, социально-философский анализ дает возможность определить их структуру и выявить взаимосвязи между ценностями на различных этапах эволюции теории и практики управления.

При проведении социально-философского анализа управления социальной организацией целесообразно использовать философский алгоритм познания, предполагающий следующие взаимосвязанные шаги [6]:

1. изучение элементов, которые включают в себя управление;
2. исследование связей изученных элементов друг с другом;
3. анализ способов и последовательности взаимодействий элементов, которые составляют управление как некую целостность, для того чтобы понять специфику данного взаимодействия, обеспечивающего такую целостность;
4. изучение взаимодействий управления с явлениями среды, в которой оно функционирует и развивается;
5. анализ способов взаимодействия управления с явлениями среды, что позволяет понять особенности взаимовлияния управленческой деятельности и среды его функционирования в целостной картине мира.

Для каждого из перечисленных выше этапов характерно доминирующее методологическое средство.

На первом этапе, этапе исследования элементов управления, целесообразно использовать такое методологическое средство, как приём. Приём познания представляет собой основное методологическое средство, которое обеспечивает процедуру анализа,

т. к. он ориентирован на исследование сущностей элементов объектов. Он формируется на базе содержания философских категорий, используемых при социально-философском анализе управления науки, и предназначен как для познания, так и для преобразования элементов объекта изучения. Категории отражают сущностную характеристику его отдельных сторон, составляя основу того или иного приёма.

Для того чтобы исследовать связи между элементами управления, что характерно для второго этапа применения алгоритма познания, уже необходимо использование совокупности приёмов, которые составляют способ познания. Способ познания является методологическим средством, которое формируется на базе законов науки и предназначено для познания и преобразования связей между элементами управления. И это является основой, на которой формируются подходы к управленческой деятельности.

Познать и преобразовывать способы и последовательность взаимодействий элементов, составляющих управление, позволяют подходы. К настоящему времени широкое применение получил ряд частнонаучных подходов к изучению управленческой деятельности. К числу их относятся функциональный, эмпирический, деятельностный, ролевой, технократический и дименсиональный подходы. В рамках проведения социально-философского анализа управления социальной организацией нами был обоснован философско-аксиологический подход к данному процессу. Этот подход позволяет определить ценности, выступающие в качестве аксиоло-

гических оснований управленческой деятельности, которые обуславливают способы её осуществления в целостности.

Подходы дают возможность определить способы взаимодействия элементов управления, а методы – взаимодействие управления со средой его функционирования и развития, что соответствует четвёртому этапу алгоритма познания [5]. Методы формируются на базе научных концепций, применяющихся в практике управления. При этом следует учитывать многоконцептуальность управления как науки и практической деятельности, что определяет использование комплекса методов при исследовании управления социальными организациями.

Наконец, исследовать особенности взаимовлияния управленческой деятельности и среды его функционирования позволяет методологическая система, формирующаяся на базе совокупности научных категорий, законов, принципов, концепций и теорий, которая в процессе решения практических, в том числе и познавательных, целей представляет собой методологию. Лишь участвуя в достижении практических целей, наука управления (менеджмент) получает методологические свойства.

При применении алгоритма следует руководствоваться рядом приведённых ниже правил:

– В ходе исследования необходимо использовать информацию об исследуемом объекте, которая была получена до начала использования алгоритма познания, и позитивный исследовательский опыт исследователя.

– Выбор и последовательность использования философских мето-

логических средств должны соответствовать целям и задачам проводимого исследования и иметь системный характер.

– Необходимо принимать во внимание особенности ситуации использования философского алгоритма познания при изучении того или иного элемента управления, связей между элементами, исследования управленческой деятельности как целостности.

– Процесс познания надлежит осуществлять перманентно, что порождает необходимость использовать разнообразные комбинации методологических средств в ходе различных этапов исследовательской деятельности.

– В случае неудачи в применении методологических средств познания имеет смысл использовать другие их комбинации.

– Практически все философские категории могут стать основой для методологических средств.

– Приёмы познания являются базовыми при использовании философского алгоритма познания. Другие методологические средства интегрируются с приёмами в процессе социально-философского анализа.

– Использование философского алгоритма познания предусматривает единство чувственного, формально-логического и научного уровней осмысления бытия.

– В ходе исследований с применением данного алгоритма познания необходимо жёстко следовать законам диалектической и формальной логик.

– Философский алгоритм познания при изучении управления необходимо постоянно применять в целях регулярного обновления знаний об

управленческой деятельности, обладающей высокой динамичностью.

– Следует регулярно проверять истинность получаемых эмпирических данных, а также изучать условия, в которых они были получены.

– Важно системно применять все методологические процедуры, к числу которых помимо социально-философского анализа относятся синтез, индукция, дедукция, наблюдение, моделирование, эксперимент и др.

Помимо использования философского алгоритма познания, при изучении управления необходимо соединить с философской методологией методологии таких наук, как психология, политология, экономика, социология, юриспруденция и др. При таком соединении философская методология будет играть ключевую роль по отношению к различным средствам, которыми располагают частные науки. Это обстоятельство выступает условием обеспечения многоаспектного исследования управления социальными организациями.

Другим условием многоаспектности его исследования является то, что в нём применяется комплекс общелогических методологических процедур, а не только философский алгоритм познания. Ранее уже было сказано об использовании синтеза в изучении управления социальной организацией.

Значительное место в философском понимании социального управления имеет абстрагирование, являющееся мысленным отвлечением от отдельных свойств и отношений изучаемого объекта и одновременным выявлением того, что интересует познающего. Так, абстрагирование применялось при описании сущности социальной

организации в ходе проведения социально-философского анализа, когда не рассматривались особенности сфер деятельности человека, в которых данные организации функционируют. Синтез данных, полученных путём использования социально-философского анализа и абстрагирования, дал возможность определить сущностные признаки социальной организации, к числу которых относятся наличие не менее двух членов организации, цели их совместной деятельности, наличие механизма её координации, стремление к положительным ценностям-целям и ценностям-средствам.

Связанной с абстрагированием методологической процедурой является обобщение, предполагающее выявление признаков и свойств объектов исследования. Оно даёт возможность представить обобщённую характеристику управления как социального феномена, а не только управления в какой-либо сфере жизни общества.

Значительный объём знаний об управлении, накопленный различными науками, потребность в интеграции разнообразных научных подходов к управленческой деятельности сделали актуальными применение индукции. Она даёт возможность обобщить знания и выделить из них необходимые для решения исследовательских задач.

Диалектически связанным с индукцией методом является дедукция, открывающая значительные возможности для проверки различных гипотез [1], в частности тех или иных аспектов социального управления применительно к конкретным ситуациям управленческой деятельности. К примеру, дедуктивным путём можно проверить справедливость утвержде-

ний, связанных с аксиологическими основаниями управления социальной организацией: о влиянии тех или иных ценностей на её развитие и функционирование, о значимости стимулов, используемых руководителем, для мотивации труда конкретных работников, о ценностных основаниях, принимаемых в определённых обстоятельствах управленческих решений.

Изучая многообразие аспектов управления, исследователю важно определиться с подходами к анализируемым объектам, т. е. с методологическими средствами, которые ориентированы на познание и преобразование способов связей элементов объекта исследования. К таким подходам, учитывая специфику управления социальной организацией, следует отнести системный, структурно-функциональный и ситуационный.

Ориентируясь на целостность в изучении управления социальной организацией, следует использовать системный подход, который предусматривает выявление определённых иерархий в самой организации, к числу значимых для управленческой деятельности из которых относятся управляющая и управляемая системы [8]. Многогранность процесса их взаимопроникновения порождает многообразие научных и практических проблем, что, в свою очередь, формирует разнообразие исследовательских интересов как философского, так и частного научного планов. Структуризация как ещё один принцип системного подхода важна в исследованиях разнообразных по своим основаниям структур социальной организации: формальных, неформальных, профессиональных, гендерных, возрастных и пр. В насто-

ящее время возрастает значимость дифференциации как составляющей системного подхода при изучении управления, что является ответом на многочисленные изменения во внешней среде социальных организаций.

Применение структурно-функционального подхода к исследованию управления базируется на идее о наличии у управленческого процесса универсальных функций [11]. Чаще всего, с точки зрения их содержания, к таким функциям относят целеполагание, планирование, организационную функцию, руководство (мотивацию) и контроль, которые связываются процессами принятия решений и управленческих коммуникаций. Эти или другие функции управления социальной организацией рассматриваются как органически взаимосвязанные и составляющие единый процесс. Такой подход к рассмотрению управления позволяет характеризовать его как систему непрерывных и взаимосвязанных действий, которые группируются в хронологически упорядоченных и циклически организованных системах управленческих функций. Таким образом, целью использования структурно-функционального подхода к исследованию управления становится не столько выявление факторов и условий обеспечения результативности управленческих функций как таковых, сколько обоснование механизмов их правильной организации в русле единого управленческого процесса.

В основу ситуационного подхода применительно к управлению поло-

жено утверждение о том, что его эффективность определяется ситуацией, в которой находятся субъекты и объекты управленческой деятельности [10]. Ситуация – это конкретная система факторов, совокупность которых в наибольшей степени влияет на организацию на определённом временном отрезке [13]. Ситуационный подход развивает идею о социальной организации как об открытой системе, находящейся во взаимодействии с внешней средой. Отсюда следует, что главной причиной происходящего внутри социальной организации является ситуация вне её. Данный подход показывает, что не существует однозначно эффективного способа управления социальной организацией. Это порождает потребность в изучении ситуации вокруг и внутри социальной организации, для чего необходимо использование философской методологии и методологий частных наук.

Таким образом, управление социальной организацией является перспективным объектом социально-философских исследований. Для их осуществления имеется достаточное количество методологических средств, которые целесообразно использовать в рамках философского алгоритма познания. Однако данный алгоритм следует дополнить общелогическими процедурами, а также методологическими средствами частных наук. Тем самым будет достигаться многоаспектность исследования управления социальной организацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Де Бройль Л. По тропам науки. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 408 с.
2. Губман Б. Л. Теория наррации аналитической философии истории и наследие прагматизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 130–143.
3. Евдокимов И. А. Социальные антагонизмы в критической теории Ноама Хомского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 173–183.
4. Кезин А. В. Менеджмент: методологическая культура. М.: Гардарики, 2001. 269 с.
5. Кокорин А. А. Методология научных исследований. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 298 с.
6. Кокорин А. А. Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 324 с.
7. Кокорин А. А. Экономика: философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2010. 264 с.
8. Мильнер Б. З. Теория организации. М.: ИНФРА-М, 2000. 480 с.
9. Песоцкий В. А., Чугунов В. М. Философско-методологические и политологические аспекты управленческой деятельности современного руководителя. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 254 с.
10. Питерс Т. В поисках эффективного управления. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
11. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Контролинг, 1992. 112 с.
12. Хомский Н. Как устроен мир. М.: АСТ, 2014. 447 с.
13. Follett M. Group organization the solution of popular government. New York: Longmans, 1920. 373 p.
14. March J. G. Organizations. New York: Wiley, 1958. 262 p.

REFERENCES

1. De Broglie L. *Po tropam nauki* [On the Paths of Science]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1962. 408 p.
2. Gubman B.L. [The theory of narration of analytical philosophy of history and the legacy of pragmatism]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 130–143.
3. Evdokimov I. [Social antagonisms in a critical theory of Noam Chomsky]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 173–183.
4. Kezin A.V. *Menedzhment: metodologicheskaya kul'tura* [Management: Methodological Culture]. Moscow, Gardarika Publ., 2001, 269 p.
5. Kokorin A.A. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy* [The Methodology of Scientific Research]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015, 298 p.
6. Kokorin A.A. *Filosofskii algoritm poznaniya: soderzhanie i prakticheskie vozmozhnosti* [Philosophical Algorithm of Cognition: Content and Practical Capacities]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2013, 324 p.
7. Kokorin A.A. *Ekonomika: filosofskii analiz* [Economy: a Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2010, 264 p.
8. Milner B.S. *Teoriya organizatsii* [Organization Theory]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. 480 p.
9. Pesotsky V.A., Chugunov V.M. *Filosofsko-metodologicheskie i politologicheskie aspekty upravlencheskoi deyatel'nosti sovremennogo rukovoditelya* [Philosophical, Methodological

- and Political Aspects of Modern Management]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2016. 254 p.
10. Piters T. *V poiskakh effektivnogo upravleniya* [In Search of Effective Management]. Moscow, Progress Publ., 1986. 424 p.
 11. Fayol H. *Obshchee i promyshlennoe upravlenie* [General and Industrial Management]. Moscow, Kontrolling Publ., 1992. 112 p.
 12. Homsy N. *Kak ustroen mir* [How the World Works]. Moscow, AST Publ., 2014. 447 p.
 13. Follett M. *Group Organization the Solution of Popular Government*. New York; Longmans, 1920. 373 p.
 14. March J. G. *Organizations*. New York; Wiley, 1958. 262 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакурадзе Андрей Бондович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ); e-mail: bondovich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey B. Bakuradze – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Sociology and History, Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»; e-mail: bondovich@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бакурадзе А. Б. Социально-философское исследование управления: методологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-23-32

FOR CITATION

Bakuradze A. B. Socio-Philosophical Study of Management: Methodological Aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 23–32.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-23-32

УДК

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-33-42

ФЕНОМЕН МАТЕРИНСТВА: ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ И НЕПРИНЯТИЯ РЕБЁНКА

Барина Г. В.*Российский университет транспорта (МИИТ)**127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В работе основное внимание уделено проблемам нерождённых детей и правовой защиты жизни и здоровья ребёнка на пренатальной стадии развития. Рассматривая баланс «принятости» и «непринятости», автор считает, что прерывание беременности не только оказывает негативное влияние на физическое и психическое здоровье женщины, но и является неизлечимой раной для семьи и общества.

Ключевые слова: материнство, право материнства, семья, нерожденный ребенок, аборт, принятие, неприятие, человеческое достоинство ребёнка, демографическая ситуация.

THE PHENOMENON OF MOTHERHOOD: THE PROBLEM OF ACCEPTANCE AND REJECTION OF THE CHILD

G. Barinova*Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»**9, bld.9, Obraztsova st., Moscow, 127994, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the issue of abortion and legal protection of life and health of the child at the prenatal stage of development. Considering the balance of «acceptance» and «rejection», the author believes that abortion has a negative impact not only on the physical and mental health of women, but also on the family and society.

Keywords: motherhood; the right of motherhood; family; unborn child; abortion; acceptance; rejection; human dignity of the child; demographic situation.

Одним из проявлений человеческой индивидуальности является возраст человека, отражающий не только количество прожитых лет, но и неповторимое, индивидуальное переживание своего времени бытия. Точнее определить понятие «возраст» возможно через единство количества (прожитых лет) и качества (неповторимой индивидуальности жизни) [2].

Глубинный экзистенциальный смысл человеческого возраста заключается в его ограниченности и в конечном итоге смертности. Человек, рождаясь в сущностном плане как бы «из ничего», через определённый промежуток времени уходит в небытие, где смысл возраста теряется. Человеческая жизнь в своей завершенности абсолютна так же, как она абсолютна не была до рождения.

Взаимосвязанные возрастные периоды могут «поддерживать» или отрицать друг друга, но каждый из них имеет свою ценность. Если старость считается финальным периодом человеческого возраста, где «все в последний раз», то исходный период, когда «все в первый раз», – это детство.

Новый человек, появляющийся на свет, – это новая жизнь, пришествие нового мира. И нового человека в существующем мире могут либо принимать, либо не принимать. Рассматривая баланс «принятости» и «непринятости», можно говорить о том, что, с одной стороны, подлинно социокультурный мир принимает каждого ребёнка с распростёртыми объятиями. Желанного ребёнка ждут родители, бабушки и дедушки, ребёнок придаёт смысл их жизни. С другой стороны, малыш появляется в мире, неподготовленном к его рождению, как незванный гость, помимо своей воли. И в этом скрытая трагедия ребёнка, который не может её выразить, в полной мере осознать и пережить. И не всегда равнодушный мир хочет принимать новую жизнь. Как холодно и случайно «равнодушная природа» порождает жизнь, так холодно и случайно её уничтожает. Доктор философских наук К. С. Пигров считает, что «контрацептивы, аборт, смерть младенцев, ещё фактически не начавших жить человеческой жизнью, – всё это обнаружение эксцессов возраста, когда возраст человеческого существа даже и не начинался» [7].

Жизнь человека начинается в момент его зачатия. Жизнь ребёнка (и не важно, какие термины используются – «эмбрион», «плод») в утробе матери – это этап жизни и развития индивида.

Конституция РФ определяет основные права и свободы человека неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения. Но согласно Основному закону нашего государства, правами человек обладает только с момента рождения¹, хотя, с точки зрения биологии, как биологический индивидум человек формируется сразу после слияния родительских половых клеток, когда образуется неповторимый набор генов. Поэтому плод, растущий в утробе матери, есть человеческое существо, обладающее правом на жизнь с момента зачатия. Медицина, руководствуясь критерием начала самостоятельного дыхания, считает, что именно в этот момент ребенок приобретает гражданскую правоспособность.

Очевидно, что жизнь ребёнка до и после рождения существенно различается. В то же время нерождённый ребенок, впрочем, как и новорождённый, сам не в состоянии заявить о своих правах и защитить свои законные интересы. Но права и интересы являются реальными и действующими в силу факта начала жизни ребёнка, с изначальным присущим ему человеческим достоинством.

Интересен факт признания на международном уровне человеческого достоинства у ребёнка на пренатальной стадии развития. В рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы отмечается, что «человеческий эмбрион и плод должны рассматриваться при любых обстоя-

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 17. П. 2: Права и свобода человека и гражданина [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL.: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/105:0> (дата обращения: 01.11.2018).

тельств с уважением человеческого достоинства»¹.

Таким образом, естественное право на жизнь ещё нерождённого ребёнка, как любого другого человека, должно признаваться государством высшей ценностью, которая не может быть отменена законодательно. Следовательно, на государственном уровне существует потребность признания необходимости правовой защиты жизни и здоровья ребёнка на пренатальной стадии развития и установления законодательных гарантий права такого ребёнка на жизнь, нормальное развитие и охрану его здоровья.

Российское законодательство до настоящего времени не регулирует вопросов, связанных с защитой прав человеческого эмбриона. Хотя можно назвать страны, в которых жизнь ребёнка охраняется законодательно ещё до его рождения: в Словакии² и Чешской Республике³ с начала 90-х гг. признано, что «человеческая жизнь достойна охраны ещё до рождения». Особо строгим считалось законодательство Ирландии, где до 2013 г. прерывание беременности было запрещено даже в случае изнасилования, кровосмешения

и обнаружения смертельно опасных отклонений в развитии плода. Конституция Ирландии признаёт право на жизнь матери и ребёнка одинаковыми по своей юридической силе: «Государство признает право на жизнь нерождённого и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право»⁴. Но на референдуме 2018 г. большинство граждан проголосовало за легализацию аборт, и в настоящее время готовятся изменения в действующее законодательство.

Традиционно понятие «ребёнок» связывается с возрастным критерием. Согласно Конвенции о правах ребёнка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г., «ребёнком признаётся каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону оно не достигает совершеннолетия ранее»⁵.

В России число детей до 18 лет за последние 30 лет катастрофически уменьшилось. Если в 1989 г. в общей возрастной структуре населения численность детей составляла более 40 млн. человек, то в 2010 г. – всего 27 млн. На протяжении десятилетия количество детей колеблется в диапазоне 26–29 млн человек и составляет 16–18% от общего числа насе-

¹ Recommendation 1046 (1986) «Use of human embryos and fetuses for diagnostic, therapeutic, scientific, industrial and commercial purposes» [Электронный ресурс] // Parliamentary Assembly: [сайт]. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=15080&lang=en> (дата обращения: 15.01.2019).

² Конституция Словакии (Словацкой Республики). Гл. 1. Ст. 15 [электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 26.01.2019).

³ Základní lidská práva a svoboda [Электронный ресурс] // Iстина základních práv a svobod. Гл. 2. Ст. 6. URL: <http://www.psp.cz/docs/laws/listina.html> (дата обращения 26.01.2019).

⁴ Конституция Ирландии. Ст. 40.3.3 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf> (дата обращения: 26.01.2019).

⁵ Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.12.2018).

ления РФ¹. Можно говорить о самом существенном признаке самоуничтожения – падении рождаемости. «Неслышимый стон России», «плач нерождённых детей» – так образно, но очень точно охарактеризовал данную ситуацию председатель правления Российского детского фонда Альберт Лиханов².

Практически во всех религиозных конфессиях мира аборт считается убийством. Многие духовные практики утверждают, что разрушение связи «мать–дитя» (в случае принятия решения избавиться от того, кому дали жизнь) может повлиять на жизни не только родителей, но и других членов семьи. Даже в эпоху высоких технологий учёные не могут ни подтвердить, ни опровергнуть этого факта. Но сверхчувственная связь матери с ребёнком существует и не нуждается ни в каких доказательствах.

С системной точки зрения, семья состоит из взаимосвязанных между собой представителей, которые воздействуют друг на друга вне зависимости от того, живы они или нет. Бесспорно, что одна из самых прочных и устойчивых связей – это связь между родителем (особенно мамой) и ребёнком. Как мама девять месяцев носит под сердцем малыша, так и каждый ребёнок носит в своём сердце семью. Ребёнок с момента зачатия вплетён в со-

бытия, судьбы и переживания людей, о которых может даже не знать.

Гипотетическая совокупность наследственных реакций, передаваемых индивиду через поколения посредством генов, называется генетической памятью. Европейские учёные пришли к выводу, что в утробе матери ребёнок начинает видеть сны приблизительно на восьмой неделе беременности параллельно с развитием зрительных органов [12]. С точки зрения профессора С. П. Расторгуева, именно так проявляется генетическая память: мозг считывает, записывает и хранит родовую информацию. Подтверждением данной теории может служить навык плаванья под водой, который можно поддерживать и сформировать, подкрепляя с рождения, опираясь на временный рефлекс задержки дыхания, которым обладает каждый новорождённый, но который утрачивается на втором – третьем месяце жизни. Таким образом, генетическая память – способность человека помнить то, чего не было в его непосредственном опыте [8, с. 28]. Поэтому ребёнок может не знать своей умершей бабушки, но именно с ней он имеет прочную связь, отдавая её долги или повторяя её судьбу. И соответственно, судьба искусственно исключённого из жизни может отразиться на членах семьи в других поколениях.

По статистике общее количество абортов в XXI в. по сравнению с прошлым значительно снизилось. Но, если рассмотреть соотношение операций с общей численностью населения, данное заявление может быть весьма спорным. По данным ВОЗ, ежегодное число случаев прерывания беременности в мире (включая нелегальные) со-

¹ Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. М., 2010. С. 40–41. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/doc_2010/DEMO.pdf (дата обращения: 27.01.2019).

² Лиханов А. А. Трагедии детства не видно конца [Электронный ресурс] // Правда: 2010. № 99 (29586). https://kprf.ru/media/filestorage/pravda_issues/issue_29586.pdf (дата обращения: 26.01.2019).

ставляет около 50 млн¹. Это значит, что более 20% беременностей заканчиваются абортom, или 28 потенциальных матерей на 1000 женщин отказываются от рождения ребёнка. Печально то, что основными причинами прерывания беременности являются в 40% «собственное желание», а в 23% – «социальные проблемы»².

Приоритетность решения зачать или не зачать ребёнка, родить или не родить принадлежит женщине. Гораздо реже – желание обоих родителей. Но в таком случае нарушаются права не только нерождённого ребёнка, но и права отца. Даже обстоятельство рождения больного или искалеченного ребёнка не может оправдать отстранение от защиты его жизни. Слабость оправдания аборта становится более очевидной с увеличением возможности исправлять некоторые отклонения неродившегося ребёнка ещё в чреве матери. Почему женщина-мать для одних детей выбирает аборт, а для других – лечение? На чем основывается принятие или непринятие женщиной своего будущего ребёнка? Ответы на эти вопросы не просты.

Мотивы рождения ребёнка можно классифицировать по виду потребностей: социальные, экономические, психологические, – а также по установкам личности: конструктивные и декон-

структивные [2, с. 140]. К сожалению, статистика показывает, что движущие силы, побуждающие родителей к рождению малыша в современном обществе, – это достижение разного рода целей и личностной реализации через рождение ребенка. Конечно, выраженные мотивы рождения ребёнка у мужчин и женщин неодинаковы, но деструктивные мотивации, связанные с социальными ожиданиями семьи, стремлением сохранить отношения и удержать супруга в браке, воплощением своих нереализованных стремлений через ребёнка, замещение умерших родственников, получения материальной выгоды и др., у женщин выражены в большей степени, чем у мужчин [5, с. 256]. При этом не всегда будущая мама понимает, что ребёнок – это не объект, а субъект, ценный сам по себе. Если родители осознают, что воспитание ребёнка требует не только материальных и физических ресурсов, но и терпения, эмоциональной включенности, они готовы любить своего малыша, заботиться о нём, общаться с ним и относиться к нему как к личности. В этом случае и ребёнок сможет выполнить свою социальную роль – расти и развиваться.

По данным исследований об отношении россиян к искусственному прерыванию беременности, проведённых учёными, а также Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)³, весомой причиной прерывания беременности является социально-экономический фактор: уровень

¹ Совместный выпуск новостей ВОЗ и Института Гутмахера [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/28-09-2017-worldwide-an-estimated-25-million-unsafe-abortions-occur-each-year> (дата обращения 26.01.2019).

² Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/doc_2010/DEMO.pdf. (дата обращения 27.01.2019).

³ ВЦИОМ: отношение россиян к запрету абортов // mResearcher: новостной портал. URL: <https://mresearcher.com/2016/10/vtsiom-otnoshenie-rossiyan-k-zapretu-abortov.html> (дата обращения: 26.01.2019).

доходов семьи, жилищные проблемы, уровень образования, социальное положение, сфера трудовой деятельности, семейное положение, количество детей в семье и т. д. [6; 10]. Женщиной или семьей данный фактор чаще всего принимается как основная причина в решении будущей жизни. Да, существуют обстоятельства в жизни, при которых аборт может рассматриваться как способ достижения желательных целей: при планировании семьи, «нежелательной беременности», для уменьшения случаев страдания детей от неправильного обращения, создания возможности женщине продолжить карьеру, облегчения бремени, лежащего на семье, имеющей финансовые и другие трудности и т. д. Но даже эти цели не являются оправданием убийства человеческого существа.

Аборты совершаются во всём мире, и их количество растёт вне зависимости от закона и мнения общественности. Наиболее лояльными в отношении к абортам признаны США, Китай, Канада и Северная Корея, где процедуры избавления от плода законны по любой причине и на любых сроках. Россия признаёт право женщины отказаться от рождения ребёнка по собственному желанию только на ранних стадиях (до 12 недель) беременности, что также позволительно на большей части Восточной Европы, в странах бывшего СССР, а также ещё в 55 государствах из 194 [1; 9].

Медицина, как, впрочем, и право многих стран, трактует аборт в пользу спасения материнской жизни или защиты её от бедствий или несправедливых положений, если речь идёт о выборе между её жизнью или жизнью ребёнка. В случае запрещения аборт,

что, на мой взгляд, является нецелесообразным выбором, увеличится число криминальных аборт, самостоятельных медикаментозных вмешательств, а это приведёт к увеличению инвалидности и смертности женщин. В любом обществе женщина должна иметь право выбора. Аборт должен быть именно выбором, при котором никто не чувствует, что его заставляют или заманивают это сделать. Многие женщины, оказавшиеся под давлением родственников, мужей, иногда и медицинских работников, действуют иррационально, оставаясь наедине с собой и своей проблемой. Т. е., испытывая внешнее давление, женщины принимают решение прервать беременность против своей воли, которое выглядит как требование ответственного материнства. Французский врач Поль Шошор (Paul Chauchard) утверждал, что если бы отцы детей приняли на себя полноту ответственности за ребёнка, ни одна женщина в мире не согласилась бы на аборт [11].

В настоящее время аборты стали наиболее «распространённым методом контроля рождаемости в мире»¹, но процесс деторождения, являясь закономерным результатом супружеских отношений, не всегда подлежит планированию. Понятия «желательная» или «нежелательная беременность» являются своего рода индикатором продуктивных намерений, отношения к деторождению, а возможно, и психоэмоционального состояния женщины. Беременность, не запланированная за-

¹ National Security Study Memorandum 200: Implications of Worldwide Population Growth for U. S. Security and Overseas Interests (NSSM 200) [Электронный ресурс] URL: https://www.bibliotecapleyades.net/sociopolitica/esp_sociopol_deporu19.htm (дата обращения: 30.01.2019).

ранее, далеко не всегда бывает нежелательной, особенно, если семьи настроены на материнство и многодетность. А также если женщины и говорят, что беременность «нежелательная», это совсем не означает, что не желателен сам ребенок.

По свидетельству врача-гинеколога профессора Дж. А. Стелуорти, женщине никогда до конца не понять, желанный ребёнок или нет. Профессор опровергает мнения тех, кто считает, что дети, рождающиеся в результате якобы нежеланной беременности, нелюбимы. Из 207 женщин, исследованных в Швеции (Арен), 95% изменили решение относительно прерывания беременности после того, как почувствовали движение ребёнка, а после рождения малыша большинство из них прониклись к нему нежностью и любовью [3, с. 183]. Рождение ребёнка, радость материнства перевешивают горечь проблем и тяжесть изменения жизненных планов. Таким образом, различного рода страхи, эмоционально-психологическая неготовность к рождению «нежеланного» ребёнка проходят довольно быстро, особенно если будущие родители могут надеяться на поддержку близких и государства, чего нельзя сказать о состоянии и чувствах женщины, решившейся на аборт. Убивая ребёнка, она убивает часть себя, что бесследно пройти не может [4].

Семья является важной составляющей культуры любого общества. В современном обществе такой существенный момент, как рождение или не рождение ребёнка, – это даже при благоприятных обстоятельствах, ответственный шаг для всех членов семьи. И если принято утверждать, что

семья первичная ячейка общества, по логике, рождающийся малыш – центр общества. Материнство не может рассматриваться как исключительно личное дело каждой женщины, это – дело общественно-государственной значимости, требующее полноценного правового сопровождения, носящего прежде всего характер защиты материнства. Поэтому на уровне законодательства следует предусмотреть максимально полную финансовую поддержку семьи, возможность продолжения профессиональной деятельности женщин в связи с материнством, включение в трудовой стаж периодов ухода за каждым ребёнком, не ограничивая сроки социально значимых периодов. Возможно, имеет смысл государству пересмотреть вопросы социальной поддержки, в частности медицинской, расширив спектр услуг в рамках программы обязательного медицинского страхования матери и ребёнка, предоставив пожизненную медицинскую страховку при рождении женщиной двух и более детей. Важным является и вопрос организации в женских консультациях работы перинатальных психологов для консультирования беременных женщин, с целью коррекции их внутреннего состояния.

Материнство – это важнейшая духовная деятельность женщины, смыслом которой является не только обновление семьи, но и преобразование общества. Признание за каждой женщиной приоритетного права быть мамой с созданием экономических и социальных программ, направленных на сочетание личной, профессиональной и общественной жизни, возможны только путём популяризации ценностей материнства на уровне

государства. Поэтому, если в современном российском социуме звучит «нет» материнству, это означает индивидуализму, что изначально не свойственно ценностным основаниям нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аборт как метод регулирования рождаемости / Е. В. Митковская и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. Акушерство и гинекология. 2012. № 5.
2. Аprobация опросника «Репродуктивные мотивы» / И. С. Морозова и др. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3(3).
3. Белобородов И. И. Узаконенное убийство: роль и последствия аборт в контексте демографической деградации // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3(36).
4. Бёрк Т. Запрещенные слезы. О чем не рассказывают женщины после аборта. СПб.: Каламос, 2010. 352 с.
5. Биктина Н. Н., Соколова Д. У. Особенности мотивации рождения ребенка-первенца у мужчин и женщин // Азимут научных исследований: Педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1(18).
6. Гряниченко Н. А. Медико-социальные факторы искусственного прерывания беременности: дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2006. 138 с.
7. Пигров К. С. Введение в философию возраста // Онлайн-университет третьего возраста. URL: <http://u3a.ifmo.ru/filosofy-cours> (дата обращения: 20.03.2018).
8. Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.
9. Сакевич В. И. В каких странах разрешено искусственное прерывание беременности [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2007. № 297–298. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0297/reprod01.php> (дата обращения: 29.01.2019).
10. Семикина Н. А., Трошина Г. К. Изучение мнений женщин о причинах искусственного прерывания беременности // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 12.
11. Chauchard P. L'avortement / «Revue Thomiste». 1973. P. 33–46.
12. Hobson A. Dreaming: A Very Short Introduction. New York Oxford University Press, 2002. 154 p.

REFERENCES

1. Mitkovskaya E.V. et al. [Abortion as a method of birth control]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Meditsina. Akusherstvo i ginekologiya* [Bulletin of RUDN University. Series: Medicine. Obstetrics and Gynecology], 2012, no. 5.
2. Morozova I.S. et al. [Testing the questionnaire «Reproductive Motives»]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University] 2014, no. 3 (3).
3. Beloborodov I.J. [Legalized murder: the role and consequences of abortion in the context of demographic degradation]. In: *Problemy natsional'noi strategii* [Problems of National Strategy], 2016, no. 3(36).
4. Berk T. *Zapreshchennye slezy. O chem ne rasskazyvayut zhenshchiny posle aborta* [Forbidden Tears. What Women After Abortion Do Not Tell About]. St. Petersburg, Kalamos Publ., 2010. 352 p.
5. Biktina N.N., Sokolova D.J. [Men and women's motivation of the birth of the firstborn]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: Pedagogika i psikhologiya* [The Azimuth of Research: Pedagogy and Psychology], 2017, vol. 6. no. 1(18).

6. Gryanichenko N.A. *Mediko-sotsial'nye faktory iskusstvennogo preryvaniya beremennosti: dis. ... kand. med. nauk* [Medical and social factors of abortion: PhD thesis in Medical Sciences]. Volgograd, 2006, 138 p.
7. Pigrov K. [Introduction to the Philosophy of Age]. In: *Onlain-universitet tret'ego vozrasta* [Online University of the Third Age]. Available at: <http://u3a.ifmo.ru/filosofy-cours> (accessed: 20.03.2018).
8. Rastorguev S.P. *Filosofiya informatsionnoi voiny* [Philosophy of Information War]. Moscow, Radio and Communication Publ., 1999. 416 p.
9. Sakevich V.J. [In what countries abortion is permitted]. In: *Demoskop Weekly*, 2007, no. 297–298. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0297/reprod01.php> (accessed: 29.01.2019).
10. Semikina N.A., Troshina G.K. [Studying the opinions of women on the reasons of abortion]. In: *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsii* [Bulletin of Internet Conferences on Medicine], 2013, vol. 3, no. 12.
11. Chauchard P. L'avortement. In: *Revue Thomiste*. 1973, pp. 33–46.
12. Hobson A. *Dreaming: A Very Short Introduction*. New York Oxford University Press, 2002. 154 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баринова Галина Викторовна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, социологии и истории Российского университета транспорта (МИИТ);
e-mail: galina1759@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Barinova – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Sociology and History at Federal State Institution of Education «Russian University of Transport»;
e-mail: galina1759@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Баринова Г. В. Феномен материнства: проблема принятия и непринятия ребёнка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 33–42.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-33-42

FOR CITATION

Barinova G. The Phenomenon of Motherhood: The Problem of Acceptance and Rejection of the Child. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 33–42.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-33-42

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-43-51

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Бондарева Я. В.¹, Молчан Э. М.²

¹Московский государственный областной университет

141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл.,
Российская Федерация

²Сергиево-Посадский институт игрушки

141310, г. Сергиев Посад, Северный пр., д. 5, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются ценностное основание социальных систем, генно-историческое развитие феномена духовно-нравственных ценностей, определяются их сущностность и характеристики. Методологией исследования выступают междисциплинарный, историко-философский, аксиологический подходы и социально-философский анализ актуальных проблем социального бытия. Акцентируется внимание на сущности духовно-нравственных ценностей, которые раскрывают ценностное основание социальных систем и являются системообразующим фактором, объединяющим субъектов взаимодействий в освоении социального пространства. Подчеркивается, что духовно-нравственные ценности задают гуманистический вектор развития современного государственного уклада наряду с системностью и структурированностью. Авторы приходят к выводу, что критериальные показатели духовно-нравственных ценностей определяют индивидуально-психологические изменения в структуре личности, нравственном её совершенствовании, формируют устойчивость и целостность социальных систем.

Ключевые слова: субъекты взаимодействия, духовно-нравственные ценности, социализация, общество, социальные системы, социальное бытие, ценностное основание, личность.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SYSTEMS

Ya. Bondareva¹, Ye. Molchan²

¹Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

²5, Sergiyev-Posad Institute of Toy, Severny driveway, Sergiev Posad, 141310, Russian Federation

Abstract. The authors study the value basis of social systems, the gene-historical development of spiritual and moral values, determine their nature and characteristics. The research methodology includes interdisciplinary, historical-philosophical, axiological approaches and socio-philosophical analysis of the topical issues of social existence. The study is focused on

the nature of spiritual and moral values which reveal the value basis of social systems and are a system-forming factor that unites the subjects of interactions in the development of social space. It is emphasized that spiritual and moral values set the humanistic vector of the development of modern state structure, along with consistency and structuredness. The authors come to the conclusion that the indicators of spiritual and moral values determine individual psychological changes in the structure of the personality, its moral improvement, form the stability and integrity of social systems.

Keywords: subjects of interaction, spiritual and moral values, socialization, society, social systems, social being, value basis, personality.

Ценностное основание социальных систем

социальная жизнь современного общества выступает отражением мировых глобализационных процессов, формирует ценностное основание социальных систем, влияет на формирование духовно-нравственных ценностей личности. Социально-философский анализ сущности и структуры духовно-нравственных ценностей раскрывает их роль в духовно-нравственном развитии личности, особенности формирования социальных систем современного общества. Ценностное основание социальных систем выступает важным фактором развития современного общества, а духовно-нравственные ценности – это неизменные феномены, изучением которых на протяжении всего времени существования цивилизации занимались философы.

Для современной философии является актуальной задача объяснения феномена духовно-нравственных ценностей с учётом перспективных тенденций развития цивилизации, проблем, связанных с глобализацией и виртуализацией современного мирового пространства. Перед мировой общественностью стоят проблемы сохранения цивилизации, создания благоприятных условий существования

человечества на планете Земля, обеспечения мира в мире. Решение этих проблем напрямую связано с выбором ценностного основания социальных систем, а более конкретно – с феноменом духовно-нравственных ценностей личности в социальном бытии. Актуальность данного феномена не нова. Ещё в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека) прописаны права на свободу слова, жизни, выбора религии, ценностей и др.¹

Развитие современной цивилизации невозможно рассматривать отдельно от ценностного основания социального бытия, в основе которого заложены мировые ценности, а также ценности отдельных государств и наций. Современная Россия с её ценностным потенциалом является регулятором на мировом уровне ценностного основания государств и наций. Привлекая внимание мировой общественности к решению глобальных проблем цивилизации, Российская Федерация являет ценностные основания и критерии развития традиционных мировых ценностей через свой опыт, накоплен-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz5Vu3XJC> (дата обращения: 04.11.2018).

ный за тысячелетия существование многонационального государства. Ни одна страна мира не имеет такой многонациональной социальной структуры и подобного опыта взаимоотношения. Учитывая значение Российского государства на мировом уровне, возникает необходимость решения сложных задач, стоящих перед современной Россией, связанных с феноменом духовно-нравственных ценностей.

В своем обращении к народу патриарх Кирилл отметил, что православные духовно-нравственные ценности лежат в основе Российского государства, ибо они в значительной степени сформировали национальные черты характера и многие душевные качества русского человека: мужество и самопожертвование, честность и совесть, сострадание и обостренное чувство справедливости. Трансформируясь в социальных системах, духовно-нравственные ценности православия обрели сущностные характеристики национальных ценностей и идеалов. Православные ценности создали ценностное основание современной России, они стали основой светской культуры, литературы, живописи, музыки, архитектуры¹.

Современные социальные институты в Российской Федерации ищут выход из сложившейся духовной ситуации, когда материальные ценности зачастую не оказывают должного преобразования общества, а наносят удар по духовному составляющему человеческой личности. Уход от тради-

¹ Патриарх Кирилл: Православные ценности сформировали черты русского народа [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/religion/20180728/1525518706.html> (дата обращения: 01.11.2018).

ционных ценностей в реальной жизни современной России может привести к духовному вакууму и деградации человека как личности, что чревато последствиями демографической ситуации и исчезновением населения страны. Учитывая проблемы современного общества, необходимы новые расстановки смысловых акцентов и современного теоретического прочтения категории духовно-нравственных ценностей. Гносеологический аспект ценностного основания социальных систем включает в себе исходные принципы объяснения генезиса и наполненности феномена «духовно-нравственных ценностей», но глобализационные процессы в современном обществе, виртуализация социальных систем создают новые предпосылки изучения данного феномена. Задача раскрытия содержания духовно-нравственных ценностей и специфики их проявления в социальных системах должна быть решена средствами социально-философского анализа.

В социальной философии исходят из того, что ценностное основание социальных систем определяется особенностями субъект-субъектных взаимодействий в обществе, а проявление духовно-нравственных ценностей ограничено конкретными историческими условиями. Однако в исторические эпохи в неблагоприятных условиях наблюдались феномены личности с устойчивым ценностным основанием, непоколебимо отстаившей свою ценностную данность в опасные моменты жизнедеятельности. Не историческая среда и социальное окружение той или иной эпохи диктуют нравственный закон жизни для человека, а духовно-нрав-

ственные ценности, сформированные и заложенные в ценностное основание личности. Ценностное основание личности рассматривается наукой как основной критерий социальной активности в освоении социального бытия. Духовно-нравственные ценности личности, усвоенные, осмысленные, пережитые, становятся самостоятельными детерминантами, координирующими поведения в социальном пространстве. Духовно-нравственные ценности как вектор развития современного общества и личности являются системообразующим фактором социальных систем, определяющим ценностные ориентации личности и общества в освоении социального пространства. Духовно-нравственные ценности личности, взаимодействуя с ценностным основанием социальных систем, определяют общественные ориентиры, где личностное становится общественным, а общественное интегрируется с личностным. Во взаимодействии субъектов определяются отношения в социальных системах, подчиняющие индивидуальные ценности личности ценностным основаниям социальных систем, обуславливающие творческое воздействие личности на социальное бытие. В этой идее заключена стратегия духовно-нравственного развития общества через образовательные системы, которые, воздействуя на духовно-нравственное самосовершенствование личности, способствуют формированию духовно-нравственных ценностей и определению ценностного основания государства [7].

Определение стратегий и тенденций духовно-нравственного развития личности в социальном бытии

Определение стратегий и тенденций духовно-нравственного развития личности в социальном бытии через образовательную систему Российской Федерации предполагает выявление системообразующего ценностного основания государственной политики, определяющей успешность процесса по формированию духовно-нравственных ценностей личности и общества. Поиск интегрирующего и объединяющего феномена в интересах личности и государства, где государственная политика определяет ценностное основание социальных систем, а личность выступает субъектом социальных отношений в освоении окружающей действительности. Таким феноменом являются духовно-нравственные ценности, формирование которых будет происходить в образовательной системе Российской Федерации [3].

Проблемы ценностного основания социальных систем и духовно-нравственных ценностей личности во все исторические эпохи возникали, когда нравственные устои общества рушились. Ещё в Античности один из выдающихся мыслителей своего времени Сократ поставил вопрос: «Что есть благо?». Философское учение Сократа на протяжении многих столетий трансформировалось с учётом социальной реальности, но актуальным остаётся и сейчас. Благо является основной идеей сократовского учения, которое можно интерпретировать как ценность положительную. Ценностное основание социальных систем включа-

ет благо как ценность, связующую различные ценности между собой, с социальными и культурными факторами духовно-нравственного развития личности и общества через образовательные системы [6].

Историко-философский анализ духовно-нравственных ценностей

античная и средневековая философия ценностное основание социальных систем рассматривала через реальность истинного социального бытия. Духовно-нравственные ценности у Сократа предстают как добродетели, у Пифагора раскрываются через прекрасное, у Аристотеля – через деятельную добродетель в достижении блаженства, у Эпикура – через дружбу. В VI–V вв. до н. э. Пифагор создаёт школу, в которой основными ценностями провозглашались прекрасное и благопристойное, выгодное и полезное, а также приятное. А Аристипп, один из древнегреческих мудрецов, говорил, что лучше быть нищим, но обладать добродетелями, чем безнравственным, ибо безнравственный человек лишён человеческого образа. Основными ценностями древнегреческие философы провозглашали истину, добро и красоту.

Все представители идеалистического рационализма, от Платона до Гегеля, в философии выделяют аксиологию и онтологию, ценности и бытие. Выделение аксиологии в самостоятельную область философского знания происходит тогда, когда социальное бытие расчленяется на реальность, окружающую человека, и ценность как объект добродетели, полезности и ценностных ориентаций. Основной задачей

аксиологии является изучение ценностей в социальном бытии, влияния их на социальные системы общества, взаимодействия с субъектами деятельности. В аксиологии как философской науке выделяются следующие теории ценностей: *натуралистический психологизм* источник ценностей видит в биопсихологически интерпретированных потребностях человека; *персоналистический онтологизм* раскрывает особенности данности социального бытия; *трансцендентализм* рассматривает высшие ценности идеализированного бытия как такового; *культурно-исторический релятивизм* определяет относительность и условность самого процесса познания; *социологизм* изучает особенности познания социального бытия.

Представители натуралистического психологизма А. Мейнонга, Р. Б. Перри, Дж. Дьюи, К. И. Льюиса определяют ценностное основание человека через биопсихологические интерпретированные потребности личности, а ценности рассматривают как эмпирически фиксированный феномен социального бытия. Дж. Дьюи ценности определяет реальной ситуацией, как результат ценностных ориентаций в достижении положительных состояний личности, изменении социального бытия согласно своему внутреннему содержанию [2]. Исследуя социальные системы, в частности образовательную, можно выявить ценностно-образующие факторы, определяющие интересы и потребности личности, а следовательно, и ценности с целью регулирования социальных систем. У А. Майнонга [4] ценности представлены как теоретические качества, присущие субъектам взаимодействия в

социальном бытии. Аксиологический психоанализ стандартизирует ценности на основе неопределённости, понимаемой «полезности» или «инструментальности». Однако понимание ценностей через эмпирически констатируемый феномен означает слияние ценностей с предметной реальностью.

Представители аксиологического трансцендентализма В. Виндельбанд, Г. Риккерт духовно-нравственные ценности соотносят с идеализированным бытием, чистым трансцендентальным сознанием. Идеальные духовно-нравственные ценности не зависят от данности социального бытия, человеческих потребностей и желаний. Однако мир идеальных реалий воздействует на социальное бытие и изменяет его. Здесь аксиологический трансцендентализм уступает место персоналистическому онтологизму, представителем которого был М. Шелер. Он рассматривал в своём учении «третий путь», который приведёт человечество к согласию и гармонии [9]. Ценностное основание социальных систем, ориентированных на духовно-нравственные ценности, объединяет субъектов взаимодействия в социальном бытии и направляет к гармонии и согласию в достижении поставленных целей. Это путь всеобщего согласия людей в освоении и преобразовании социального бытия. Согласно М. Шелеру, этот процесс не возможен без Бога, ибо несовершенство человеческого существа не может оценить истинную ценность реальности. А жизнедеятельность личности определяется ценностной структурой, которая и образует онтологическую основу человека.

В. Дильтею, представителю культурно-исторического релятивизма [1],

характерна идея фрактальности ценностных систем, функционирующих в социальных системах. Ценностное основание социальных систем определяется историческим методом познания действительности. При этом для многих последователей (В. Дильтея, О. Шпенглера, А. Д. Тойнби, П. А. Сорокина) интуитивистский подход выступал как основной при изучении ценностного основания социально-культурных систем общества. По О. Шпенглеру [10], период существования социально-культурных систем (цивилизаций) составляет 10 000 тыс. лет. Каждая цивилизация создаёт ценностное основание в социальных системах, вырабатывает ценности наций, народов.

Представитель социологизма М. Вебер [5] в своей «Понимающей социологии» ценности определял как средство постижения социального бытия субъектами взаимодействия в социальных системах через социальные знания и действия. Изучая социальные системы, Ф. В. Знанецкий, а в дальнейшем Т. Парсон в школе структурно-функционального анализа понятию ценности придают философско-методологическое значение. Выступая средством функционирования социальных систем, ценности определяют вектор развития современного общества, выстраивают взаимодействие субъектов в социальном пространстве. У. Томас и Ф. Знанецкий раскрывают природу ценностей, наделяя их природным содержанием, определяют их роль в социальных системах. Ценности – это объект социальной деятельности, который создает и расширяет социальное бытие, культивируя социальные системы. По мнению Ф. Знанецкого,

[8], ценности выстраивают структуру социальных взаимоотношений, являются основанием социальных систем, позволяют выстроить и реализовать модели нравственного поведения человека в социуме.

Выводы

Духовно-нравственные ценности являются аксиологическими качествами и обладают рядом собственно ценностных формальных свойств. Им присущи единство и единственность. Единство, или целостность духовно-нравственных ценностей означает, что все их элементы находятся в органической взаимосвязи, что всякое их «членение» всегда относительно.

Духовно-нравственные ценности – это качество духовно-нравственных сущностей, которое связано с объектами и субъектами, являющееся свойством бытия человека, проявляющееся во всех видах духовно-нравственной деятельности и реализующееся как во внутреннем (духовно-душевно), так и во внешнем (душевно-материальном) его мире посредством ориентации на сознание, чувства, поведение, общение, отношение, потребности. Это особые свойства объектов и субъектов, характеризующие высший уровень развития духовного мира личности, принявшей эти ценности посредством духовной деятельности

в процессе ценностных ориентаций в различных группах, коллективах, обществе. Это определённые нормы и правила, выступающие важнейшим фактором моральных и жизненных регуляторов при принятии жизненных решений и выборе целей личностью.

Приведённое определение духовно-нравственных ценностей ориентировано на некоторые их существенные свойства, которых, конечно, значительно больше у реальных ценностей. Анализ проблемы социокультурных и социологических оснований ценностей позволяет сделать вывод, что «ценность» по своему логическому объёму – категория философская и социокультурная. Она охватывает значительный круг явлений и находится на высоком уровне абстрагирования. Её смысл, разнообразие оттенков выясняются из анализа жизнедеятельности общества современной России. В качестве важной методологической проблемы является вопрос соотношения духовно-нравственного развития личности и духовно-нравственных ценностей в образовательных системах. В этом случае речь идёт не о простой логической операции, что шире по объёму, а что уже, а о выяснении роли духовно-нравственных ценностей в развитии личности, их связи с различными образовательными системами, субъектами социокультурной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
2. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.
3. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как цели курса развития современного образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 23–27.
4. Майнонг А. Самоизложение. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 80 с.

5. Вебер М. Работы по социологии религии и культуры. Вып. 1, 2. М.: Наука, 1991.
6. Молчан Э. М. Диалогический аспект в формировании духовно-нравственных ценностей старшеклассников. Брянск: РИО БГУ, 2009. 182 с.
7. Молчан Э. М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // *Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов Российской академии наук*. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. С. 210–212.
8. Фотев Г. Флориан Знанецкий: Гуманистическая социология // *Современная американская социология: сб. статей*. М.: МГУ, 1994. С. 50.
9. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. *Избранные произведения*. М.: Гнозис, 1994. С. 59–338.
10. Шпенглер О. Гештальт и действительность // Шпенглер О. *Закат Европы: в 2 т. Т. 1*. М.: Мысль, 1998. С. 563.

REFERENCES

1. Diltei W. *Sobranie sochinenii. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. M: House of Intellectual Books, 2000. 762 p.
2. Dewey I. *Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka* [Reconstruction in Philosophy. Human Problems]. Moscow, Respublika Publ., 2003, 494 p.
3. Maikova V.P., Molchan E.M. [Spiritual and moral values as an objective course of the development of modern education]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 23–27.
4. Meinong A. *Samoizlozhenie* [Self-presentation]. Moscow, House of Intellectual Books Publ., 2003, 80 p.
5. Weber M. *Raboty po sociologii religii i kultury* [Works on Sociology of Religion and Culture]. Iss. 1, 2. Moscow: Nauka, 1991.
6. Molchan E.M. *Dialogicheskiy aspekt v formirovanii dukhovno-nravstvennykh tsennostei starsheklassnikov* [Dialogical aspect in the formation of spiritual and moral values of high school students]. Bryansk, Bryansk State University Publ., 2009. 182 p.
7. Molchan E.M. [The transformation of education as a sociocultural phenomenon] In: *Metodologiya v nauke i obrazovanii: materialy Vserossiiskoi konferentsii universitetov i akademicheskikh institutov Rossiiskoi akademii nauk* [Methodology in Science and Education: Proceedings of All-Russian Conference of Universities and Academic Institutes of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Moscow State technological University Publ., 2017, pp. 210–212.
8. Fotev G. [Florian Znaniecki: Humanistic Sociology]. In: *Sovremennaya amerikanskaya sotsiologiya* [Contemporary American Sociology]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994.
9. Sheler M. [Formalism in Ethics and Material Ethics of Values]. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 59–338.
10. Spengler O. [Gestalt and Reality]. In: Shpengler O. *Zakat Evropy. T. 1* [The Decline of Europe. Vol. 1]. M: Idea, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Сергиево-Посадского института игрушки;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy at Moscow Region State University;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Eduard M. Molchan – PhD in Pedagogy, associate professor at the Department of Humanities and Natural Sciences, Sergiyev-Posad Institute of Toy;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бондарева Я. В., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 43–51.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-43-51

FOR CITATION

Bondareva Ya., Molchan Ye. Spiritual and Moral Values as a Vector of the Development of Social Systems. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.1, pp. 43–51.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-43-51

УДК 091.16.165

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-52-59

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АСПЕКТА В ИССЛЕДОВАНИИ И ВНЕДРЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК: АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Бурмакин В. М.

*Московский государственный областной университет
141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл.,
Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной работы является оценка практической значимости социально-философского аспекта в противодействии коррупции и антикоррупционном просвещении. Автором проанализированы и обобщены результаты ряда философских и общенаучных исследований вопросов противодействия коррупции. Особое внимание уделено значимости диссертационных анализов. На основании обобщения исследований разработана матрица направлений применения различных научных дисциплин и их ролей в борьбе с коррупционными проявлениями. Определено место социальной философии в данной матрице как координирующей науки, на основании чего обоснована её прикладная необходимость как аспекта противодействия коррупции. Теоретическая значимость данного исследования заключается в обобщении информации об использовании разнообразных научно-теоретических дисциплин в антикоррупционной практике и в демонстрации высокого значения социальной философии. Статья адресована учёным и практикам, занимающимся разработкой и имплементацией мер по борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: антикоррупционные меры, антикоррупционная идеология, антикоррупционное просвещение, социальная философия, социальная сфера, коррупция, противодействие коррупции, просветительская работа.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE RESEARCH AND INTRODUCTION OF ANTI-CORRUPTION PRACTICES: ANTI-CORRUPTION EDUCATION

Burmakin V. M.

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation*

Abstract. The aim of this work is to assess the practical value of the socio-philosophical aspect in combating corruption and providing anti-corruption education. The author analyzes and summarizes the results of a number of philosophical and general scientific studies on anti-corruption issues. Special attention is paid to the importance of dissertation research. On the basis of generalization of scientific research the matrix of applications of various scientific disciplines and their roles in fighting corruption manifestations was developed. The study determines the

place of social philosophy as a coordinating science in this matrix and justifies the necessity of its use in combating corruption. The theoretical value of this study is to summarize the data on the use of various scientific and theoretical disciplines in anti-corruption practice, and to demonstrate high importance of social philosophy. The article is aimed at various scientists and practitioners involved in the development and implementation of anti-corruption measures.

Keywords: anti-corruption measures, anti-corruption ideology, anti-corruption education, social philosophy, social sphere, corruption, anti-corruption, educational work.

Социальная действительность современного общества выделяет высокую степень эволюции коррупционных практик, несущих негативные последствия для развития государства и человека. Коррупционная составляющая в различной мере присутствует в экономике, политике, государственном управлении, социальной сфере, образовании, медицине, культуре, идеологии, правоохранительной деятельности, создавая угрозу национальной безопасности страны.

Противодействие коррупции в современной России требует наращивания потенциала антикоррупционных стратегий и инструментов, базирующихся на глубоком всестороннем изучении самого феномена коррупции, фундаментальных и прикладных исследований коррупционных практик, истории коррупционных проявлений, просветительской работы и методик антикоррупционного просвещения.

Трудности изучения коррупции и противодействия ей обусловлены политическими, социальными, нравственно-этическими и иными детерминантами, что проявляется в многостороннем характере коррупции как феномена и сложности её определения.

Обобщив положения различных теорий, можно дать следующее определение: *коррупция – социальное явление с характерными элементами и показателями, подрывающими экономиче-*

ское развитие, правовое законодательство, морально-нравственные устои, этические кодексы, гармоничное развитие общества, личности, государства. Коррупция проявляется в различных формах и осуществляется лицами, обладающими управленческими полномочиями и/или неформальной властью и использующими их в угоду своим эгоистическим интересам, нарушая нормальный ход жизнедеятельности государства, человека, нации. Современные коррупционные модели во многих случаях имеют транснациональный характер, т. е. выходят за пределы одного государства.

Так, в положениях Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции указывается, что «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней»¹.

В России национальный план ставит приоритетные задачи по «повы-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 01.11.2018).

шению эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания, прозрачности»¹.

В то же время задачи противодействия коррупции предполагают применение комплексного междисциплинарного подхода в разработке как антикоррупционной идеологии, так и общей стратегии антикоррупционной борьбы.

Комплексный подход предполагает междисциплинарное взаимодействие специалистов, учёных разного профиля в диагностике, коррекции, мониторинге, разработке методов, подходов, формулировке предложений, рекомендаций, мер и ресурсов системного механизма антикоррупционной деятельности [9].

Естественным развитием концепции комплексного подхода является

формирование единой стратегии и плана действий по сокращению коррупции, необходимость которых обосновывается С. Нарышкиным: «в выработке антикоррупционных мер необходимы “общие интегрированные и синхронизированные планы действий по многим направлениям”» [11] и В. Номоконовым: для «эффективного противодействия, формируется специальная система мер и приоритетов борьбы – антикоррупционная политика (стратегия). Это возможно только в случае, если в стране реально начнет формироваться соответствующая эффективная государственная антикоррупционная политика, государственная стратегия» [13].

На основании вышесказанного целесообразно выделить области научного знания, представляющие наибольшую значимость для комплексного подхода в исследовании феномена коррупции (табл. 1).

Таблица 1

Направления применения различных областей научного знания в борьбе с коррупцией

Область научного знания	Направления применения научного знания
Экономика	<ul style="list-style-type: none"> – Выявление и изучение финансово-экономических аспектов коррупции (включая её внутренние механизмы и способы совершения коррупционных преступлений). – Поиск экономических причин распространения и укоренения коррупции. – Исследование последствий коррупции в сфере экономики государства и мира в целом. – Разработка экономических мер нейтрализации последствий коррупции.

¹ Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54152.html> (дата обращения: 01.11.2018).

Окончание таблицы 1

Область научного знания	Направления применения научного знания
Юриспруденция	<ul style="list-style-type: none"> – Изучение правоприменительных практик в отношении лиц, уличённых в коррупции и связанных с ней правонарушений. – Поиск уязвимостей в антикоррупционном законодательстве. – Повышение эффективности и выработка новых законодательных инструментов преследования и пресечения коррупции.
Социология	<ul style="list-style-type: none"> – Изучение влияния коррупционных проявлений на общество, а также коррупционных тенденций, обусловленных социальными парадигмами и состоянием общества. Выявление взаимосвязей между общественными детерминантами и характером и объёмом преступлений коррупционного толка, распространённых в изучаемом обществе.
Социальная психология	<ul style="list-style-type: none"> – Анализ детерминатив поведения отдельных индивидов в ходе совершения коррупционных правонарушений. – Выявление причин коррупционного подведения, обусловленных поведением рядовых членов общества.
Политология	<ul style="list-style-type: none"> – Исследование коррупции в высших политических кругах, её влияния на политику и международные отношения. – Анализ вопросов использования коррупционной тематики как инструмента внешней и внутренней политической борьбы. – Изучение вопросов международного сотрудничества по вопросам совместной борьбы с коррупцией. – Поиск политических детерминантов, препятствующих искоренению коррупции.
История	Изучение примеров коррупции в различных государствах и человеческих сообществах на протяжении всего исторического процесса. Выявление и обобщение закономерностей.
Философия (социальная философия)	Обобщение теоретических изысканий вышеуказанных наук, выполнение координирующей роли среди них. Формирование единого научного подхода, ориентированного на дальнейшее практическое применение.

Все области научного знания играют свои уникальные роли в том смысле, что каждая дисциплина имеет свои объект и предмет в общем поле исследования, отличные от других, а также использует сугубо свои методы. В то же время задачи, стоящие перед ними, могут пересекаться. Например, социология, психология и политология, каждая в своей сфере, могут изучать причины и факторы распространения коррупции.

При выполнении своих задач отдельные науки могут выступать вспомо-

могательными по отношению к другим.

Особо важную роль в комплексном подходе играет социально-философский аспект, который даёт возможность путём обобщения результатов различных дисциплин получить реальные представления о закономерностях развития и функционирования человеческого общества с аналитическими данными о прогрессе и регрессе. Особенность социальной философии заключается в интеграции достижений всех сфер научного знания, посвящённого противодействию коррупции

(исторического опыта, осмысления современных экономических и социальных отношений и т. д.), что позволяет проанализировать коррупционные модели с учётом их внутренних взаимосвязей и выделить наиболее действенные антикоррупционные меры и инструменты.

Недостаточность использования в антикоррупционной идеологии социально-философского аспекта способствует росту коррупционных моделей.

В современном научном сообществе «с высокой степенью регулярности публикуются различные работы (преимущественно экономические, юридические, социологические), посвященные проблеме коррупции,

чего нельзя сказать о комплексном философском осмыслении феномена коррупции» [16]. В то же время Г. Г. Кондратенко в своём социально-философском анализе дает определение понятию «коррупционные риски» на примере «двух факторных моделей: модели коррупционного риска и модели антикоррупционного поведения» [10]. Теоретическая значимость его исследования имеет ценность в сплочении усилий, направленных на противодействие коррупции.

Таким образом, социальная философия играет координирующую роль в задачах выработки антикоррупционных мер (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязи задачи изучения коррупционных практик и величина социально-философского аспекта в антикоррупционном противодействии

Задачи	Социальные науки	Социально- философский аспект антикоррупционных противодействий
<ul style="list-style-type: none"> - Сочетание коррупционных практик. - Прогнозирование коррупционных практик. - Мониторинг проявления коррупции и коррупционных практик. - Разработка системы мер профилактики и ответственности, адекватной коррупционной угрозе. 	<ul style="list-style-type: none"> - Юридические. - Экономические. - Политические. - Социальная философия. - Социология. - Социальная психология. 	<ul style="list-style-type: none"> - Объяснение социальных отношений в реальной жизни. - Анализ социального прогресса, выделение факторов социального регресса. - Соотношение стихийного и сознательного в истории коррупции и антикоррупционных мерах. - Характеристика общества, понимание хода социальных процессов, ведущих к образованию коррупционных технологий и выработке антикоррупционных мер противодействия коррупционным моделям. - Итоги и выводы из отдельных аспектов жизни и истории общества в противодействии коррупции.

Вышеприведённые положения об имплементации научного знания позволяют сделать вывод, что социально-философский аспект необходим

для получения достоверной информации о проявлениях, причинах и последствиях коррупции. Лоббирование эффективных антикоррупционных

инициатив требует реальной оценки развития коррупционных элементов в обществе, транслирования населению, студентам, будущей интеллектуальной элите страны информации о роли антикоррупционной политики, разра-

ботки альтернативных дорожных карт антикоррупционного просвещения.

Значимость социально-философского аспекта также заключена в мотивации граждан к борьбе с коррупцией снизу, готовности участвовать в антикоррупционной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агибалова О. Ю., Агибалов Ю. В. Подготовка и повышение квалификации кадров муниципального управления: практика, проблемы, направления совершенствования. Воронеж: Научная книга, 2013. 239 с.
2. Бандурина Н. В. Противодействие коррупции в Российской Федерации: вопросы теории и практики. М.: Граница, 2015. 169 с.
3. Братановский С. Н., Зеленов М. Ф. Административно-правовые аспекты борьбы с коррупцией в системе исполнительной власти в РФ. М.: Проспект, 2016. 262 с.
4. Бугаевская Н. В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта. М.: Юрлитинформ, 2015. 196 с.
5. Глазкова Л. В. Государственный чиновник: история коррупции в России. М.: Проспект, 2016. 113 с.
6. Годунов И. В. Азбука противодействия коррупции: от А до Я. М.: Академический проект, 2012. 295 с.
7. Горбова В. В. Философско-антропологические измерения коррупции: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2016. 20 с.
8. Дамм И. А., Акунченко Е. А. Организация антикоррупционного просвещения молодых избирателей: учебно-методическое пособие. Красноярск, 2015. 92 с.
9. Иванов С. Б., Хабриева Т. Я., Чиханчин Ю. А. Противодействие коррупции: новые вызовы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izak.ru/upload/iblock/422/422c8c5fce68531640045a101aa2be3e.pdf> (дата обращения 01.10.2018).
10. Кондратенко Г. Г. Антикоррупционная безопасность столичного мегаполиса (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 223 с.
11. Нарышкин С. Е. Международное сообщество в борьбе с коррупцией // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. М., 2012. С. 36–38.
12. Наумов Ю. Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции: дис. ... докт. экон. наук. М., 2014. 325 с.
13. Номоконов В. А. Антикоррупционная политика: проблемы остаются [Электронный ресурс] // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы: [сайт]. URL: http://crimas.ru/_books/korruptcia_sost_protivod_2015.pdf (дата обращения 01.10.2018).
14. Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: криминологический анализ коррупции в областях здравоохранения и образования. М.: Юрлитинформ, 2015. 261 с.
15. Семенихин А. Л. Формирование антикоррупционной культуры. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. 167 с.

16. Токарев Б. Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 193 с
17. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2014. 46 с.

REFERENCES

1. Agibalova O.Iu, Agibalov Yu.U. *Podgotovka i povyshenie kvalifikatsii kadrov munitsipal'nogo upravleniya: praktika, problemy, napravleniya sovershenstvovaniya* [Training of Municipal Administration: Practices, Challenges, Areas of Improvement]. Voronezh, *Nauchnaya kniga* Publ., 2013. 239 p.
2. Bandurina N.V. *Protivodeistvie korrupsitsii v Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii i praktiki* [Countering Corruption in the Russian Federation: Issues of Theory and Practice]. Moscow, *Granitsa* Publ., 2015. 169 p.
3. Bratanovsky S.N., Zelenov M.F. *Administrativno-pravovye aspekty bor'by s korrupsitsiei v sisteme ispolnitel'noi vlasti v RF* [Administrative and Legal Aspects of Fighting Corruption in the Executive Bodies of the Russian Federation]. Moscow, *Prospekt* Publ., 2016. 262 p.
4. Bugaevskaya N.V. *Korrupsionnyye prestupleniya: vidy i osobennosti sub'ekta* [Corruption Crimes: Types and Characteristics of the Subject]. Moscow, *Yurlitinform* Publ., 2015. 196 p.
5. Glazkova L.V. *Gosudarstvennyi chinovnik: istoriya korrupsitsii v Rossii* [Government Official: The History of Corruption in Russia]. Moscow, *Prospekt* Publ., 2016, 113 p.
6. Godunov I.V. *Azbuka protivodeistviya korrupsitsii: ot A do Ya* [The ABCs of Combating Corruption: From A to Z]. Moscow, *Akademicheskii proekt* Publ., 2012. 295 p.
7. Gorbova V. *Filosofsko-antropologicheskie izmereniya korrupsitsii: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [Philosophical and anthropological dimensions of corruption: abstract of PhD thesis in Philosophy]. Voronezh, 2016. 20 p.
8. Damm I.A., Akunchenko E.A. *Organizatsiya antikorrupsionnogo prosveshcheniya molodykh izbiratelei: uchebno-metodicheskoe posobie* [The Organization of Anti-Corruption Education of Young Voters: A Practice Book]. Krasnoyarsk, 2015, 92 p.
9. Ivanov S.B., Khabrieva T.Ya, Chikhanchin Yu.A. *Protivodeistvie korrupsitsii: novye vyzovy* [Anti-Corruption: New Challenges]. 2016. Available at: <http://www.izak.ru/upload/iblock/422/422c8c5fce68531640045a101aa2be3e.pdf> (accessed:01.10.2018).
10. Kondratenko G. *Antikorrupsionnaya bezopasnost' stolichnogo megapolisa (sotsial'no-filosofskii analiz): dis. ... kand. filoz. nauk* [Anti-corruption security of the capital city (socio-philosophical analysis): PhD thesis in Philosophy]. Moscow, 2016. 223 p.
11. Naryshkin S.E. [The International Community in the Fight Against Corruption]. In: *Pravovye innovatsii v sfere protivodeistviya korrupsitsii: materialy Pervogo Evraziiskogo antikorrupsionnogo foruma i VII Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov* [Legal Innovations in the Sphere of Counteraction of Corruption: Proceedings of the First Eurasian Anti-Corruption Forum and Seventh International School-Workshop of Young Legal Scholars]. Moscow, 2012, pp. 36–38.
12. Naumov Yu.G. *Teoriya i metodologiya protivodeistviya institutsional'noi korrupsitsii: dis. ... dokt. ekon. nauk* [The theory and methodology of combating institutional corruption: PhD thesis in Economics]. Moscow, 2014. 325 p.
13. Nomokonov V.A. [Anti-corruption policy: problems remain]. In: *Korrupsitsiya: sostoyanie protivodeistviya i napravleniya optimizatsii bor'by* [Corruption: the state of counteraction and tendency to optimization]. Available at: http://crimas.ru/_books/korrupcia_sost_protivod_2015.pdf (accessed: 01.10.2018).

14. Plokhov S.V. *Protivodeistvie korruptsionnoi prestupnosti v sotsial'noi sfere: kriminologicheskii analiz korruptsii v oblastiakh zdravookhraneniya i obrazovaniya* [Combating Corruption Crime in the Social Sphere: A Criminological Analysis of Corruption in the Areas of Health and Education]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 261 p.
15. Semenikhin A.A. *Formirovanie antikorrupsionnoi kul'tury* [Forming Anti-Corruption Culture]. St.Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2016. 167 p.
16. Tokarev B.B. *Sotsial'no-filosofskoe osmyslenie fenomena korruptsii: dis. ... kand. filos. nauk* [Socio-philosophical understanding of the phenomenon of corruption: PhD thesis in Philosophy. Moscow, 2011. 193 p.
17. Shedii M. *Korrupsiya kak sotsial'noe yavlenie: sotsiologicheskii analiz: avtoreferat dis. ... dokt. sotsiol. nauk* [Corruption as a social phenomenon: the sociological analysis: abstract of PhD thesis in Social Sciences]. Moscow, 2014. 46 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурмакин Владислав Михайлович – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: 7204964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladislav M. Burmakin – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: 7204964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бурмакин В. М. Актуализация социально-философского аспекта в исследовании и внедрении антикоррупционных практик: антикоррупционное просвещение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 52–59.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-52-59

FOR CITATION

Burmakin V. Social and Philosophical Aspect in the Research and Introduction of Anti-Corruption Practices: Anti-Corruption Education. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 52–59.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-52-59

УДК 316.77:001.12/18;070:001.12/18
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-60-68

АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Горбунов А. С.

*Московский государственный областной университет
141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл.,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты, связанные с возрастанием роли массовой коммуникации в процессе социализации личности. Уровень межличностного общения внутри первичной группы и уровень коммуникации личности с социумом в целом спектре его институтов детерминированы в своих параметрах деятельностью средств массовой коммуникации, что придаёт их воздействию фундаментальный характер. В рамках первичной социализации рождается сложное явление, связанное с дроблением общества на сообщества, которые формируются посредством социальных сетей. Влияние данных сообществ может выходить за роль подготовительного этапа к полноценной социализации, в частности в данных рамках может замыкаться социальная активность индивида. Своевременное рассмотрение качества социализации личности с учётом масскоммуникационного фактора и поиск путей минимизации возможных негативных эффектов становятся сегодня одной из наиболее актуальных социально-философских задач.

Ключевые слова: массовая коммуникация, социализация, личность, социальные сети, образовательный процесс, коммуникационные технологии, межличностное общение, общественные институты.

ASPECTS OF PERSONAL SOCIALIZATION IN MASS COMMUNICATION SOCIETY

Gorbunov A. S.

*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the aspects of socialization associated with the growing role of mass communication. The level of interpersonal communication within a primary group and the level of communication of the individual with the whole society through its institutions are determined by mass media, which makes the latter's role fundamental. Within the framework of primary socialization a complex phenomenon emerges associated with the fragmentation of society into communities that are formed through social networks. The impact of these communities can stretch far beyond the necessary preparatory stage to proper socialization, they can restrict social activity of the individual. Timely consideration of the quality of socialization given mass-communication factor and finding ways to minimize the possible negative effects have become the most urgent tasks nowadays.

Keywords: mass communication, socialization, identity, social networks, educational process, communication technology, interpersonal communication.

Проблемы, связанные с социализацией личности, являются сегодня одной из наиболее актуальных тем социальной философии. При этом параметры общества, деятельность институтов которого во многом переструктурирована и детерминирована массовой коммуникацией, оказывают на процесс социализации личности глубинное влияние. Сама социальная ткань, «социальная стихия» информационного массового общества предполагает особые формы социализации, вне соответствия которым полноценное вхождение личности в систему общественных отношений невозможно.

По сути, любой минимально приемлемый уровень социализации сегодня требует от человека взаимодействия со средствами массовой коммуникации (СМК), через которые он получает доступ к информационным потокам, а также к актуальным формам участия в деятельности образовательных, государственных, любых социальных институтов, к востребованным формам межличностного общения и позиционирования (таким как социальные сети). Личность коммуницирует с социумом через систему СМК, что фиксируется в ряде исследований, в частности в монографии Ф. И. Шаркова и В. В. Силкина на тему теории и практики массовой информации как фундаментального направления коммунологии [9].

Как видится, речь сегодня может идти о том, что без участия СМК социализация личности как процесс складывания бытийного синтеза части и целого, т. е. общества и человека, ста-

новится затруднительным, а то и вовсе невозможным.

Успешность и характеристики процесса социализации новых поколений определяют возможность воспроизводства устойчивого, духовно здорового, способного к развитию общества и полноценной личности как таковой.

Стоит отметить, что к пониманию социализации личности существует несколько подходов, в значительной степени дополняющих друг друга.

Термин «социализация» стал активно использоваться в обозначении процесса становления и развития личности с конца XIX в. в работах Э. Дюркгейма [1]. Уже тогда встал вопрос о роли объективного и субъективного факторов социализации, об определении приоритетности индивидуального либо общественного в процессе становления личности.

Один из подходов прямо указывает на то, что социализация есть не что иное, как адаптация человека с пассивной позицией к обществу, которое, таким образом, формирует свою базовую единицу, т. е. социализированную личность. К идеологам такого подхода, который иногда называют субъект-объектным, относят Э. Дюркгейма и Т. Парсонса.

Т. Парсонс говорил о взаимозависимости социальной системы и основных сред её осуществления: высшей реальности, культурной системы, системы личности, поведенческого организма и физико-органической среды. Личность здесь выступает ключевой связующей средой, в которой осуществляет себя общество. А сама со-

циализация, по сути отождествляясь с адаптацией, выступает как функция и необходимое условие возникновения устойчивости и самодостаточности общества. Парсонсом был осуществлён анализ отношений системы общества к системе личности. Процесс приспособления человека к социуму он назвал первичной функцией роли человека в социальной системе [6].

Иными словами, социализация с одной стороны отождествлена с адаптацией и осмыслена в качестве залога стабильности и развития общества, его успешного воспроизведения как системы, с другой – представлена как способ привязки человека в социальной среде, потому что социальные роли, которые он выполняет, всегда соотносятся с регулятивными нормами и общественными ценностями.

Иной подход – рассмотрение человека как субъекта социализации – берёт свое начало в социопсихологических концепциях исследователей Ч. Х. Кули [2] и Дж. Г. Мида [4].

Ч. Кули, автор теории «зеркального Я» и теории малых групп, считал, что индивидуальное «Я» приобретает социальное качество в коммуникациях, в межличностном общении внутри первичной группы (семьи, группы сверстников, соседской группы), т. е. в процессе взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов [2, с. 115]. Джордж Герберт Мид, разрабатывая направление, получившее название символического интеракционизма, утверждал, что «социальный индивид» является источником движения и развития общества [4, с. 54].

Более радикально осмысливается сущность социализации в так называемой гуманистической психологии,

представителями которой являются А. Оллпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и др., где субъект рассматривается как самостановящаяся и саморазвивающаяся система, как продукт собственного самовоспитания [3, с. 211]. У данных исследователей выражен подход, допускающий повышенное значение внесоциального фактора и, очевидно, вдохновленный идеалом, соответствующей идеологической концепцией и культом личностной свободы. Не вынося оценочного суждения, следует признать, что без активной субъектной позиции как важнейшей стороны своего становления личность действительно обойтись не может.

Тем не менее необходимо учитывать, что при всей важности внутриличностных факторов (в том числе и средовых) процесс формирования личности во многом зависит от общих параметров и характеристик социального развития.

В информационном массовом обществе такой характеристикой становится вовлечение человека в массовую коммуникацию, включённость его сознания в восприятие информационных потоков, генерируемых системой СМК. Сегодня смартфон или планшет становится для ребёнка едва ли не первичным средством получения информации об обществе.

В то же время социальная сеть как своеобразная разновидность массовой коммуникации выполняет роль того медиатора, который позволяет устанавливать и отлаживать связи на уровне межличностного общения внутри первичной группы. Есть основания говорить, что сложился новый тип межличностного общения, который требует подробного анализа. Однако можно

назвать общие черты такой коммуникации: поверхностность, высокая скорость, отсутствие непосредственного личного контакта, возможность «редактирования» мыслей, эмоций, высказываний.

Такое общение невозможно рассматривать ни в качестве полноценной замены традиционному, ни в качестве приоритетного способа контактов между людьми. В данном случае уместно говорить о подготовительном, «тренировочном» этапе социализации на уровне первичной группы: коллектива сверстников, учебной группы, круга знакомых. Однако активные участники социальных сетей едва ли согласятся с такой позицией, и ряд из них будет настаивать на том, что обладание тем или иным аккаунтом в социальных сетях предоставляет им доступ к достаточно полному коммуникационному процессу.

Наконец, та сторона социализации, которая связана с самостановлением, самовоспитанием, саморазвитием личности в нынешних условиях, также предполагает её всестороннее вовлечение в масскоммуникационный обмен. Именно таким способом развивающаяся личность имеет возможность произвести если не полную, то хотя бы минимальную актуализацию своих структурных характеристик к особенностям социальной действительности. Это вовсе не означает, что человек обязывается тем самым принимать всё то, что происходит на текущий момент в обществе. Но вне знания о происходящих процессах, вне понимания их оснований, возможных вариантов раскрытия социальных тенденций полноценная социализация личности, как это понятно, невозможна.

Являясь диалектическим процессом, социализация включает в себя и субъектную, и объектную позиции человека. В первом случае он выступает субъектом социальных отношений. Во втором усваивает нормы и является объектом социальных отношений. Видно, что обе стороны диалектического процесса находятся в поле интенсивного воздействия массовой коммуникации, информационных потоков и новых способов социального существования в информационном массовом обществе.

Как указывается в одном из определений, социализация есть «непрерывный процесс диалектического взаимодействия личности и социальной среды, в ходе которого осуществляется развитие и становление человека как объекта общественных отношений и как активного субъекта общественной деятельности, посредством выработки социально-необходимых знаний, умений и навыков, требуемых для выполнения различных социальных ролей и функций. Основным критерием успешной социализации является утверждение человека в качестве полноправного и полноценного члена общества, к которому он принадлежит через самореализацию личности с учетом ее индивидуальных особенностей, внутренних интенций и потребностей» [7].

Та сторона социализации, где личность выступает в роли объекта, происходит на двух уровнях: на уровне межличностного общения внутри первичной группы и на уровне коммуникации личности с социумом в целом спектре его институтов.

Оба эти уровня детерминированы в своих параметрах деятельностью

средств массовой коммуникации как того субъекта общественных отношений, который структурирует, перестраивает, определяет содержание информационных потоков, характеристики функционирования социальных и государственных институтов в условиях информационного массового общества.

Если рассматривать первичную социализацию, можно заметить, как в её рамках рождается сложное и неоднозначное явление, связанное с расщеплением, дроблением общества на «сообщества», которые формируются посредством социальных сетей.

Такие сообщества зачастую играют роль не только и не столько подготовительного этапа к полноценной социализации, но в ситуации атомизации реальной социальной жизни становятся тем контуром, на котором социальная активность индивида может полностью замыкаться.

У традиционных институтов социализации появился сильный и оснащённый самыми последними, постоянно модернизирующимися технологиями конкурент. При этом человек, социализируясь посредством того или иного информационного сообщества, проходит через ущербную, как минимум, одностороннюю социализацию. По сути, в том случае, когда социализация посредством массовой коммуникации занимает место главного и единственного способа выстраивания принадлежности личности к обществу, необходимо говорить о не вполне полноценной социализации.

В этом случае значительно вырастает риск деструктивного характера социализации, в силу чего личность может стать объектом манипулятивной

социализации. Т. е. такого типа манипулятивного воздействия, где содержание социализации изначально будет иметь навязанный «не свой», по существу, отчуждённый характер. Иными словами, процесс социализации пойдёт по сценарию, «прописанному» конгломератом СМК и скрытно действующих «информационных подразделений», активно присутствующих во всех возможных видах массовой коммуникации, включая социальные сети.

Заметим, происходит это на фоне ещё одного значимого аспекта личностного бытия в информационном массовом обществе, который находит своё выражение в противоречивом характере самого типа нынешней социальности человека. С одной стороны, он остаётся частью общества, с другой, всё более и более обособляется, атомизируется, отчуждается. Углубление отчуждения от других людей, в особенности от представителей иных поколений (как старшего, так и младшего), уход от «живого» общения в сторону виртуального компенсируется приобщением к социальной жизни путём ассоциирования с разного рода локальными интернет-сообществами. Что, в свою очередь, часто носит виртуальный характер и являет собой лишь суррогат полноформатной социальности, создаёт лишь её иллюзию.

Взрывной характер роста количества, проводимого как взрослыми, так и подростками в социальных сетях и иных виртуальных пространствах, является одним из существенных зримых подтверждений обозначенной тенденции.

Одной из важнейших и наиболее устойчивых форм социализации остаётся участие развивающейся лич-

ности в образовательном процессе, в ходе которого человек обретает базовые знания, умения и навыки, необходимый уровень компетентности в тех или иных областях. В этой связи заслуживают внимания попытки перевести учебный процесс в область использования коммуникационных технологий, что включает в себя самостоятельное овладение информационно-педагогическим продуктом, дистанционное сетевое общение с преподавателем, прослушивание лекций, сетевую сдачу контрольных работ, тестов и даже экзаменов.

Как представляется, наряду с признанием дополнительных, а в ряде случаев альтернативным по улучшению образовательных возможностей здесь стоит внимательно отнестись к некоторым важным аспектам.

Всякое сетевое взаимодействие (в данном случае «преподаватель – обучающийся», «обучающий программный продукт – обучающийся») связано с вовлечением восприятия в общий контекст сетевого пространства, что создаёт такую пороговую предпосылку, как децентрированное восприятие информации, отвлечение внимания.

И всё же наиболее значимым отличием сетевого обучения от традиционного аудиторного является его отчуждённый, во многом обезличенный и обеднённый характер, когда не происходит непосредственного полноценного общения и отсутствует возможность надёжной трансляции знания. Можно говорить ещё об одном факторе «выхолащивания», снижения уровня социализации, смещения её в область стандартизированного и поверхностного форматирования.

Логическим следствием являются глубокие изменения на микроуровне социализации, представляющие становление и развитие конкретной личности в ключевых областях её осуществления: деятельности, общении и самосознании. Кроме того, это усиливает и без того нарастающие противоречия в межличностном общении старшего поколения и современной молодёжи: учителя и ученики, педагоги и студенты зачастую говорят на «разных языках», и в силу этого педагог утрачивает социализирующую функцию преподавателя, наставника.

Рассматривая востребованные формы общения посредством выхода в глобальную информационную сеть, можно заметить ряд особенностей. Общение имеет тренд к примитивизации. Шире осваиваются символически-упрощённые способы передачи информации. Значение приобретают реакции на такие, казалось бы, архаичные и ушедшие в прошлое способы передачи информации, как использование простейших символов или анимированных картинок (так называемые «эмодзи»).

Человек отучается мыслить и высказывать мысль посредством слова, становится вне логоса. Как следствие, происходит неизбежная деградация деятельности его сознания. Переход на уровень высказывания-эмоции при помощи усреднённого типизированного «эмодзи», предложенного разработчиком массовой социальной сети или коммуникационного устройства. Иными словами, в процесс социализации всё глубже проникает «коррозия», связанная с привнесением дологосных, по существу, полудикарских форм восприятия и сознания.

Дополнительным подтверждением этому является рост популярности среди пользователей сети таких виртуальных персонажей, которые вызывают нескрываемый интерес огромного числа подписчиков-подростков самыми примитивными и отвратительными выходками (избиения сверстников, издевательства над учителями).

Не стоит сбрасывать со счетов и те негативные воздействия, что связаны с вовлечением в виртуальную игровую среду. Когда сознание и мотивации подростка «модерированы» условным (часто деструктивным) целеполаганием игрового формата [8].

В ряде случаев мы можем говорить уже не просто об ущербной социализации, но о своего рода антисоциализации. Т. е. о таком уродливом «вхождении в общество», которое требует активного и системного пересмотра, по сути, пересоциализации индивида, чтобы он смог стать впоследствии полноценной личностью.

В данной связи нельзя не указать на такие крайние проявления антисоциализации, которые успели стать причиной трагедии серийного детского и подросткового суицида. Неконтролируемая и непропорционально большая доля вовлечения в массовую коммуникацию и социальные сети приводила ребёнка в общение с теми сетевыми сообществами, которые «гарантирова-

ли» решение всех подростковых комплексов и проблем наиболее «надежным» способом, т. е. через суицид¹.

Определённые тенденции развития информационного массового общества находят своё противоречивое выражение в ходе процесса личностной социализации. Процесс узнавания, получения информации о многих явлениях, в том числе социально значимых, ускоряется, что могло бы создавать условия для более эффективного и полного включения человека в общественную жизнь. В частности, именно СМК могли бы восполнять «пробелы» в приобщении человека к социуму через системный образ страны, на что обращается внимание в работе И. С. Палитая [5].

Вместе с тем возникли и имеют тенденции к обострению тех негативных аспектов социализации, которые связаны со спецификой неизбежного вовлечения личности в массово-коммуникационный процесс и установлением социальных связей посредством СМК, в частности, социальных сетей. Одной из наиболее актуальных задач сегодня становится своевременное рассмотрение качества социализации личности с учётом масскоммуникационного фактора и поиск путей минимизации возможных негативных эффектов взаимодействия личности и информационного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
2. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М.: Издательство МГУ, 1994.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 408 с.

¹ Новые «Группы смерти» в интернете. «Синие киты» провоцируют детей на самоубийство [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <http://www.kem.kp.ru/daily/26642.7/3660934> (дата обращения: 10.03.2017).

4. Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль. М.: Издательство МГУ, 1994.
5. Палитай И. С. Средства массовой коммуникации как фактор формирования образа страны // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 41. С. 151–158.
6. Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
7. Ростовцева М. В., Машанов А. А., Хохрина З. В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества // Фундаментальные исследования. 2013. № 6–5. С. 1282–1286.
8. Филатов А. Л., Пронюшкина Т. Г. Влияние компьютерных игр на агрессивное поведение подростков // Академическая публицистика. 2017. № 4. С. 284–287.
9. Шарков Ф. И., Силкин В. В. Теория и практика массовой информации как фундаментальное направление коммуникологии. М.: Дашков и Ко, 2018. 304 с.

REFERENCES

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod i naznachenie* [Sociology. Its Object, Method and Purpose]. Moscow, Kanon Publ., 1995. 352 p.
2. Cooley Ch. [The Social Self]. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl* [American Sociological Thought]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994.
3. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Eurasia Publ., 1999. 408 p.
4. Mead G. H. *Az i YA* [The I and the Me]. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994.
5. Palitai I.S. [Mass communication as a factor of forming the image of the country]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 41, pp. 151–158.
6. Parsons T. [An Essay on the Social System]. In: *O sotsial'nykh sistemakh* [On Social Systems]. Moscow, Academic Project Publ., 2002.
7. Rostovtseva M.V., Mashanov A.A., Khokhrina Z.V. [Socio-Philosophical Problems of Personality Socialization Under the Conditions of Informatization of Modern Society]. In: *Fundamenta'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2013, no. 6–5, pp. 282–1286.
8. Filatov A.L., Pronyushkina T.G. [The influence of computer games on aggressive behavior in adolescents]. In: *Akademicheskaya publitsistika* [Academic Journalism], 2017, no. 4, pp. 284–287.
9. Sharkov F.I., Silkin V.V. *Teoriya i praktika massovoi informatsii kak fundamental'noe napravlenie kommunikologii* [The Theory and Practice of Mass Communication as a Fundamental Area of Communicology]. Moscow, DashkoviCo Publ., 2018. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: gorbunoff@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander S. Gorbunov – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: gorbunofff@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Горбунов А. С. Аспекты социализации личности в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 60–68.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-60-68

FOR CITATION

Gorbunov A. Aspects of Personal Socialization in Mass Communication Society. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 60–68.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-60-68

УДК 101.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-69-76

ФИЛОСОФЕМЫ «СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Гришина Т. А.

*Московский государственный областной университет / «Школа Сосны»
141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл.,
Российская Федерация /
143030, Московская обл., Одинцовский р-н, 1-е Успенское ш., дача № 2,
Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию места философем в структуре познания современных трансформаций социальной сферы. Анализируется представляющий собой практическую значимость этап интеграции философского и нефилософского знания в контексте изучения современных тенденций изменения социума на уровне социально-гуманитарных проблем. И фундаментальные, и прикладные науки признают «социальную трансформацию» неоднозначным, сложным и многовекторным явлением, поэтому философемы могут стать практическими «указателями» направления «трансформации» и трактовок понятий «социальных изменений», социальных революций, реформ, модернизации или социальных движений. Социальная философия сегодня соглашается, что в социально-гуманитарном знании понятие «социальной трансформации» используется в качестве философемы, которая становится как структурной частью различных областей нефилософского знания (в силу всеобщего момента в рассмотрении сложнейших общественных явлений), так и позволяет анализировать сущность конкретных явлений или процессов на базе междисциплинарного социально-гуманитарного и социально-философского синтеза.

Ключевые слова: философема, социальная динамика, социальная трансформация, социальная философия, социальное познание, социально-гуманитарное знание, интеграция знаний.

PHILOSOPHEMES OF «SOCIAL TRANSFORMATION» IN MODERN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES RESEARCH AND THEIR ROLE IN THE DEVEL- OPMENT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

T. Grishina

*Moscow Region State University / Pines
24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation /
Cottage 2, 1st Uspenskoe highway, Odintsovo district, Moscow region., 143030,
Russian Federation*

Abstract. This article is concerned with the study of the place of philosophemes in the structure of cognition of modern transformations in the social sphere. The stage of integration of philosophical and non-philosophical knowledge is analyzed in the context of the study of modern trends in the society at the level of social and humanitarian problems. Both fundamental and applied sciences recognize «social transformation» as an ambiguous, complex and multi-vector phenomenon, so philosophers can become practical «indicators» of the direction of «transformation» and interpretations of the concepts of «social change», social revolutions, reforms, modernization or social movements. Social philosophy today recognizes that in social and humanitarian knowledge the concept of “social transformation” is used as a philosopheme which becomes both a structural part of various areas of non-philosophical knowledge (due to the universal moment in the consideration of complex social phenomena), and allows of analyzing the essence of specific phenomena or processes on the basis of interdisciplinary socio-humanitarian and socio-philosophical synthesis.

Keywords: philosopheme, social dynamics, social transformation, social philosophy, social cognition, social and humanitarian knowledge, integration of knowledge.

Ускоряющиеся темпы и всё более разнообразные и усложняющиеся процессы социальной динамики требуют актуального научного рассмотрения. Социальные трансформации российского общества являются предметом многочисленных исследований различных дисциплин социально-гуманитарного цикла. Каждая из наук признает «социальную трансформацию» сложным и многоплановым явлением. Так, в социологии «трансформация» является одной из концептуальных трактовок понятия «социальные изменения», социальные революции, реформы, модернизацию, социальные движения и т. д. [6]. При этом понятие «социальное изменение» рассматривается как родовое, включающее в себя ряд видовых понятий. Однако и в западной, и в российской социологии исследование социальных трансформаций оказывается гораздо более многоуровневым и многоаспектным, что выводит рассмотрение социальных трансформаций на уровень философских обобщений и универсальных понятий. В исторических исследованиях

также выявляется фундаментальная закономерность рассмотрения естественно-исторических процессов в тесном взаимодействии с социально-историческими. В политологии проблемы реформы государственного аппарата и системы властных полномочий неразрывно увязываются с социальными процессами, с соответствующими аспектами так или иначе трактуемых социальных трансформаций.

Для описания и исследования кардинальных изменений в обществе науки социально-гуманитарного цикла широко используют понятие «социальной трансформации». С точки зрения социальной философии понятие «социальной трансформации» в социально-гуманитарном знании используется в качестве философемы. Со стороны исследователей философема «социальной трансформации» конструировалась в различных областях нефилософского знания, поскольку именно всеобщий момент в рассмотрении сложнейших феноменов, выводящий его на уровень «вечных про-

блем», позволяет увидеть сущность того или иного конкретного явления или процесса [10].

Как отмечал академик В. С. Степин, в рамках нефилософского знания «... может быть разработана и выражена ... целостная философская система, сопоставляемая по своей значимости с концепциями великих творцов философии» [13, с. 298].

В своем исследовании В. А. Песоцкий показал, что философемы представляют собой результаты глубинной интеграции философского и нефилософского знания, полученные на основе использования определенных методологий и носящие ярко выраженный гипотетический и творческий характер. Философ выделил основные сущностно-содержательные признаки понятия «философема», которые дают нам возможность охарактеризовать конкретные философемы социальных трансформаций, а именно: они интегрируют философское и нефилософское знание; имеют мировоззренческий характер; могут формироваться в процессе познания любой формы бытия; это знание, полученное с применением философской методологии; на стадии гипотезы она присутствует и в самом философском знании; это философская мысль в развитии; это связующее звено между различными видами знания; она имеет фрагментарный характер и, наконец, способствует популяризации философии [10, с. 71–74].

В современных социально-гуманитарных исследованиях социальная трансформация рассматривается как процесс структурных изменений общественного состояния, при котором происходит реорганизация не отдельных составляющих компонентов, а са-

мой социальной системы в целом. Понятие социальной трансформации не идентично понятиям социальных процессов. Социальная динамика – это исследуемые способности общества реагировать на эндогенные и экзогенные изменения, а также выбор механизмов регуляции. Теория систем является одной из основ, на которую полагаются в данных исследованиях. Изменение части системы влечёт изменение системы в целом. Философема социальной трансформации не свидетельствует о её революционном характере, а зачастую раскрывает новую комбинацию основных частей социальной системы, не подрывая её основ, но трансформируя её в новое качество. Социальная трансформация подразумевает значительные базовые изменения, которые вызывают последующие сдвиги, изменения в основе социального организма. Новая характеристика отдельного элемента вызывает сдвиги во всех сферах социальной жизни, тем самым изменяя сущностное качество социальной системы.

Вопрос социальной трансформации наиболее подробно рассматривался ведущими зарубежными и отечественными социологами. Наиболее влиятельной работой по социальным трансформациям была и остаётся книга американского и канадского экономиста, социолога и политического философа К. Поланьи [11]. Его философема заключается в следующем: экономическая жизнь является подчинённым элементом широкой социальной системы, а саморегулирующийся рынок – результатом целенаправленного социального конструирования, а не стихийного саморазвития общества. Трансформация общества

свободного рынка неизбежна в пользу государственного регулирования.

Значительный вклад в исследование данной проблемы был сделан отечественными социологами [5; 7; 13], экономистами [1], юристами, политологами с различных точек зрения. Все исследователи сходятся в том, что современный этап трансформации постсоветского пространства обусловлен внутренними и внешними факторами, которые нестабильны и близки к состоянию «динамического хаоса».

Изменяются социальный набор, принципы, критерии социальной стратификации, взаимодействия различных социальных слоев и групп, приоритеты групповых интересов, статусов, идентичностей. Эти процессы часто не предсказуемы, так как состояние хаотичности системы ещё не переведено в этап сложной системы и уж тем более простой системы, в которой реально можно бескризисно сформировать систему нравственных ориентиров, стабильного мировоззренческого эталона. Это осложняет как само существование социума, так и процесс его изучения, но неизменной остаётся цель – избежать опасностей развития по катастрофическому сценарию.

Результаты и выводы исследовательской работы в специальных областях зачастую приводят к формулированию различных видов философем социальных трансформаций. То, что мы определяем как «философема», часто означает основное положение, философскую идею, лежащую в основе какого-либо представления. Философема может ограничиваться не объёмом учения, а узким вопросом. Это философема-концепция, по система-

тизации В. Песоцкого, что даёт «определённый способ понимания (трактовки) класса предметов, явлений или процессов, основанный на философской парадигме» [9, с. 25]. Философема теоретически формирует осевой замысел (конструктивный принцип) применительно к данному ряду социальных и мировоззренческих процессов и явлений и не позволит перевести рассмотрение проблемы на обыденный уровень.

Так, данные социологии о специфических трансформациях элит, социальных групп, социальной стратификации, мобильности и т. п. представлены в виде философем-концепций. В результате социологических исследований социальные трансформации могут представлять собой, например, радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы [3, с. 123] или преобразование общества, отличающееся, национально-культурным своеобразием [12, с. 67]. Подобные философемы дают широкую базу для социально-философских обобщений в сфере современных социальных процессов. Выводы социологов на основе конкретно-социологических исследований непосредственно соединяются с социально-философским анализом некоторых видов социальных трансформаций. Так философема социолога М. Вебера о роли социальных действий в социальных трансформациях явилась базой для уточнения философско-теоретической концепции идеопрактики в статье В. Кравченко [4, с. 29].

Наибольшее значение «внешних» философем для развития социально-философских концепций имеют те, которые затрагивают мировоззрен-

ческие проблемы. Искусствознание и теория культуры, филология и религиоведение, психология и конфликтология, а также целый ряд других дисциплин, в том числе находящихся за пределами социально-гуманитарной сферы, могут сформировать философию, дающие бесценный материал для социальной философии.

Так, психология личности, рассматривая проблему самоидентификации человека в обществе, подчёркивает несовпадение его внутренней временной ритмики с ритмами системно-овеществленных социальных процессов и структур. По мнению некоторых психологов, в сознании каждого человека формируется особая «концепция времени личности в масштабах ее жизни» [2, с. 71], что можно определить как «онтологическую философию», в которой «...следует отграничить время, относящееся к области объективного и к природе самого материального мира, и время как сферу субъективного, определяющееся неким духовным началом» [9, с. 26]. Уже сегодня в социологии проблемы социальных трансформаций увязывают с проблемой утраты личностью «временной идентичности».

Все разрозненные философии в аспекте социально-философского анализа могут быть соединены на основе рабочей парадигмы, представляя собой реальную картину социальной динамики в срезе состояния общества «здесь и сейчас». Включение данных обыденного знания в научное знание, характерное для «внешних» философов, может раскрыть те аспекты проблем, которые находились вне философского исследования. Так, учёт особенностей быта представителей

той или иной этнической общности, которые в качестве философии сформулированы в области этнографии (как особенности этнического менталитета, этнического характера), могут дать ключ к решению целого ряда социально-философских проблем, связанных с этнической самоидентификацией, трансформацией различного рода идентичностей и т. д.

В социально-философском исследовании, в отличие от социологического, политологического, культурологического и пр., социальная трансформация рассматривается как целостное динамическое состояние общества, имеющее множество факторов, как явных, так и латентных, а также состояние, мало прогнозируемое в ходе своего развития.

Социальная трансформация является неизбежным и необходимым периодом глобальной социальной динамики. Однако «социальную трансформацию» необходимо также рассматривать и как некий промежуточный результат социальной динамики, как определённый «этап», резко отличающийся от предыдущих состояний общества. В социальной трансформации отмечается уникальное сочетание эволюционных и революционных, архаических и модернизационных, прогрессивных и регрессивных процессов. В ней сложно и даже невозможно выделить ведущие и однозначно определяющие факторы, когда общество находится в состоянии динамического хаоса, и любое, даже, на первый взгляд, самое незначительное явление способно кардинально изменить наличную ситуацию. При этом в сравнении с биологическим организмом в своём существовании, определяемом генной про-

граммой, социальная система является «перепрограммируемой», а потому обладающей как большим жизненным ресурсом, так и реальной опасностью катастрофической гибели.

В современной социальной философии, включающей рассмотрение философом «социальных трансформаций» из разнообразных наук, постепенно вырабатывается более строгий понятийный аппарат, позволяющий охарактеризовать социальные трансформации, исходя из их сущностно-содержательных признаков и характеристик. Например, в своём социально-философском исследовании А. Маслаков [8] подробно останавливается на социологических подходах и интерпретациях, беря социологиче-

ские философемы социальных трансформаций в качестве рабочих гипотез. Сочетая их с результатами философско-исторических и социально-психологических исследований, представленных на уровне философом, автор диссертации создаёт собственную социально-философскую концепцию.

Таким образом, социально-философское рассмотрение «социальных трансформаций» в настоящее время требует использования интегративных, междисциплинарных методов, осмысления результатов всего комплекса социально-гуманитарных исследований и аккумуляции разнообразных знаний, в первую очередь, представленных в виде проработанных философем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батанов И. А. Основы теории социально-экономических трансформаций. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2000. 132 с.
2. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008. 209 с.
3. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2003. 567 с.
4. Кравченко В. В. Идеопрактика и социальное действие: различия и взаимосвязь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 3. С. 29–32.
5. Локосов В. В. Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей. М., 2006. 205 с.
6. Мартазанов Х.-М. М. Становление понятия социального изменения в истории философско-социологической мысли // Новые технологии. 2008. Вып. 5. С. 139–146.
7. Мартынов А. В. Трансформация макросоциальных систем в постсоциалистическом мире. Методологический аспект. М.: URSS, 2016. 230 с.
8. Маслаков А. С. Социальные трансформации (типология и сущность): дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. 222 с.
9. Песоцкий В. А. Философема в структуре философского знания: опыт классификации философом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 22–35.
10. Песоцкий В. А. Философия в художественной литературе: философема в структуре философского знания. 2016. № 1. С. 66–77.
11. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

12. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: МПСИ, 2005. 583 с.
13. Степин В. С. Философское познание в динамике культуры // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 285–317.

REFERENCES

1. Batanov I.A. *Osnovy teorii sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsii* [Fundamentals of the Theory of Socio-Economic Transformations]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2000. 132 p.
2. Golovakha E., Kronik A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological Time of the Person]. Moscow, Smysl Publ., 2008. 209 p.
3. Zaslavskaya T.I. *Sotsial'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva* [The Societal Transformation of the Russian Society]. Moscow, Delo Publ., 2003, 567 p.
4. Kravchenko V.V. [Ideopractice and social action: differences and interrelation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2013, no. 3, pp. 29–32.
5. Lokosov V. *Rossiiskoe soobshchestvo: transformatsiya tselei, interesov, tsennosti* [Russian Community: Transformation of Goals, Interests, Values]. Moscow, 2006, 205 p.
6. Martazanov H.-M. M. [The formation of the concept of social change in the history of philosophical and sociological thought]. In: *Novye tekhnologii* [New Technologies], 2008, no. 5, pp. 139–146.
7. Martynov A.V. *Transformatsiya makrosotsial'nykh sistem v postsotsialisticheskom mire. Metodologicheskii aspekt* [The Transformation of Macro-Social Systems in the Post-Socialist World. Methodological Aspect]. Moscow, URSS Publ., 2016, 230 p.
8. Maslakov A.S. *Sotsial'nye transformatsii (tipologiya i sushchnost'): dis. ... kand. filos. nauk* [Social transformations (typology and nature): PhD thesis in Philosophy]. Moscow, 2003. 222 p.
9. Pesotsky V.A. [Philosopheme in the structure of philosophical knowledge: an experience in philosopheme taxonomy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 22–35.
10. Pesotskii V.A. *Filosofiya v hudozhestvennoj literature: filosofema v strukture filosofskogo znaniya* [Philosophy in Literature: Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge]. 2016, no. 1, pp. 66–77.
11. Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002. 320 p.
12. Bogayevskaya A. *Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyi analiz* [Social Transformations in Russia: Theories, Practices, Comparative Analysis]. Moscow, Moscow Institute of Psychology and Social Sciences Publ., 2005, 583 p.
13. Stepin V.S. [Philosophical Cognition in the Dynamics of Culture]. In: *Chelovek v sisteme nauk* [People in the System of Sciences]. Moscow; Nauka Publ., 1989, pp. 285–317.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришина Тамара Александровна – учитель истории и обществознания Школы Сосны, соискатель кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: tomilica@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara A. Grishina – teacher of History and Social Science, school “Pines”, postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: tomilica@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Гришина Т. А. Философемы «социальной трансформации» в современных социально-гуманитарных исследованиях и их роль в развитии социально-философского знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 69–76.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-69-76

FOR CITATION

Grishina T.A. Philosophemes of «Social Transformation» in Modern Social Sciences and Humanities Research and Their Role in the Development of Socio-Philosophical Knowledge. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 69–76.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-69-76

УДК 111.6; 171

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кравченко В. В.*Московский авиационный институт**(Национальный исследовательский университет)**125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение фундаментальных оснований социальных трансформаций, которые связаны с социокультурной деятельностью субъектов культуры, реализующих базовый социокод. Основное внимание уделено актуальным проблемам новоевропейского социокода, в котором исходной коллизией его выявления оказываются противоречия между жесткими формами абстрактно-понятийных представлений об обществе («идеологиями») и идеопрактиками как индивидуальными способами социального выживания отдельных социально-культурных субъектов. Автор, развивая собственные идеи об идеопрактике, представленные в своих предшествующих работах, доказывает, что социальные трансформации возникают в первую очередь как накопление неизбежных «отклонений» реальных идеопрактик, базирующихся на чувствах и переживаниях индивида, от навязываемых идеологиями абстрактных схем, норм, автоматизмов и т. п. Кроме того, слом целого ряда идеологий во второй половине XX в. воздействовал на «мутацию» социокода, а, следовательно, вызвал серьезные корректировки известных идеопрактик и появление новых социальных трансформаций. Автору удалось обновить проблематику формирования и роли социальных трансформаций, показав ключевое значение идеопрактик в их взаимодействиях как с идеологиями, так и с базовыми социокодами современного общества.

Ключевые слова: социальная трансформация, социокод, идеопрактика, идеология, субъект культуры.

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL BASES OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

V. Kravchenko*Moscow Aviation Institute (National Research University)**4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article considers the fundamental bases of social transformations connected with socio-cultural activity of the subject of culture realizing basic socio-code. The main focus of the article is on current problems of the new European socio-code in which contradictions between rigid forms of abstract and conceptual ideas of society («ideologies») and ideopractice as individual ways of social surviving of different socio-cultural subjects is the initial collision of its identification.

Developing her own ideas of ideopractice the author of the article argues that social transforma-

tion arise, first of all, as accumulation of inevitable «deviation» of real ideopractices based on feelings and experience of the individual from ideologically imposed abstract schemes, norms and mechanisms. Besides, the ruin of a number of ideologies in the second half of the 20th century triggered «mutation» of socio-code and consequently caused serious adjustments in the known ideopractices and emergence of new social transformations.

The author succeeded in renewing the agenda of the origin and role of social transformations by having shown the key value of ideopractices in their interactions both with ideologies and basic socio-codes of modern society.

Keywords: social transformation, socio-code, ideopractice, ideology, subject of culture.

В рамках современных научных традиций междисциплинарного синтеза социальную жизнь можно рассматривать по аналогии с биологической, как конкретную реализацию определённого «социокода» (аналога генетического кода). По определению М. К. Петрова, социокод интегрирует знаковые системы культуры, составляет механизм регламентации её содержания и развития исторически сложившегося культурного типа [9]. Социокод является базовой знаковой реальией бытующей культуры, удерживающей её в целостности, обеспечивая её традирование и формирование институтов общения. Социокод трактуется как «свёрнутая» модель общения, общезначимый регулятор деятельности, механизм трансляции ценностей. Это устойчивое ядро цивилизации и «переведенный в общественное достояние продукт деятельности», способ существования «социально-генетической» памяти, наследующей культурно-эволюционные механизмы.

М. К. Петров выявил три основных социокода: архаический, традиционный и новоевропейский. Особенностью новоевропейского социокода является рациональность, абстрактно-понятийное представление о социальной жизни, что связано с формированием и крушением идеологий. Это

рассматривалось нами в предыдущих работах [4; 5].

Относительно идеологий, благодаря им или им в противовес, в новоевропейской цивилизации сформировалось то, что мы назвали идеопрактикой. Рассмотрение соотношения идеологий и идеопрактик позволяет в новейшей истории, с нашей точки зрения, выявить социокультурные истоки и основания современных социальных трансформаций.

Философы, религиоведы, культурологи и политологи до сих пор ориентированы на создание обобщающих и так или иначе навязываемых обществу картин мира, универсальных «идеологий», призванных сплотить и направить общество по тому или иному пути.

Идеопрактика – это социальная характеристика индивида, его собственной активности. Однако, исходя из реального потенциала самосовершенствования, применения инноваций в условиях существующего многообразия культурно-антропологического наследия, деятельности как данного социокультурного индивида, так и целого ряда социальных групп, идеопрактика объективно ведёт к постепенному изменению социокода данной общности в политической, социальной, художественной, научной и других областях.

Идеология есть воплощение идеала и стремление верхов «направлять, учить и корректировать», в конце концов, «загонять в счастье». Идеологи не сомневаются в том, что можно жить только по путям, ими предначертанным. Не удивительно, что общеобязательная идеология не могла добиться абсолютного единомыслия и социального действия. Неизбежно возникали отдельные личности и некие сообщества, для которых существовал комплекс самоочевидных и базовых для них истин, выпадающих за рамки жёстких навязываемых социальных программ, в которых каждому «винтику» определено своё место.

Догматические идеологии в ретроспективе позволяют более чётко выявить механизм их социальной энтропии, увидеть способы социального выживания реальных людей, оказавшихся в условиях идеологического давления. Очевидно, что политизация идеологии обрекает её на «элитарность», постепенно превращает в профессиональное занятие власть предержащих или тех, кто претендует на власть. Хотя сегодня многие теоретики осознают не только политическое, но и другие измерения идеологии: социальное, художественное, религиозное и т. д. [3].

К началу XX в. для западных интеллектуалов стало очевидно, что идеологи не добиваются тех социальных результатов, на которые они рассчитывали. Увлечение целого ряда философов буддизмом, эзотерическими учениями (А. Койре, Р. Генон, К. Юнг) и прочими нетрадиционными для западного мышления направлениями, по существу, означало конец традиционной «отвлечённой» философии и уто-

пически-ориентированной идеологии. Именно восточные практики, реально соединявшие возвышенные идеи с обыденной деятельностью, поразили и покорили западных интеллектуалов и обывателей. К тому же нельзя забывать о мощном психотерапевтическом потенциале восточных духовных практик, что часто является главным стимулом их освоения в чрезвычайно нестабильном и стрессовом обществе.

Философы-экзистенциалисты в начале XX в. показали пример вполне эффективного «эскейпа» (бегства) от любых идеологических клеток – ухода в творчество [10], что не мешало большинству из них в социальной идеопрактике придерживаться коммунистической идеологии.

Как показывают исследования развития общества, процесс социализации человека не меняет категорически его природной, биологической структуры (или меняет очень медленно); социальность как бы надстраивается над природностью (видимо, не случайно этот образ надстройки возник у К. Маркса при формировании конструкции общественно-экономической формации). Социкокоды для большинства людей оказываются проявленными в социальной оболочке, «одежде», принятой «униформе» или «дресс-коде», помогающих существовать и общаться с себе подобными. Базовые социкокоды, например стили одежды (классика, офисный, спортивный), используются каждым социальным слоем по мере необходимости; при этом всегда есть предпочтительный для отдельного индивида, одновременно признаваемый в том или ином сообществе. Зачастую индивидуальной редукции подвергаются моральные аспекты социкокода,

которые дают возможность личности осуществлять элементарный выбор собственного поведения и способствуют её индивидуальному социальному «выживанию» [8]. Эстетические аспекты социокода оказываются удобной формой социальной мимикрии.

Схема идеологии нацелена на «производство» единообразных граждан с унифицированной моделью личности, отвечающей требованиям государственно-политического заказа. Рядовые члены общества могут выбрать один из нескольких путей выживания:

1) покорность и беспрекословное следование «инструкциям». Но даже в этом случае некоторые могут использовать предлагаемые лозунги и схемы для улучшения своего личного благосостояния (что с успехом делают бюрократы низшего и среднего звеньев; ведь они, преданно заглядывая в глаза начальникам, ощущают себя только слегка посвящёнными во власть или самым близким к населению «днищем» властной конструкции);

2) более или менее открытый протест, «диссидентство» (инакомыслие) как особая социальная деятельность, направленная на слом довлеющей идеологии;

3) создание собственного духовного пространства.

На Западе множество идеологий, философских и мировоззренческих систем к середине XX в. потерпели крах, необратимо оторвавшись от жизни обычных людей. «Диагноз» этому времени поставил в своей работе К. Манхейм: «Усталость от ответственности за неудачные выборы собственных стратегий, дихотомия страха потерять свободу и опять ошибиться в жизненной стратегии приводит человека

к «нулевому решению» предоставить свою судьбу случаю или попытаться найти какие-то духовные «основы», отправные точки своего индивидуального существования. А главное – это осознание своей внутренней усталости от схоластических, бессмысленных теорий, идеологий и доктрин, которые только обещают, но ничего практически не меняют к лучшему в обычной жизни» [7, с. 431].

По существу, социальные общности западных стран представляли собой целый спектр разнообразных национальных (традиционно-новоюропейских) социокодов, которые в середине XX в. могли быть вполне чётко определены (британский, французский, немецкий – на уровне Европы; европейский и американский – в более широком плане). Либеральная идеология приобрела уже к этому времени не столько утопический, сколько «метафизический» и отвлеченный характер вслед за абстрактностью западных философских систем. Примерно к 70 гг. XX в. происходит слом традиционно-новоюропейских социокодов в большинстве европейских стран, начинается процесс глобализации (именно тогда появляется сам термин и понимание глобализации как новой идеологии) [11, с. 71–78]. Необходимо было понять новую социальную реальность, не вписывающуюся ни в одну из известных систем. Слом традиционных рамок семьи, организации производства, быта, финансовых систем, межкультурных взаимодействий и т. д. происходил стремительно, однако в сущности своей нововуюропейский социокод кардинально не менялся. Менялись идеопрактики, его оформлявшие в условиях унификации быта,

производства, политических и социальных программ.

На фоне глобализирующихся идеологий наиболее ярко проявилась «атомизация» внутри общества, возникла острая проблема одинокого человека Запада, затерянного в иллюзорных картинах мира; человека, не имеющего своей собственной жизненной программы, а главное – понимания того, на чем, как и ради чего она может быть устроена. Выяснилось, что современная цивилизация, давшая человеку огромный выбор жизненных стратегий, не вооружает его главным – критериями выбора в обычной жизни. Наиболее важными проблемами индивидуального существования и формирования индивидуальной «идеологии» стала проблема самоидентификации и мотивации [1, с. 167–169].

Социокод Запада, как система внебиологической передачи наработанных цивилизацией социально-необходимых форм деятельности, дал сбой, подвергаясь мутациям, редукциям и инверсиям, что стимулировало интеллектуалов к исследованиям, а обывателей полностью дезориентировало, естественным образом возвращая их в поисках выживания к традиционным или даже архаическим социокодам, которые всегда существуют в человеческой культуре.

Личность является совокупностью субъективного опыта индивида в «культуре-как-процессе», результатом выбора поведенческих моделей, моделей восприятия и чувствования, выработанных индивидом в процессе освоения культуры. Личностные конструкты локализуются в сознании, предсознании и подсознании, они могут иметь свои составляющие на всех

этих уровнях. Человеческие эмоции в сформулированной нами энергетической концепции культурного поля играют определяющую роль. «Культура, как особая среда человеческого существования, как социотворческий феномен, как результат духовно-материальной деятельности людей, формируется, существует и развивается, в первую очередь, за счет человеческих чувств и переживаний» [6, с. 119].

Для идеологии не существует уникальной личности; её лозунги адресованы безликим массам, призванным реализовать утопическую социальную программу. Идеология, в отличие от философии и религии, максимально далека от психологии. Осознавая это, некоторые современные идеологи используют психотехнологии в дополнение к обычной пропаганде. Поскольку социокод отражается в первую очередь в языке, в идеологических документах всегда много предельно абстрактных идеологических понятий, апеллирующих к универсальным чувствам.

В идеологически структурированных обществах живое и естественное развитие социокультурной среды контролируется, направляется и ограничивается социальной схемой, соответственно, сокращается разнообразие индивидуальных конструктов. Борьба с официальной идеологией, противостояние ей, скажем, у диссидентов предполагает создание не только новых конструктов мышления, но также иных идеопрактик: форм поведения и социального действия.

При крушении идеологии заново возрождаются или восстанавливаются свои функционирование те фрагменты «нормального» цивилизационного социокода, которые были подавлены или

серьезно нарушены бездушной идеологической «машиной». Человек ищет и воспринимает себя в рамках новых систем миропонимания, он осваивает новые для него идеи и представления о мире, об обществе, о себе.

Таким образом, идеологии и идеопрактики существуют относительно социокода более или менее «свободно», но, отходя от него всё дальше, они провоцируют вначале незначительные, а затем всё более существенные социальные трансформации, вызванные «мутациями» и инверсиями социокода. На фоне крушения и смены идеологий, имеющих зачастую не собственно социокультурные, а политические, экономические и структурно-управленческие причины, идеопрактики меняются особенно существенно, что и определяет очевидный и кардинальный характер социальных трансформаций.

Подчеркнём, что в социокультурном, культурно-антропологическом плане социальные трансформации происходят, начинаясь с неизбежных трансформаций идеопрактик. Во времена засилья определённой идеологии идеопрактики достаточно тесно связаны с социальными действиями, хотя и отличаются от них [2; 4]. В периоды социальных кризисов идеопрактики носят спонтанный характер, отражая индивидуальные социально-психологические механизмы выживания субъекта, лишь косвенно определяемые социокодом. Более того, в идеопрактиках в эти периоды реализуются наименее «привычные» и ожидаемые социально-культурные программы. К тому же кризис провоцирует пробуждение архаического и традиционного социокодов, их смешение с новоевропей-

ским, что в социокультурном плане создаёт непредсказуемую и сложную ситуацию совмещения и социального регулирования множества едва ли пересекающихся или сводимых воедино идеопрактик.

Возможно, учитывая тот факт, что работы М. К. Петрова были написаны ещё в середине XX в., талантливый учёный не мог предвидеть кардинальных социальных перемен и предугадать размывание новоевропейского социокода, которые начались уже в период существования СССР и противостояния капиталистической и социалистической идеологий. Возможное формирование особого «советского» социокода, на наш взгляд, могло бы быть рассмотрено в качестве специальной теоретической проблемы.

Но более актуальной на сегодняшний день является проблема складывания нового глобального типа социокода наряду с выделенными М. К. Петровым архаическим, традиционным и новоевропейским. В его основе лежат глубочайшие социокультурные и культурно-антропологические преобразования, связанные с результатами ряда научно-технических революций, компьютеризацией не только производственно-экономической сферы, но и обыденной жизни людей. Мощное развитие и ускоренное внедрение искусственного интеллекта, роботизации, новейших биологических и генных технологий и пр. – всё это определяет формирование небывалых связей и взаимодействий, а главное – появление новых индивидуальных идеопрактик. Именно они составляют «толщу» того «айсберга», находящегося «под поверхностью» социальной реальности, у которого со-

циальные трансформации выявляются только на видимой «вершине».

С этой точки зрения социальные трансформации оказываются показателями тех, по преимуществу, необратимых изменений, которые придают характерные черты современному человеческому обществу как целому, а также – отдельным социокультурным образованиям, которые, с одной стороны, испытывают влияние глобализирующих и унифицирующих тенденций, а с другой – выявляют уникальные национально-этнические и региональные черты. Понятно, что внутри подобных образований естественно формируются непредсказуемые идеопрактики на всех социальных «этажах». Даже географически близкие регионы, находящиеся примерно на одном уровне научно-технического развития, резко отличаются идеопрактиками и, соответственно, результирующими социальными трансформациями – Япония отличается от Сингапура, Китай от Кореи и т. д.

Но именно в новых идеопрактиках формируются те неизвестные ранее социальные трансформации, которые могут привести к очередной стабилизации социума. Можно говорить о самоорганизации социальной системы, можно о накоплении социально-психологической усталости социальных индивидов и групп, но суть в том, что в поисках новых идеопрактик всё большее количество людей ориентируется на известные или возобновлённые программы социокода, которые напрямую сегодня связаны с этническим менталитетом. Многие из них

обладают успокаивающим обществом характером. Так, уникальные примеры сочетания традиционного уклада с инновационной и даже прорывной научной деятельностью отличают знаменитые сообщества в Силиконовой долине, Сколково и т. п. Внутри этих социальных образований каждый учёный свободен в выборе тех или иных идеопрактик, которые позволяют ему наиболее эффективно строить карьеру. Сочетание идеопрактик в подобных кластерах оказывается чрезвычайно продуктивным для всего общества, в котором могут проявляться быстрые и непредсказуемые социальные трансформации.

Примеры несопоставимости этнокультурных идеопрактик и навязываемого западного «образа жизни» хорошо известны: общины северных народов, сохраняющих черты традиционного быта, племена аборигенов Австралии и т. п. Но также знакомы удручающие социально-демографические трансформации, по существу, довольно быстрый в историческом плане процесс физического вымирания целых народов.

Дальнейшее изучение проблем соотношения новых видов идеологий и идеопрактик, процесса формирования новых социокодов позволит выявить возможность естественного «движения навстречу» в разнообразных идеопрактиках, а в результате прогнозирование новых социальных трансформаций, которые так или иначе могут вывести отдельные социокультурные образования и глобальное общество из кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко Ю. С. Духовный мир молодого человека: российская модель трансформации. Ставрополь, 2010. 175 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
4. Кравченко В. В. Идеопрактика и социальное действие: различия и взаимосвязь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 3. С. 29–32.
5. Кравченко В. В. От идеологии к идеопрактике: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 25–31.
6. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
8. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 118 с.
9. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
10. Сартр Ж.-П. Трансценденция эго: набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2011. 160 с.
11. Хорина Г. П. Глобализация как идеология // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 71–78.

REFERENCES

1. Borisenko Yu.S. *Dukhovnyi mir molodogo cheloveka: rossiiskaya model' transformatsii* [The Spiritual World of a Young Man: Russian Model of Transformation]. Stavropol, 2010. 175 p.
2. Weber M. [Basic Sociological Concepts]. In: *Zapadnoevropeiskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European Sociology of 19th - Early 20th Centuries]. M, 1996, pp. 455–491.
3. Zhizhek S. *Vozvysheynnyi obekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, *Khudozhestvennyi zhurnal* Publ., 1999. 236 p.
4. Kravchenko V.V. [Ideopractice and social action: differences and interrelation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2013, no. 3, pp. 29–32.
5. Kravchenko V.V. [From ideology to ideopractice: socio-philosophical discourse in the age of pluralism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2013, no. 2, pp. 25–31.
6. Kravchenko V.V. *Simfoniya chelovecheskoi kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, *Agraf* Publ., 2017. 384 p.
7. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow, *Yurist* Publ., 1994. 693 p.
8. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social Identity: Content, Structure, Mechanisms of Formation]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2008. 118 p.
9. Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, Sign, Culture]. Moscow, *Nauka* Publ., 1991. 328 p.

10. Sartre J.-P. *Transtsendentsiya ego: nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya* [The Transcendence of the Ego: a Sketch of Phenomenological Description]. Moscow, *Modern Publ.*, 2011. 160 p.
 11. Khorina G.P. [Globalization as Ideology]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, no. 1, pp. 71–78.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Linguistics and Theory of Translation, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Кравченко В. В. Культурно-антропологические основания социальных трансформаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №1. С. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85

FOR CITATION

Kravchenko V.V. Cultural and Anthropological Bases of Social Transformations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.1, pp. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-86-95

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Молчан Э. М.

Сергиево-Посадский институт игрушки

141310, г. Сергиев Посад, Северный проезд, д. 5, Московская обл.,

Российская Федерация

Аннотация. В данной работе исследуется взаимодействие субъектов в социальном бытии как основание решения проблемы влияния информатизации на современное общество в условиях глобализации. Методологией исследования выступают междисциплинарный, системный, аксиологический, диалогический, антропокультурологический и социально-философский анализ актуальных проблем социального бытия. Акцентируется внимание на существующих противоречиях рациональности и нравственности, виртуальности и реальности, транснационального глобализма и национальных культур, приводящих к конфликтам и кризисам. Подчеркивается, что изменение особенностей социальных систем требует актуализации ценностного основания в социальном бытии. Обосновывается необходимость исследования социальных систем и субъектов взаимодействия в социальном пространстве с точки зрения трансформации ценностного основания в социальном бытии. В результате проведённого анализа сделан вывод, что необходимы новые поведенческие императивы и стратегии развития субъектов взаимодействия в экономической, политической, воинской, научной и другой деятельности, консолидирующие общество в условиях информационной глобализации и обеспечивающие устойчивость развития страны.

Ключевые слова: субъекты взаимодействия, глобализация, социализация, информатизация общества, социальные системы, социальное бытие, трансгуманизм, самосознание, личность.

SOCIALIZATION OF THE SUBJECTS OF INTERACTION UNDER THE CONDITIONS OF INFORMATIONAL GLOBALIZATION

E. Molchan

Sergiyev-Posad Institute of Toy

5, Sergiyev-Posad Institute of Toy, Severny driveway, Sergiev Posad, 141310,

Russian Federation

Abstract. The article considers the interaction of subjects in social being as a basis for solving the problem of the influence of informatization on modern society in the context of globalization. The research methodology includes interdisciplinary, systemic, axiological, dialogical, anthropo-culturological and socio-philosophical analyses of current problems of social exist-

ence. The attention is focused on the existing contradictions of rationality and morality, virtuality and reality, transnational globalism and national cultures leading to conflicts and crises. It is emphasized that a change in the characteristics of social systems requires updating the value basis in social being. The necessity of the study of social systems and subjects of interaction in the social space from the point of view of the transformation of the value basis in social being is substantiated. The author comes to the conclusion that new behavioral imperatives and development strategies of the subjects of interaction in economic, political, military, scientific and other activities are needed, consolidating society in the context of information globalization and ensuring the sustainability of the country's development.

Keywords: subjects of interaction, globalization, socialization, informatization of society, social systems, social being, transhumanism, self-consciousness, personality.

Введение

Начало XXI в. знаменуется периодом кардинальных преобразований в самоорганизации социальных систем, связанных с переоценкой государственных и мировых ценностей, сменой вектора развития социальных систем, возникновением феноменов виртуальной реальности, кардинальным изменением сознания как эпицентра глобальных проблем целесолагающей и целереализующей силы, формирующей и определяющей будущее социальной реальности. Процессы глобализации обозначили два сценария развития: полицентрический и моноцентрический. Первый связан с усилением межгосударственных системных связей и сохранением суверенитета стран, второй ориентирован на усиление позиций одной страны с уничтожением государственных суверенитетов [3]. Вопрос определения стратегий социальных систем в ходе современных цивилизационных процессов – это вопрос социокультурного генотипа человечества, который определяется как выработанная в ходе антропосоциогенеза предшествующих поколений людей структурно детерминированная окружающей социо-

культурной реальностью программа исторического развития цивилизации.

Противоречия в социальных системах и признаки современных цивилизационных процессов

Развитие социальных систем характеризуется следующими противоречиями:

– виртуализация социального бытия, изменившая формы существования и механизмы реализации социальных систем современного общества: переход от закрытых взаимодействий в социальных системах к открытой самоорганизующейся мировой системе;

– обострение противоречий во взаимодействиях систем и подсистем, связанных с процессами самоорганизации и реализации субъект-субъектных отношений;

– виртуализация социальных систем и подсистем и погружение их в мировые глобализационные процессы: сетевыми технологиями создана новая реальность, где существуют свои системы и формы подсистем, включающие элементы реального и виртуального миров, где объединились все усилия и достижения человечества [4].

Самоорганизация в социальных системах связана с осуществлением

такого типа причинно-следственных связей, как детерминация будущим, которое трансформируется в настоящем и изменяет бытие социума. Момент ожидания событийности того или иного явления связан с моделированием в сознании человеком своей деятельности. Вхождение человека в социальную систему связано с ценностным основанием. Ценности социальных систем задают вектор развития современного общества, при этом культурно-образовательным системам отводится доминирующая роль в процессе социализации личности. Основными задачами современного общества являются: определение сущности и раскрытие особенностей социальных систем в процессе социализации личности; моделирование процесса социализации личности в самоорганизующихся системах; раскрытие особенностей субъектов деятельности и взаимодействия в освоении социального бытия субъектами отношений. Решение сложных задач, стоящих перед современным обществом, оказывается невозможным без апелляции к феномену ценностного основания социальных систем.

Субъект взаимодействия в виртуальных системах выступает творцом виртуальной реальности, наделённым неисчерпаемыми возможностями, позволяющими не просто строить некий «параллельный» по отношению к объективному мир, но и преобразовывать его. В этом обществе, чем больше скорость жизни, тем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, транзакций и трансформаций. Лавинообразный рост объёмов информации и многообразие её источников (живые жур-

налы, твиттер, микроблоги и др.) дают эффект усиления ее воздействия, или так называемый синергетический, нелинейный эффект, который, с одной стороны, может привести к непредсказуемым глобальным проблемам и их следствиям, а с другой – делает возможным развитие общечеловеческих ценностей как открытой социальной системы на основе взаимодействия индивидуальных, национальных и глобальных ценностей.

Стратегии развития социальных систем и субъектов социализации

XXI в. раскрыл новые научно-технологические возможности в социальных системах. Человечество фокусирует национальные достижения в области науки и образовательных технологий. Сейчас совсем по-другому, чем 20–30 лет назад, вырисовывается картина обеспечения национальной безопасности российского общества. Если раньше ее понимали как военную безопасность, включая ядерные силы и ракетно-космические компоненты, то сегодня ясно, что в ближайшее десятилетие национальная безопасность страны – это духовная безопасность, духовно-нравственные ценности, высокий уровень образования и науки, это информационная и компьютерная безопасность, это предупреждение техногенных катастроф и обеспечение научного экологического окружения, это и биологическая и экономическая безопасность и людской потенциал. В настоящее время актуальным является обеспечение безопасности человечества. Достичь её можно, реализуя идею устойчивого развития социальных систем как самоорганизующихся

глобальную систему цивилизации. Совершенно очевидно, что ценностное основание социальных систем – это вектор развития современного общества.

Развитие виртуального интернет-пространства, информатизация современного общества раскрывают для человечества новые информационные просторы, объединяющие различные научные исследования [8]. Человечество третьего тысячелетия подошло к границе объединения человеческих знаний для решения проблемы продления жизни на Земле. Стремление людей искать пути усовершенствования человека, увеличения его жизни вылилось в такое научное направление, как трансгуманизм. Трансгуманизм преподносит человеку множество нерешенных проблем, прежде всего в духовном направлении, так как тело ограничено и в пространстве, и во времени. Сверхличность, которая будет обладать физическими свойствами, превосходящими реальную личность, потеряет свободу морального выбора. Машина, усовершенствованная до уровня человека, не будет обладать самосознанием, а останется набором различных кодов и цифр. Превращая человека в киборга с заменой живой ткани и мозга, творцы искусственного интеллекта создадут оружие, которое способно уничтожить всю Вселенную. Обезличивание личности уничтожит духовный мир человека, социальное бытие превратится в виртуальное пространство безликих сущностей.

Переход современного общества на уровень шестого технологического уклада делает процесс киборгизации неотъемлемой частью как настоящего, так и будущего. Кибернетическая

революция, начавшаяся в 50-х гг. XX в. и предположительно продляющаяся до 2060–2070 гг., кардинально изменит мир, что, в свою очередь, отразится на социальных системах.

Поскольку процесс связан с внедрением новых технологий в общественное бытие, он сопровождается массовой коммерциализацией, что требует анализа возникающих проблем, перспектив и угроз, непременно проявляющихся в ходе продажи и внедрения прорывных исследований.

Компьютерная и цифровая революция, используя современные технологии, оказывает влияние на познавательные способности человека [1]. Информация окружает нас со всех сторон, но люди испытывают голод в знаниях. Ускоряется процесс старения знаний, их моральный износ. Темпы старения в различных отраслях знания не одинаковы: от 1,5–2-х лет в наиболее востребованных науках до 15 лет в фундаментальных, прикладных и даже в технических отраслях знания. Использование антропокомпьютерных систем и гаджетов изменило связь интеллектуально-рациональных, эмоционально-сенситивных, интуитивных составляющих в познании. Трансформировались детерминанты познавательной деятельности личности, диктуемые информационной картиной мира.

Современные учёные выделяют такую особенность личности, как «голографичность»: деятельность в социальном бытии личности отображается в духовно-душевном, энергетическом состоянии ее духовной сущности, так и в отдельном органе. Системная целостность личности представлена во взаимодействии элементов этой

системы. Элементы эмоционального состояния и физического, разделяясь на более мелкие, образуют структуру системы, где отображается и духовное, и физическое. Так Л. П. Киященко в сложном культурно-социальном бытии видит «голографический» образ человека как индивидуализирующейся личности, как деятельного и свободного существа, ответственно избирающего свою судьбу, ориентируясь на обновлённый образ единства мира. Голографический образ – это будущая модель личности в социокультурном бытии. Это может быть и виртуальный мир голограмм-сущностей как призраков социального бытия, но реальных для компьютерных миров и виртуальных пространств. «Голографичность» личности в виртуальном пространстве несёт в себе разрушающий потенциал социокультурного бытия, так как погружает её в виртуальное – нереальное бытие, замыкаясь в котором, личность разрушается духовно. Личность становится информационным фантомом, зависящим от информационных потоков виртуальной реальности. Виртуальная реальность активно проникает в социальное бытие, изменяя истинную реальность, порождает бестелесность предметов, автономность, интерактивность [2].

Фома Аквинский рассматривал виртуальную реальность как потенциальное бытие (возможного) и актуальное (действительное), Николай Кузанский – как возможность, которая потенциально содержит в себе реальность. Потенциальное, поддерживаемое технической средой, существует как сфера взаимодействия человека и техники (техносфера). Виртуальную реальность можно рассматривать как

часть искусственного социального бытия, созданного человеком, которое порождает киберпространство. Киберпространство представляет сложную глобальную компьютерную сеть и является формой реализации виртуальных миров (реальностей).

Искусственное виртуальное бытие, включающее в себя многоликий мир виртуальных самостоятельных реальностей, является моделью социального бытия общества в соответствии с потребностями экзистенциального пространства. Виртуальное бытие расширяет границы взаимодействия личности в пространстве и времени, но при этом обезличивает личность в информационных мирах. Социальное бытие изменяет своё содержание, усиливается зависимость человека от виртуальной реальности. Воздействуя на социальное бытие, виртуальная реальность расширяет пределы своего воздействия на личность, ограничиваясь техническими системами. Погружаясь в виртуальное пространство, личность приобретает иные характеристики своей самости, иногда, растворяясь в бесконечных мирах виртуальности, теряет свое «Я», иногда приобретает характеристики сверхличности в материальности телесной оболочки, деградируя духовно. Проблема социализации субъектов взаимодействия в социальном бытии, связанная с воздействием виртуальной реальности как особой формы существования, остаётся открытой и не исследованной. Вопрос ограниченности технических средств уходит в прошлое, постепенно уступая место проблеме ценностных оснований существования человека в виртуальной реальности.

Средой обитания современной личности является не окружающее бытие, а искусственное виртуальное бытие.

XXI в. с современными достижениями в технике открывает новые возможности для субъектов взаимодействия в условиях глобализации. Идёт интеграция личности с виртуальным бытием. Изменения социального бытия и личности, связанные с виртуальной реальностью, предполагают изменение среды обитания, превращение её в цифровую данность. Происходит стирание ограничений возможностей в социальном бытии и превращение личности в сверхличность. Стремление получить сверхвозможности обретает огромную силу, обещая свободу от ограничений в социальном бытии и приобретение статуса сверхличности.

Идея информатизации общества изначально предполагала использование современных компьютерных средств для облегчения процесса обработки информации. Но учитывая тот факт, что современный прогресс открывает для субъектов новые возможности, информатизация современного общества приобретает иной статус и включает: изменение социального статуса субъектов взаимодействия; широкие возможности использования информации для управления личностью и как ресурса общества; осуществление процесса информационной глобализации; для удовлетворения информационных потребностей личности. Глобальная информатизация общества выступает как научно-технический, исторический и социальный процесс, качественно меняющий техническое, социальное и духовное бытие современного общества.

Сложное и недостаточно разработанное проблемное поле, охватывающее мир ценностных ориентаций, побуждает обратиться к познавательным и методологическим возможностям комплексного анализа. Комплексность – это не только характеристика социального познания, но и атрибут самой реальности. Она выражает способность системы не только приспосабливаться к сложностям внешней среды, но и вырабатывать адекватные её вызовам ответы и решения посредством изучения ценностного основания.

Подходы к изучению субъектов взаимодействия в социальных системах

Междисциплинарный подход к комплексному исследованию ценностных ориентаций общественного бытия позволяет значительно расширить и углубить понимание проблемы социализации субъектов взаимодействия в условиях глобализации. Благодаря новейшим философским концепциям исследование ценностных ориентаций приобретает актуальный социально-философский значимый аспект, так как социальная философия позволяет рассмотреть весь социальный контекст жизнедеятельности общества, уделяя непосредственное внимание объективно заданным социокультурным образцам и стандартам деятельности, а также обратиться к фактам и особенностям культурной обусловленности ментальных явлений и процессов социализации субъектов взаимодействия в условиях глобализации [7].

Одним из существенных направлений в области социализации субъектов взаимодействия, позволяющим осмыслить сам процесс, являются синергетический и системный подходы. Само понятие «система» (*др.-греч.* «целое, составленное из частей») хотя и имеет множество определений, но по сути, все они отражают целостность объекта, многоэлементность и функциональную взаимообусловленность составных компонентов системы [11].

Системный подход предполагает рассматривать социализацию как совокупность взаимодействий субъектов в социальных системах. Подразумевает разделение системы на подсистемы, что позволяет глубже исследовать функционирование конкретной подсистемы. Аксиологический подход рассматривает личность как высшую ценность социальных систем, позволяет создать условия для социализации субъектов взаимодействия в социальном бытии. Теоретико-методологической основой исследования аксиологического подхода является учение о влиянии ценностей на социализацию субъектов взаимодействия, которое получило своё развитие в конце XIX – начале XX вв. (Н. Гартман, Д. Дьюи, С. Пеппер, Р. Б. Перри, Г. Риккерт, М. Шелер). В отечественной науке (С. Ф. Анисимов, Л. П. Буева, А. Г. Здравомыслов, М. С. Каган, В. Н. Сагатовский) были определены место и роль теории ценностей в социализации личности, её значение для развития комплекса наук о человеке и обществе.

Диалогический подход раскрывает социализацию субъектов диалогического взаимодействия как первоначальную форму человеческих

отношений в окружающем социальном пространстве; абсолютную открытость энергетико-информационной созерцательной встречи двух субъектов в социальном пространстве, где открывается действительный смысл бытия, где диалогическое взаимодействие достигает состояния счастья взаимоотражённости, где даже возникает эффект дематериализации персоны диалога [6].

Антропокультурологический подход обосновывает содержание потенциала социальных систем, сущностные характеристики человека как субъекта социализации, определяет человеческие возможности в социальных системах, социокультурные факторы в воспитании субъекта культуры [10]. Антропокультурологический подход задаёт методологический ориентир социальных систем, определяет целеполагание в построении образовательной деятельности при социализации и индивидуализации субъектов взаимодействия.

Заключение

Социальные системы обладают рекурсией, способностью самоподобиться в социальном бытии. Самоподобление наблюдается во взаимодействии субъектов в социальных системах на уровне перехода из одной социальной системы в другую в освоении социального пространства. Социальное взаимодействие субъектов раскрывает генно-исторические и пространственно-временные связи социальных систем как сложной системы цивилизации. Начальная точка отсчёта взаимодействия субъектов возникает в инерциальных системах

социального бытия, где законы социального бытия имеют относительную завершённость и исчезают в открытых системах вселенского масштаба на уровне цивилизаций. Относительность всех социальных взаимодействий связана с неопределяемой в пространственно-временном континууме отправной точкой начала социального бытия и выходит за пределы понимания человеческой рациональности [5].

Социализация субъектов взаимодействия в условиях информационной глобализации с позиции междисциплинарного, системного, аксиологического, диалогического, антропокультурологического подходов показывает, что воздействие современных технических средств коммуникации на социальные системы направлено на формирование человека интеллектуального без ценностного основания или подмене реальных ценностей на мнимые. Социализация субъектов превращается в обезличенный информационный обмен и интерактивное взаимодействие для получения знаний, концепций и учений о

ценностной сфере социального бытия, сталкивается на современном этапе с проблемами теоретико-методологического характера, что негативно влияет на их продуктивность. В современных условиях требуется создание такого аксиологического образовательного пространства, в котором осуществляемое движение ценностей от субъекта к субъекту и, наоборот, под знаком перехода ценностей «для себя» в ценности «для другого» обеспечивает взаимопонимание, взаимопринятие, благодаря чему становится возможным «встречное движение» ценностных миров, двустороннее действие золотого правила нравственности, обращаемость которого порождает взаимность. Способом организации такого «движения» ценностей является ценностно-ориентационная деятельность в социальных системах как определенный тип ценностных отношений, образующих содержание аксиологического образовательного пространства, а механизмом перехода является рефлексия [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки / В. Ю. Ивлев и др. М., 2013. 129 с.
2. Киященко Л. П. Личность как голограмма в трансдисциплинарной культуре // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 58–68.
3. Колотуша В. В. Пограничная сфера общества в условиях становления многополярного мира // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 280–288.
4. Майкова В. П. Общественное сознание в условиях интеграции: учеб. пособие для подготовки к семинарским занятиям. М.: Спутник+, 2018. 186 с.
5. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 46–54.
6. Молчан Э. М. Трансформация образовательной деятельности как социокультурный феномен // Методология в науке и образовании: материалы Всероссийской конференции университетов и академических институтов РАН. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017. С. 210–212.

7. Национализм как угроза демократии и политической стабильности в современной России / В. А. Песоцкий и др. Новосибирск: НИПКиПРО, 2017. 116 с.
8. Нехамкин В. А. Роль образования руководителя государства в процессе исторического развития // Социология образования. 2012. № 2. С. 82–97.
9. Петрий П. В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 55–63.
10. Савченко Е. А. Антропокультурологическая парадигма: воспитание культурного человека. Ярославль: Канцлер, 2016. 134 с.
11. Черников В. В. Оптимизация управления качеством обучения человека в среде современного социума. М.: Форма-Т, 2008. 360 с.

REFERENCES

1. Ivlev V.Yu. et al. *Informatsionnoe obshchestvo i formirovanie novoi epistemologicheskoi paradigmy sovremennoi nauki* [Information Society and the Formation of New Epistemological Paradigm of Modern Science]. Moscow, 2013. 129 p.
2. Kiyashchenko L.P. [Personality as a Hologram in Transdisciplinary Culture]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2017, no. 11, pp. 58–68.
3. Kolotusha V.V. [Boundary Sphere of Society in the Formation of a Multi-Polar World]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2017, no. 5, pp. 280–288.
4. Maikova V.P. *Obshchestvennoe soznanie v usloviyakh integratsii* [Social Consciousness in Terms of Integration]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2018, 186 p.
5. Maikova V.P., Molchan E.M. [Spirituality as a Factor of Stability of Social Systems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 46–54.
6. Molchan E.M. [The transformation of education as a socio-cultural phenomenon] In: *Metodologiya v nauke i obrazovanii: materialy Vserossiiskoi konferentsii universitetov i akademicheskikh institutov RAN*. [Methodology in Science and Education: Proceedings of the All-Russian Conference of Universities and Academic Institutes of Russian Academy of Sciences]. Moscow, Bauman Moscow State Technological University Publ., 2017. pp. 210–212.
7. Pesotsky V.A. et al. *Natsionalizm kak ugroza demokratii i politicheskoi stabil'nosti v sovremennoi Rossii* [Nationalism as a Threat to Democracy and Political Stability in Modern Russia]. Novosibirsk, NIPKiPRO Publ., 2017, 116 p.
8. Nekhamkin V.A. [The role of education of the head of the state in the process of historical development]. In: *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of Education], 2012, no. 2, pp. 82–97.
9. Petry P.V. [Public ideal as a factor of modernization of Russia under the conditions of globalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 55–63.
10. Savchenko E. *Antropokul'turologicheskaya paradigma: vospitanie kul'turnogo cheloveka* [Anthropologic Paradigm: Upbringing of Cultured Human]. Yaroslavl, Kantsler Publ., 2016, 134 p.
11. Chernikov V.V. *Optimizatsiya upravleniya kachestvom obucheniya cheloveka v srede sovremennogo sotsiuma* [Optimization of Quality Management of Human Learning in the Environment of Modern Society]. Moscow, Forma-T Publ., 2008. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Сергиево-Посадского института игрушки;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard M. Molchan – PhD in Pedagogy, associate professor at the Department of Humanities and Natural Sciences, Sergiyev-Posad Institute of Toy;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Молчан Э. М. Социализация субъектов взаимодействия в условиях информационной глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 86–95.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-86-95

FOR CITATION

Molchan E. Socialization of the Subjects of Interaction under the Conditions of Informational Globalization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 86–95.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-86-95

УДК 124.23

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-96-107

УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА УПРАВЛЕНИЯ ЕЕ РАЗВИТИЕМ

Перминов В. Л.

Школа № 354 имени Д. М. Карбышева

105005, г. Москва, Лефортовский пер., д. 10, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выявление аксиологических оснований процесса усложнения социальной организации, детерминирующих управление её развитием. Автором проанализирован значительный объём исследований в области философии, экономики, управления по данной проблеме. В статье дана характеристика условий усложнения социальной организации, доказано, что оно детерминировано рядом аксиологических оснований: смыслообразующих ценностей–целей, деятельностно-технологических ценностей, мотивационно-стимулирующих, регулятивных. Тем самым определён аксиологический контур управления развитием социальной организации как постепенно формирующаяся динамическая структура. Автором использованы методы социально-философского анализа: структурно-функциональный и сравнительный анализы, а также методы синтеза, индукции и дедукции. Практическая значимость статьи заключается в доказательстве взаимозависимости между ценностями, новациями и адаптацией социальной организации как основами управления её развитием, что следует учитывать как объективный фактор, определяющий изменения в стратегии её развития при доминанте аксиологического императива. Статья адресована широкому кругу исследователей социального управления.

Ключевые слова: социальная организация, ценности, социальное управление, управление развитием, адаптация, инновация, философско-аксиологический подход.

THE INCREASING COMPLEXITY OF SOCIAL ORGANIZATION AS A DETERMINANT FOR MANAGING ITS DEVELOPMENT

V. Perminov

Public Budgetary Educational Institution «School no. 354 named after D.M. Karbyshev»

10, Lefortovsky lane, Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The aim of this paper is to identify axiological bases for increasing complexity of a social organization determining its development. The author analyzed a considerable amount of research in the field of philosophy, economics, social management on the development of social organization and management to make a characteristic of the conditions under which the social organization complicates its structure. It has been proved that the increasing complexity of social organization is determined by axiological bases: sense-forming values-objectives, activity and technological values, motivational, incentive and regulatory values. Thus the axi-

ological contour of the development management of social organization has been defined as a gradually evolving dynamic structure. The practical value of the article is in the proof of interdependence between values, innovation and adaptation of social organization as a basis for the management of its development, which should be considered as an objective determining factor. The article is aimed at a wide range of researchers in social management.

Keywords: social organization, values, social management, development management, adaptation, innovation, philosophical and axiological approach.

Современный мир характеризуется глобальностью, информационными насыщенностью и многоплановостью, усложнением производства, институциональными барьерами и возрастанием различных рисков как для существования общества в целом, так и для конкретных социальных организаций и личностей в частности. Поэтому проблему ценностей управления сложной социальной организацией следует решать в контексте философии культуры. Согласно М. С. Кагану, культура представлена в виде двух форм бытия: материального и духовного, каждая из которых имеет свое предметное поле [13]. Материальное бытие включает три формы материальной предметности: человеческое тело, техническую вещь и социальную организацию. Духовное бытие включает три формы духовной предметности: знание, ценность, проект.

С одной стороны, социальная организация как объект культуры принадлежит материальному бытию, а с другой, её ценности находятся в сфере духовного бытия. И, таким образом, проблема ценностей социальной организации и управления её развитием характеризуется дуальностью, детерминируемой материальностью социальной организации и духовным характером её ценностей.

По мнению П. Друкера, основным ресурсом организации является ра-

ботник, создающий знание, а не только капитал, природные ресурсы и труд. Это порождает потребность каждой организации в создании систематизированной методики управления самоизменениями, в которой делаются акценты на инновации, ценность развития и адаптивность [11].

Согласно И. Ансоффу, современная социальная организация должна рассматриваться сквозь призму [4]:

1) социально-политической перспективы, т. е. через необходимость учитывать «социально-политические переменные во внутрифирменных социальных ревизиях и составлении сценариев социальной среды». Этот фактор интерпретирован в трёх направлениях:

– адаптация систем к новой социально-политической реальности участия работников в управлении социальной организацией и к растущему влиянию на неё континентов внешнего окружения, например групп потребителей ее товаров и услуг;

– расширение диапазона стратегий, программ и финансовых планов для включения в их состав социально-политических переменных, влияющих на получение прибыли;

– укрупнение систем с целью включения управления социальной ответственностью и обеспечения правомочности действий, предпринимаемых социальной организацией.

2) неопределённости и непредсказуемости – как переход от дискретного характера планирования (например, в режиме годового цикла планирования) к гибким прогрессивным системам, быстро реагирующим на изменения в реальном масштабе времени, что предопределило актуальность адаптивно-сценарного подхода к управлению, аксиологическим основанием которого является ценность гибкости стратегии.

Согласно Р. Акоффу, социальная организация – это открытая целеустремленная, самоорганизующаяся и развивающаяся система, способная эффективно функционировать в условиях сложной меняющейся среды, в которой акцент делается на развитие и активную адаптацию [3]. Такое её определение показывает, что существуют определённые зависимости между типом системы и способами адаптации, которые подразделяются на активные, пассивные и смешанные (комбинированные). В случае пассивной адаптации организация изменяет своё поведение для повышения эффективности деятельности в изменяющихся условиях. В случае же активной адаптации она сама воздействует на внешнюю среду с тем, чтобы эффективность организации в настоящем и будущем была выше. Поскольку изменения во внешней среде могут быть короткими и быстрыми, постоянными и длительными, необходимо, чтобы адаптивная система могла справляться со всеми случаями изменений. Следовательно, социальной организации должна быть присуща гибкость.

По мнению К. Шваба, современная социальная организация будет претерпевать серьёзные изменения на всех

уровнях в связи с резко меняющейся внешней средой и появляющимися новыми мегатрендами из-за начавшейся четвертой промышленной революции и шестого технологического уклада. Как минимум, современная организация должна быть инновационной, уметь работать с коллаборативными и дизруптивными инновациями, её сотрудники должны быть высококвалифицированными и одновременно готовыми к постоянной адаптации и усвоению новых знаний и навыков, а организационная культура должна быть максимально гибкой, обеспечивая трансформацию операционных моделей организации в новые цифровые модели [23].

Изложенное позволяет заключить, что понятие «социальная организация» в настоящее время характеризуют такие сущностные признаки, как целостность, структурность, изменчивость, адаптивность, развитие. Следует согласиться с точкой зрения М. Кагана, что появление социальных организаций венчало длительный эволюционный процесс: «формирование цивилизации, классовая дифференциация общества, развитие городской культуры, требовавшей новых более эффективных способов организации социальной жизни, прогресс научного знания и технического творчества. Все это вело к умножению, усложнению и улучшению организаций, как опредмеченных форм совместной деятельности людей» [13]. Причём в этот процесс были вовлечены все виды деятельности, все сферы жизни цивилизованного общества. В экономической жизни примером таких организаций были цех, мануфактура, промышленные и торговые компании, корпорации

и банки. «Чем более сложна структура общественной жизни, тем большую роль играет в ней организационный фактор как носитель культурной энергии» [13]. Таким образом, появление социальных организаций характеризуется эволюционностью, инновационностью (новизна и разнообразие способов организации жизни), технологичностью (усложнение деятельности людей), самоорганизацией. Говоря современным языком, появление социальной организации – свидетельство модернизации человеческого общества.

В работах А. Бакурадзе социальная организация представлена как социальный объект, обладающий упорядоченной внутренней структурой и сочетающий многообразные технологические, экономические и правовые связи, а также человеческие отношения. Она предназначена для осуществления входящими в неё субъектами совместной целенаправленной деятельности. Для социальной организации характерны целенаправленность развития и функционирования, самоорганизация, наличие взаимозависимости между её внутренней и внешней средами, формальной и неформальной структурами. Данное определение коррелирует с приведёнными в статье определениями, конкретизирующими его онтологически. Автор выделяет функции ценностей как основания их типологии: смыслообразующую, целеобразующую, мотивационно-регулятивную и ресурсную [5, с. 22]. Их интерпретация в контексте задач данного исследования позволит выстроить ценностно-детерминированный комплекс управления развитием социальной организации.

В результате обобщения рассмотренных взглядов на социальную организацию можно предложить уточнённое определение социальной организации. **Социальная организация** – это культурно-антропологическая (социогуманитарная) система, функционирующая и развивающаяся в единстве и взаимосвязи структурно-организационного, аксиологического, деятельностного и рефлексивного аспектов. Это доказывает возможность многообразия подходов к решению проблемы управления ее развитием.

Важнейшей характеристикой социальной организации является наличие социальных отношений в профессиональной деятельности [9]. Поэтому правомерно обращение к типологии социальных организаций, основанием которой является ведущий тип их деятельности: промышленная, образовательная, культурно-просветительская и др. Все они отвечают и данному условию и содержат в своей деятельности выделенные аспекты: структурно-организационный, аксиологический, деятельностный, рефлексивный.

Выделяя аксиологический аспект исследования развития социальной организации, можно сказать, что качество влияния ценностей на результат управления сложной социальной организацией связано с глубиной осмысления изменений, происходящих в обществе и, соответственно, в социальных организациях.

Социально-философский аспект развития социальной организации целесообразно связать с совокупностью имманентных признаков модернизации социальной системы, выделенных Дж. ДеБолтом на основе работ С. Эйзенштадта и Т. Парсонса.

«Эволюция человеческого общества, – отмечает де Болт, – приводит к модернизации, когда **в социальной системе усиливается институциональная дифференциация** (здесь и далее выделено автором) до такой степени, что социальная система соответствует функциональным требованиям **с ростом адаптивности к более широкому и более сложному окружению**. Институциональная дифференциация – это процесс, в ходе которого социальные институты разделяются и важные общественные функции выполняются все более специализированными коллективами и ролями. ... По существу, это **организованное распространение специализированных ролей и их функций** или **усложнение и специализация разделения общественного труда**. Их успешная **внутренняя интеграция** означает такое их **сцепление**, которое **уменьшает помехи выполнению каждой из них своих функций**, в максимальной степени, способствуя их **взаимодействию в выполнении их функций**, что в итоге ведет к удовлетворению основных функциональных **потребностей общества**» [9, с. 21, 22].

В приведённой характеристике модернизации как социокультурного явления отчётливо видятся факторы усложнения социальной организации. Дж. ДеБолтом вскрываются условия сохранения устойчивости социальной организации и потенциальных возможностей её развития, а именно: «модернизация требует **роста адаптивности социальной системы ко все более усложняющемуся и динамичному набору изменений окружения**, включая центральную проблему **успешной внутренней интеграции самой системы**. Модернизация зависит от посто-

янной эволюции институциональной дифференциации самой системы» [9, с. 21, 22]. Совершенно очевидно, что за сказанным видится необходимость управления социальной организацией через создание адаптивных структур, инновационных ресурсов на основе формирования комплексной модели управления развитием социальной организацией.

Таким образом, понятие и явление модернизации связаны в системные характеристики, совокупно отражающие и процесс модернизации: *динамичность, эволюционность, адаптивность (к усложнению мира), углубляющаяся функциональная дифференциация структур системы как специализация функций и ролей, внутренняя интеграция, согласованное взаимодействие элементов системы как сцепление, самоорганизация (организованное распределение специализированных ролей)* [9].

Учитывая изложенное, полагаем, что решение проблемы управления развитием социальной организацией зависит как от восприимчивости организации к новым ценностям, так и от сохранения ценностного единства, выступающего аксиологическим основанием социальной организации.

Управленческую сущность усложнения социальной организации целесообразно рассматривать на примере экономической организации как целерациональной (стремящейся к устойчивости) и целе-ценностно устремленной (развивающейся) системы [2; 3; 16; 19], в которой интегрированы и конкретизированы признаки всеобщего, общего, особенного и частного, в контексте ее культурно-антропологической сущности (единство и взаимо-

связь структурно-организационного, аксиологического, деятельностного, рефлексивного аспектов).

Анализ литературы по проблеме развития социальных систем показал, что большинство исследователей (Р. Акофф [3], Р. Дзарасов [10], И. Евдокимов [12], Я. Корнаи [14], М. Месарович [15], Н. Моисеев [17], Л. Перминова [18], В. Чугунов [20], Й. Шумпетер [24], Ю. Яковец [25], Ф. Янсен [26] и др.) выделяют в качестве значимых сферы планирования, прогнозирования, обучения, созидательного разрушения, создания инноваций, т. е. связывают их с изменением управления развитием социальной системы (социальной организации). Одной из базовых идей, лежащей в основе данного исследования, является идея о том, что знание и сохранение **ценностей социальной организации** (как неисключаемого блага) обеспечивает её существование и сохранность, т. е. выживание в конкурентной среде [7; 16; 23].

Особенности управления современными социальными организациями однозначно вызваны их усложнением, поскольку в них взаимодействует большое количество сотрудников с разной информацией и интересами, для успешной совместной деятельности которых необходимы механизмы согласования (стимулирование и координация). Практика показывает, что процесс принятия решений необходимо разделять между многими участниками управления социальной организацией, тем более в современных, постоянно меняющихся условиях: острой конкуренции, быстро развивающихся технологий и необходимости приспособления к их

разнообразию. При этом актуальными становятся долгосрочные отношения с наемными сотрудниками, поставщиками сырья и промежуточных товаров, с покупателями. В случае принятия долгосрочных решений социальная организация нуждается в построении собственной системы гибкого реагирования на неопределенность внешней среды в настоящем и будущем [3; 23]. Таким образом, к числу ценностей социальной организации следует отнести человеческие ресурсы – субъектов, взаимодействующих между собой в стабильном или временном режимах, а значит, и саму социальную организацию как способную к самоидентификации. Это характеризует особенность управления развитием современными социальными организациями как усложняющимися и развивающимися системами.

Усложнение любой системы в случае неадекватного управления ею приводит к хаосу, поэтому необходимо осмысление проблемы развития и управления с позиции системного подхода, ценность которого – в разработке условий оптимизации системы, т. е. упорядочивания и управления ее развитием. Проведенный нами теоретический анализ позволил выделить элементы механизма усложнения социальной организации.

Так И. Ансофф пишет: «Фирмы и другие организации, не испытывающие воздействия внешних потрясений, тем не менее, принимают **спонтанные стратегические изменения**. Это происходит путём **постепенных незначительных перемен**, которые в течение длительного периода времени оказывают **воздействие на традиционные критерии – структуру власти и**

компетентность управляющих. Этот процесс социологи называют **органической адаптацией**, им руководит не высшее начальство фирмы. Он возникает как **реакция на постоянные воздействия извне или на неудовлетворительные производственно – хозяйственные показатели фирмы** или, что реже, осуществляется **творческими силами внутри фирмы.** Такая постепенная адаптация обычно осуществляется методом проб и ошибок» [4]. На наш взгляд, здесь речь идёт о ресурсе **самоорганизации** системы или синергетическом ресурсе, используемом в условиях бытийности социальной организации. Таким образом, в управление развитием социальной организации вовлекаются новые ценности: ценности деятельностного (технологии) и структурно-организационного характера (самоорганизация), детерминирующие выбор стимулов и регулятивов. Важнейшим элементом социогуманитарных и гуманитарных систем является саморефлексия (рефлексия) – психологический механизм социокультурной самоидентификации. Изложенное является предпосылкой к философскому осмыслению усложнения социальной организации как фактора управления её развитием.

Философский аспект анализа проблемы показывает, что в эпоху постиндустриального общества на первый план выходит сочетание базовых понятий как бинарных оппозиций закономерного характера: устойчивость – изменчивость, локальное – глобальное, порядок – хаос, которые выражают согласование действий на всех уровнях экономических систем (К. Маркс, Р. Абдеев [1], Б. Губман [8], П. Друкер [11], Т. Питерс [21], П. Сенге

[22], К. Шваб [23] и др.). Современные социальные организации развиваются при наличии в них ряда условий модернизации: ценностность (наличие многообразных, разноуровневых ценностей как системных скреп социальной организации [5; 6]), адаптивность, инновационность, согласованное взаимодействие (согласованная деятельность, основанная на общих ценностях и мотивации сотрудников), самоидентификация (рефлексия).

Как отмечено ранее, современный мир характеризуется глобальностью, информационными насыщенностью и многоплановостью, усложнением производства, институциональными барьерами, возрастанием рисков – эти риски лежат в плоскости управления развитием социальной организацией. В этих условиях возникает необходимость **построения адаптивного управления** с учётом создания внутреннего запаса прочности для защиты от возникающих социальных и экономических кризисов.

Вполне очевидным для социальной организации становится признание такой ценности, **как способность адаптироваться** к тем или иным ситуациям. Основное назначение ценности адаптации состоит в том, что она выполняет страховочную функцию, или функцию снижения рисков, обеспечивая устойчивость социальной организации.

Согласно Р. Акоффу, использованному системный подход в анализе феномена адаптации, «адаптивность» – это способ индивида или системы модифицировать себя или своё окружение, когда происходит неблагоприятное для них изменение для того, чтобы хотя бы частично воспол-

нить потерю эффективности. Отсюда следуют четыре типа адаптации:

1) внешне-внешняя адаптация, т. е. система реагирует или откликается на внешнее изменение модификацией окружения (изменяет среду внешней);

2) внешне-внутренняя адаптация – система реагирует на внешнее изменение модификацией самих себя;

3) внутренне-внешняя адаптация – система реагирует на внутреннее изменение модификацией окружения;

4) внутренне-внутренняя адаптация – система реагирует на внутреннее изменение модификацией самой себя. В научной литературе преобладает анализ внешне-внутренней адаптации [3].

Поэтому под адаптивным управлением будет пониматься такое управление объектом или ситуацией, при котором обеспечивается эффективное устранение в системе краткосрочных и долгосрочных колебаний, а мотивация сотрудников социальной организации будет максимально совпадать с целями ее развития.

Наш анализ показывает, что при реактивном управлении акцент делается на устранение угроз (стратегия на выживание), при преактивном планировании – на использование благоприятных событий (оптимизация, нацеленная на рост в будущем). При интерактивном управлении происходит сочетание идей реактивного и преактивного планирования, при этом большое значение имеет способность удовлетворять потребности групп, заинтересованных в её развитии. Адаптивное управление позволяет социальной организации устранять краткосрочные и долгосрочные колебания в объекте управления, опираясь

на созданные ценности, мотивировать деятельность сотрудников в интересах всей организации. Необходимо специально подчеркнуть связь адаптивных возможностей социальной организации с инновационным процессом как основным условием её выживания в условиях конкуренции или кризиса. Поэтому адаптивное управление будет более эффективным, чем указанные выше типы управления, значит, возрастут и эффекты развития социальной организации.

Говоря о ценностно-детерминированном комплексе управления развитием социальной организации, следует отметить, что адаптивность в системе ценностей управления социальной организацией играет связующую роль. Она заключается в том, что адаптация ориентирована на сохранение устойчивости (управляемости) социальной организации в условиях ее развития. Обеспечению устойчивости организации способствуют социокультурные ценности, а управление развитием социальной организации как адаптивным процессом базируется на тактических (деятельностно-технологических), мотивационно-стимулирующих и ресурсно-регулятивных ценностях. Это позволяет актуализировать все аспекты социальной организации: структурно-организационный, аксиологический, деятельностно-технологический, рефлексивный (самоидентификация). В целом адаптивный процесс (адаптивное управление) реализуется в рамках управленческого цикла: ценностно-ориентированное целеполагание, планирование и организация деятельности, анализ и коррекция деятельности, рефлексивная оценка и самооценка результата.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Усложнение социальной организации детерминировано рядом аксиологических оснований: смыслообразующих ценностей-целей, тактических (деятельностно-технологических) ценностей, мотивационно-стимулирующих (ценностных отношений), регулятивных (собственно управленческих, включающих такие механизмы, как рефлексия и самоидентификация). При этом аксиологический контур

управления развитием социальной организации динамичен, он формируется постепенно.

2. Между ценностями, инновациями и адаптацией существуют взаимозависимости, выступающие основой управления развитием социальной организацией. При этом усложнение социальной организации является объективным фактором, определяющим изменения управления её развитием при доминанте аксиологического императива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века. М.: Владос, 1994. 334 с.
2. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 229 с.
3. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974. 272 с.
4. Ансофф И. Стратегический менеджмент. СПб.: Питер, 2009. 344 с.
5. Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания управления социальной организацией: философский анализ: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 40 с.
6. Бакурадзе А. Б. Функции и иерархия ценностей управления социальной организацией // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 17–26.
7. Бондарева Я. В., Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.
8. Губман Б. Л. Теория наррации аналитической философии истории и наследие прагматизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 130–143.
9. ДеБолт Дж. Причины и следствия неудач модернизации в России: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2006. № 1.
10. Дзарасов С. Российский кризис: истоки и уроки // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 12–20.
11. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2000. 198 с.
12. Евдокимов И. А. Социальные антагонизмы в критической теории Ноама Хомского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 173–183.
13. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: «Петрополис». 1996. 416 с.
14. Корнаи Я. Нарушая обещания: венгерский опыт // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 123–142.
15. Месарович М. Д., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. М.: Мир, 1978. 312 с.
16. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2001.

17. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. СПб.: Питер, 2017. 480 с.
18. Перминова Л. М., Яковлева Н. И., Перминов В. Л. Образование в эпоху кризиса: XXI век. М.: МИОО, 2012. 167 с.
19. Перминов В. Л. Теоретические аспекты адаптивного управления промышленными корпорациями в условиях инновационного развития российской экономики. М.: МЭСИ, 2014. 164 с.
20. Песоцкий В. А., Чугунов В. М. Философско-методологические и политологические аспекты управленческой деятельности современного руководителя. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 254 с.
21. Питерс Т. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: Альбина Паблицер, 2014. 524 с.
22. Сенге П. Танец перемен: Новые проблемы самообучающихся организаций. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 304 с.
23. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Экономика, 2018. 208 с.
24. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2016. 676 с.
25. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации. М.: ИНФРА-М, 2005. 440 с.
26. Янсен Ф. Эпоха инноваций. Как заниматься бизнесом творчески постоянно, а не от случая к случаю. М.: ИНФРА-М, 2002. 307 с.

REFERENCES

1. Abdeev R.F. *Dialektika progressivnoi linii razvitiya kak gumannaya obshchechelovecheskaya filozofiya dlya XXI veka* [The Dialectic of A Progressive Line of Development as a Universal Humane Philosophy for the 21st Century]. Moscow, *Vlados Publ.*, 1994. 334 p.
2. Avtonomov V.S. *Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke* [Human Model in Economic Science]. St. Petersburg, *Ekonomicheskaya shkola Publ.*, 1998. 229 p.
3. Akoff R., Emeri F. *O tselestremennykh sistemakh* [On Purpose-Oriented Systems]. Moscow, *Sovetskoe radio Publ.*, 1974. 272 p.
4. Ansoff I. *Strategicheskii menedzhment* [Strategic Management]. St. Petersburg, *Piter Publ.*, 2009. 344 p.
5. Bakuradze A.B. *Aksiologicheskie osnovaniya upravleniya sotsial'noi organizatsiei: filozofskii analiz: avtoref. dis. ... dokt. filoz. nauk* [Axiological Foundations of Social Organization: A Philosophical Analysis: Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, *Moscow Region State University Publ.*, 2015. 40 p.
6. Bakuradze A.B. [The functions and hierarchy of values for social organization]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filozofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 17–26.
7. Bondareva Ya. V., Bakuradze A. B. [Axiological foundations of the evolution of management]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filozofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 26–38.
8. Gubman B. [The theory of narration of analytical philosophy of history and the legacy of pragmatism]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filozofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 130–143.
9. DeBolt J.W. [The Causes and Consequences of Failures Of Modernization in Russia: Socio-cultural Analysis]. In: *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological Studies], 2006, no. 1.
10. Dzarasov S. [The Russian Crisis: Origins and Lessons]. In: *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 5, pp. 12–20.

11. Druker P. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Challenges for Management in the 21st Century]. Moscow, *Vil'yams Publ.*, 2000. 198 p.
12. Evdokimov I.A. [Social Antagonisms in a Critical Theory of Noam Chomsky]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 173–183.
13. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, *Petropolis Publ.*, 1996, 416 p.
14. Kornai Ya. [Breaking Promises: Hungarian Experience]. In: *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 8, pp. 123–142.
15. Mesarovich M.D., Takakhara Ya. *Obshchaya teoriya sistem: matematicheskie osnovy* [General Systems Theory: Mathematical Foundations]. Moscow, *Mir Publ.*, 1978, 312 p.
16. Milgrom P., Roberts D. *Ekonomika, organizatsiya i menedzhment. V 2-kh tomakh* [Economics, Organization and Management. In 2 vols.]. St. Petersburg, *Ekonomicheskaya shkola Publ.*, 2001.
17. Moiseev N. N. *Rasstavanie s prostotoi* [Parting with Simplicity]. St. Petersburg, *Piter Publ.*, 2017. 480 p.
18. Perminova L.M., Yakovleva N.I., Perminov V.L. *Obrazovanie v epokhu krizisa: XXI vek* [Education in the Age of Crisis: 21st century]. Moscow, Moscow Institute of Open Education Publ., 2012. 167 p.
19. Perminov V.L. *Teoreticheskie aspekty adaptivnogo upravleniya promyshlennymi korporatsiyami v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki* [Theoretical Aspects of Adaptive Management by Industrial Corporations under the Conditions of Innovative Development of the Russian Economy]. Moscow, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics Publ., 2014. 164 p.
20. Pesotsky V.A., Chugunov V.M. *Filosofsko-metodologicheskie i politologicheskie aspekty upravlencheskoi deyatel'nosti sovremennogo rukovoditelya* [Philosophical, Methodological and Political Aspects of Modern Manager's Work]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2016. 254 p.
21. Peters T. *V poiskakh sovershenstva. Uroki samykh uspekhnykh kompanii Ameriki* [In Search of Excellence. Lessons from America's Best Run Companies]. Moscow, *Al'bina Pabliisher Publ.*, 2014. 524 p.
22. Senge P. *Tanets peremen: Novye problemy samoobuchayushchikhsya organizatsii* [The Dance of Change: The Challenges to the Sustaining Momentum in a Learning Organization]. Moscow, *Olimp-Biznes Publ.*, 2017. 304 p.
23. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, *Ekonomika Publ.*, 2018. 208 p.
24. Schumpeter I.A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [The History of Economic Analysis]. St. Petersburg, *Ekonomicheskaya shkola Publ.*, 2016. 676 p.
25. Yakovets Y.V. *Epokha'nye innovatsii* [Epoch Innovations]. Moscow, *INFRA-M Publ.*, 2005. 440 p.
26. Janszen F. *Epokha innovatsii. Kak zanimat'sya biznesom tvorcheski postoyanno, a ne ot sluchaya k sluchayu* [The Age of Innovation. Making Business Creativity a Competence, not a Coincidence]. Moscow, *INFRA-M Publ.*, 2002. 307 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перминов Василий Леонидович – педагог дополнительного образования ГБОУ № 354 им. Д. М. Карбышева;
e-mail: vlperminov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasiliy L. Perminov – extra-curricular teacher at Public Budgetary Educational Institution «School no. 354 named after D.M. Karbyshev», Moscow;
e-mail: vlperminov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Перминов В. Л. Усложнение социальной организации как детерминанта управления её развитием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 96–107
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-96-107

FOR CITATION

Perminov V. The Increasing Complexity of Social Organization as a Determinant for Managing its Development. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2019, no. 1, pp. 96–107.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-96-107

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-108-117

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КАК НЕРЕШЕННАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Моисейкина Т. А.

*Московский государственный областной университет
141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская область,
Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы состоит в выявлении способов обоснования онтологической целостности в русской религиозной философии XIX – первой половины XX вв. Исследование проведено с применением методов историко-философского анализа: сравнительного анализа, историко-философской реконструкции, интерпретации, синтеза как соединения интерпретированного материала в новом качестве. В результате проведённого исследования выявлено, что в отечественной религиозной философии осуществлялись попытки построения целостной онтологической системы, в которой органично сочетались бы рационалистические представления о субстанции и христианское представление о божественных энергиях. Задача предпринятого синтеза так и не была решена, поскольку всегда возникали логические погрешности и нестыковки в системе. Теоретическая значимость материала заключается в том, что предпринятый историко-философский анализ неудавшегося онтологического синтеза ставит перед современной наукой задачу осмысления сущности энергии как таковой, раскрытия характера и возможностей взаимодействия человеческой и божественной энергий, что выводит рассматриваемую проблему на междисциплинарный уровень.

Ключевые слова: онтология, философия энергий, всеединство, софиология, субстанция, русская религиозная философия.

ONTOLOGICAL INTEGRITY AS AN UNSOLVED PROBLEM OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Moiseykina T. A.

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to identify the ways to ground the ontological integrity in Russian religious philosophy of the 19th – early 20th centuries. The study was conducted by applying the methods of historical and philosophical analysis: a comparative analysis method; method of historical and philosophical reconstruction; interpretation method; method of synthesis as a combination of the interpreted material in a new entity. As a result of the study, it was revealed that the Russian religious philosophy of the 19th – early 20th century attempted to build a comprehensive ontological system that would rationally combine the rationalistic ideas of substance and the Christian idea of divine energies. The problem of the attempted synthesis was not solved because it always led to logical errors and inconsistencies in the system. The theoretical significance of the article lies in the fact that the undertaken historical and philosophical analysis of the failed ontological synthesis sets before the modern science a task of understanding the essence of energy as such, revealing the nature and possibilities of interaction between human and divine energies, which advances the problem under consideration to an interdisciplinary level.

Keywords: ontology, philosophy of energies, all-unity, sophiology, substance.

Во второй половине XIX в. отечественные религиозные мыслители столкнулись с проблемой обоснования онтологической целостности христианского мировоззрения, представленного в философской среде учением о всеединстве и учением о православном энергетизме. Эти учения по-разному обосновывали онтологию взаимоотношений Бога и мира и проистекающего из этих взаимоотношений преобразования природного бытия. Ситуацию осложняли парадоксальные отношения христианского трансцендентизма с прочно обосновавшимися в русской философии идеями пантеизма и панентеизма.

Так, в учении о всеединстве как основа философского творчества В. Соловьева раскрывалось онтологическая целостность как результат субстан-

циально-сущностных отношений, что в конечном итоге придавало всей соловьевской системе спекулятивный характер и отодвигало конфессиональный, христианско-догматический элемент на второй план [13, с. 85]. Онтология всеединства в интерпретациях её приверженцев представляет собой варианты пантеизма и панентеизма, в которых божественное начало представляет единство двух полюсов: себя и своего противоположного.

Безусловно, всеединство не является пантеизмом в привычном понимании, поскольку оно не отождествляет и не уравнивает мир с абсолютом, однако тесно связывает его с природным миром, не может мыслить его без мира, не имеет свободы по отношению к природному миру.

А. Лосев как-то назвал всеединство классикой спекулятивной философии [6, с. 119], в силу чего неклассическая православная духовность не может уместиться в строгих рамках его понятийного аппарата. Как известно, спекулятивные конструкции зиждутся на некоей принципиальной основе (всеединстве), а это чревато глубоким идейно-теоретическим конфликтом философии и религии. Таким образом, философия всеединства в попытках возведения потенциально универсальной, всеобъемлющей конструкции (как онтологической, так в перспективе и гносеологической, этической, антропологической), включающей как природный, так и божественный уровни, сталкивается с непреодолимым препятствием в виде иррациональной сферы «духовной практики, духовной аскетики и православной антропологии в целом» [3, с. 95].

Говоря о другой идейно-теоретической традиции, а именно – философии энергий, на почве которой развивалась философско-богословская мысль, в том числе учение об «умном делании» афонских монахов (исихазм), необходимо подчеркнуть её принципиально иную устроенность и ориентированность на весьма далёкий от классической рационалистической традиции принцип синергии. Этот принцип предполагает и иной тип связей всех элементов онтологической системы – тип энергийно-коммуникативный, существенно отличающийся от субстанционально-сущностных связей всеединства. При энергийном типе связей не происходит искажений основных теоретических элементов христианства (идей креационизма, трансцендентизма), так как понятие

синергии вводится не для обоснования типа устройства мироздания, а объяснения взаимопревращения бытия и небытия. Энергийной философией чужда отвлечённость спекулятивной философии, она не занимается метафизическим конструированием, но предлагает взамен феноменологию, более полно раскрывающую смысл православной мысли.

Энергийный тип связей отличается от субстанционального (сущностного) наличием такой категории, как свобода. Поскольку энергийная онтология весьма далеко отодвигает друг от друга божественную и человеческую природы, их соединение уже не является необходимостью, но переходит в сферу свободы. При таком типе построения философской системы теологическая схоластика уходит на второй план, на первый же план выдвигается духовная полнота всей религиозной жизни – как в её теоретическом, догматическом проявлении, так и в практическом, культовом.

Всеединство В. Соловьева стало своеобразной реакцией на поставленную И. Киреевским задачу развития самобытной православной философии, преодолевающей спекулятивный характер философии западной и устраняющей однобокость платонизирующего христианства. Но метафизическая система Соловьева с её коренным понятием сущего – философия всё того же спекулятивного характера. Последователи учения о всеединстве (П. Флоренский, Е. Трубецкой, С. Булгаков, Н. Лосский, Л. Карсавин, С. Франк), как и их идейный вдохновитель В. Соловьев, облекали свои идеи в христианские формы, но не освобождали их от спекуляций.

Однако такая задача, как философское осмысление православного опыта (мистического по своей сути), требовала новой методологии, которую мог дать только православный энергетизм, весьма далёкий от платонизма и западного рационализма, и русские религиозные мыслители это хорошо понимали. В конструкциях последователей всеединства, чрезмерно увлечённых философскими спекуляциями, становятся заметными идеи философии энергий, и именно это приближает их к православию, более рельефно подчёркивает их конфессиональную принадлежность.

Впрочем, нам известно, что на фундаменте православного энергетизма так и не было создано ни одной законченной философской системы, православная мистика осмысливалась односторонне и несистематично. Кроме того, находясь в плену всеединства и не в силах от него отказаться, русские мыслители пытались синтезировать его с энергийной философией, что никак не могло вылиться в целостное воспроизведение православия в философских категориях, но предсказуемо оканчивалось очередной версией христианского неоплатонизма с характерными для него синтетическими категориями вроде «энергетического всеединства». Что же лежало в основе этого идейного синтеза?

Для решения центральной философско-богословской проблемы – проблемы соотносённости божественного и природного миров – философия всеединства использует христианскую идею единосущия, которую можно сформулировать следующим образом: божественное начало как альфа и омега бытия не отделено от природного

мира, а просматривается «сквозь мир» как неоплатоническое Единое, вбирающее в себя «всё». Бог, таким образом, становится не только всеединным началом для космоса, но и единосущным с ним, превращается в «субстанцию всего» – не только для мира вещей, но и для человеческой личности. Философия всеединства вместо догмата о сотворении мира с его трансцендентизмом выдвигает на первый план диалектическую идею двупольного абсолюта, внутри которого присутствует абсолютное сущее и абсолютное становящееся.

Последователь учения о всеединстве Н. Лосский, подходя к проблеме взаимодействия Бога и мира с той же субстанциально-сущностной позиции, ввёл понятие «субстанциального деятеля», обозначая им бытие, наделённое творческими возможностями. Именно «субстанциальные деятели» творят мир, и через это творчество Бог проявляет себя в творении как главная субстанция: «сам по себе как абсолютное Бог сверхсубстанциален, но в отношении к миру он есть субстанция» [9, с. 412].

А С. Франк, рассматривая абсолют с тех же субстанциональных позиций, фактически поставил знак равенства между понятиями субстанции и причинности, поскольку трактовал каждое из них как некую константу, неизменное начало во множественных изменяющихся явлениях. К слову, философия энергий понятие причинности увязывает не с субстанциальностью, а с энергийным проявлением сущности. Сущность Бога при таком типе философствования отличается от его энергии и не совпадает с ней, природное бытие творится Богом по-

средством своих энергий, которые и называются причиной этого бытия. Но так как мир как живое целое сам обладает творческой энергийной силой, он сам может быть назван причиной изменений самого себя, хотя такая причинность не носит субстанциального характера. Иными словами, живая гармоническая целостность мира отражается в энергетическом, а не субстанциональном ключе.

Возникает закономерный вопрос: можно ли назвать такие принципиально разные философские системы, как всеединство и энергетизм, пересекающимися областями? На это можно ответить положительно, имея в виду общую для них идею взаимодействия божественной сущности и божественной потенциальности. С таких позиций можно объяснить мысль Соловьева о двуполюсном абсолюте, где один полюс можно трактовать как его сущность, а в другом – усматривать потенцию и мощь бытия, его силу и энергию. Данную позицию Соловьева можно соотнести как с онтологическими изысканиями Аристотеля с их центральной категорией *materia prima*, так и с философией энергий.

Вслед за В. Соловьевым о потенциальном характере божественного «иноного» говорил и С. Франк, подчёркивая в нём стихийность и динамичность и в то же время – природную тождественность с абсолютом.

Энергийная философия формулирует эту мысль следующим образом: сущностный и энергийный модусы божественного бытия являются в равной степени нетварными и, следовательно, одноприродными. Однако если в паламизме между метафизикой абсолюта и метафизикой бытия проведена непре-

одолимая граница, то последователи всеединства последовательно и настойчиво сближают их, достигая одноприродности творца и его творения, трактуя сам акт творения не из ничего, а из «иноного» самого Бога, из его противоположного полюса.

Пантеистический уклон всеединства С. Франка привёл к фактическому устранению проблемы творения, поскольку субъектом творения становится сама реальность, находящаяся в вечном самотворчестве и включающая в себя все стороны и уровни бытия. Христианская идея трансцендентности подменяется парадоксальным нераздельно-неслиянным двуединством творца и творения, однако непостижимость этих отношений не позволяет выразить их с помощью известных категорий. Впрочем, терминологическая невыраженность энергетического аспекта всеединства не отменяет его существования как внутренней идеи, интуитивно присущей русской религиозной философии.

Всеединство и энергетизм наиболее отчётливо синтезируются П. Флоренским в его учении об энергетическом символизме, где основным понятием становится «энергийный символ». Говоря о своей философской системе как о «конкретной метафизике», Флоренский усматривал онтологическую цельность в конкретном проявлении духовного в чувственном, сущности в явлении, иными словами – в символичности. «Целокупная символическая реальность» вбирает в себя и бытие, и мышление, которые совпадают друг с другом, объединяясь единым символом, объединяя все символы. Идея символизма оказывается здесь тесно связанной с идеей обобщённого

(ступенчатого) всеединства, которое представляет собой ряд концентрических кругов или оболочек, исходящих из некоего ядра – совершенного символа и всеединства, и удаляющихся к периферийной области, где духовное в чувственном выражается слабее.

Однако несмотря на внешнюю схожесть с всеединством, в философии П. Флоренского ярко звучали ноты энергетизма в той части, где он пытался разгадать механизм связи божественного и природного миров. Этот главный вопрос всей русской религиозной философии – вопрос о характере связи Бога и мира – отец Павел решал, используя понятие энергии, что позволяло ему «описать таинственную механику, производящую соединение ноумена и феномена» [13, с. 9], в виде соединения энергии первого и второго. В самом проявлении жизни, с точки зрения философа, и заключена энергия Сущности, эти разноприродные виды бытия как будто взаимопрастают, содействуют своими энергиями. В этой энергетической интерпретации философ понимает символ как «сущность, энергия которой, сращенная или, точнее срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной ... сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [11, с. 287].

Безусловно, попытки П. Флоренского совместить в учении об энергийном символе как элементы богословия энергий, так и элементы философии всеединства, скорее, вели к качественно новой трактовке христианства, а не к философскому осмыслению православия, к чему призывал Киреевский. Конкретная метафизика П. Флоренского серьёзно расходится с положениями энергетизма в их исихастской

трактовке как раз по причине ярко выраженного платонизма философа. Впрочем, неудавшиеся попытки выстроить стройную и логически обоснованную онтологическую систему на базе такого методологического синтеза можно объяснить, с одной стороны, парадоксальностью, противоречивостью самого христианства, вобравшего в себя разнородные элементы, объединяющего ветхозаветную культуру и эллинскую философию на основе учения Нового завета. С другой стороны, неудачи этого синтеза можно объяснить незавершённостью и непроработанностью методологии энергетизма в философии Паламы, которому были чужды идеи Платона и Плотина об одушевлённости мира как органического целого, но который при этом говорил о божественных лучах, пронизывающих природный мир. И, наконец, использование неоплатонической терминологии в иной, принципиально противоположной ему идеологической системе, а именно – христианстве, стало своеобразным способом их изживания, что уже неоднократно имело место в христианском богословии.

Русская философия испытывала затруднения в обосновании принципов энергийной взаимосвязи Бога и мира потому, что так и не смогла найти адекватного разрешения проблемы одноприродности божественной сущности и божественной энергии при их онтологическом несовпадении. Как говорил Григорий Палама, энергии – это то, посредством чего Бог общается с сотворённым им миром, что проявляется в каждом уголке природного бытия, а именно: божественная сила и премудрость. Эта идея была подробно

объяснена в философском творчестве А. Лосева, применявшего апофатическую методологию: сущность (божественное начало) непознаваема, но проявляема, она выражается в ином (природном мире) как энергия сущности [8, с. 17]. Эту идею, сформулированную в духе философии энергий, А. Лосев внедрил в свой вариант учения о всеединстве, когда пытался обосновать тождественность энергии и природного мира и, следовательно, тождественность божественной и природной жизни. В конечном итоге у Лосева родилось синтетическое понятие «энергетического всеединства» как пантеистического единства тварного и нетварного, отражающего представление о процессе творения, не имеющего ничего общего с христианской догматикой: «внебытийственное, дологическое, сверхсмысловое самое само неизвестными путями породило из себя бытие» [7, с. 523].

Пантеизм в учении Лосева обнаруживается в иерархическом делении энергийности по уровням (и вновь вспоминается Аристотель с его иерархией форм). Сущность (т. е. божественное начало) проявляется в разных энергийных формах в зависимости от степени наполненности явлений природного мира энергиями, которые выстраиваются в иерархию восходящих видов «энергем», просветляющих тьму. Философ выделял органическую, ощущающую, ноэтическую энергемы, соединяющиеся в целостный организм в слове или имени. Как говорил А. Лосев, космос является лестницей «разной степени словесности» [8, с. 127]. На сегодняшний день А. Лосев является, пожалуй, единственным философом, соединившим идею всеединства

с философией энергий в наибольшей степени обоснованном виде среди подобных синтетических систем. Его система демонстрирует новое направление в русской религиозно-философской мысли, готовое заменить пантеистическую парадигму классического всеединства. А. Лосев, несмотря на свою приверженность всеединству, так и не стал классическим философом всеединства именно потому, что в его концепцию была внедрена методология энергетизма, что позволило ему создать собственную «диалектическую феноменологию», или «философский символизм».

В русской философии XIX – первой половины XX вв. стало заметным ещё одно учение, пытавшееся преодолеть пантеистическую направленность всеединства посредством внедрения в него энергийного элемента. Речь идёт о софиологии, в рамках которой осуществлялись попытки раскрыть механизм взаимодействия Бога и мира, найти некое основание, сближающее дух и материю. Однако и софиология не избавилась от черт платонизма и неоплатонизма: София, отождествлённая с Мировой Душой, которая находится в состоянии потенциальности и становления, имеет мало общего с паламитской традицией. Несмотря на то, что С. Булгаков, один из наиболее ярких представителей софиологического направления в русской философии, в определении Софии использовал понятия энергийной философии: «София есть Бог в своем самооткровении и откровении миру, она, если пользоваться выражением паламитских споров, есть в отношении к миру “энергия”, действие Божие в творении» [4, с. 249]. Стоит отметить, что в отличие

от Григория Паламы С. Булгаков отождествляет Софию, которую называет божественной энергией, как с Богом, так и с миром, и именно это порождает проблему теодицеи, которая отсутствует у философа в традиционном христианском варианте.

Но и здесь, в софиологии, звучат нотки пантеизма, при котором нивелируется свобода, а элемент «мирового зла» с лёгкостью внедряется в самую категорию Софии. Чтобы избежать такого смешения, С. Булгаков различает уровни Софии – божественный и эмпирический, тварный. Но перед философом тогда встал вопрос о механизме проникновения греха и зла в эмпирическую Софию и обосновании причин допущения такого проникновения со стороны божественного начала. Пытаясь ответить на этот вопрос, философ вынужден отступить от христианской догматики в понимании Софии как отличной от Троицы четвёртой ипостаси, что само по себе – шаг к платонизму и гностицизму [10, с. 137].

Методологический синтез в области онтологии, предпринятый в русской религиозной философии, представлял собой неудачную попытку объединить совершенно разные (даже противоположные) типы отношений на идейной платформе христианства. По мнению современных исследователей, этот тип отношений есть ни что иное как «эссенциально-энергийный неоплатонический дискурс» [13, с. 24], наделяющий субстанцию энергетическими характеристиками. Впрочем, внутренняя логика предпринятого синтеза так и не была раскрыта отечественными философами, поскольку всегда приводила к логическим погрешностям и нестыковкам в системе. Субстанции

придавалась характеристика личности, самодостаточности и активности, что и подвигло некоторых мыслителей уйти от субстанциальности как традиционной метафизической основы.

И вот уже у Н. Бердяева материальному бытию предшествует не Бог, а свобода [2, с. 174], вставая между Богом и человеком, ослабляя связи и возводя границы между ними [1, с. 29]. Однако кажущееся бегство от использования понятия субстанции в итоге оборачивается у Н. Бердяева субстанциальным плюрализмом, введением не одной, а двух и более субстанций. От этого плюрализма философа не спасает даже его утверждение об энергетическом характере творчества, в котором он усматривал способ ухода от объективированной действительности. Иными словами, отказ от субстанции так и не привёл философа к её адекватной замене.

Таким образом, несмотря на тесную взаимосвязь и даже взаимопроникновение философии всеединства и философии энергий, задача построения целостной онтологической системы, в которой органично сочетались бы рационалистические представления о субстанции и христианское представление о божественных энергиях, так и не была решена. Перед современной наукой поставлена задача осмысления сущности энергии как таковой, раскрытия характера и возможностей взаимодействия человеческой и божественной энергий, что ставит рассматриваемую проблему на междисциплинарный уровень, выводя на такие актуальные темы, как соотношение времени и истории [12], пространства и времени [14], антроподицеи и теодицеи [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ Фолио, 2003. 704 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Академический проект, 2015. 522 с.
3. Бондарева Я. В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 322 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Азбука, 2017. 672 с.
5. Ильин В. В., Тимофеев А. В., Хайруллин А. Г. Деонтологический нормативизм: проблема обоснования в теодицее и антроподицее // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 7–17.
6. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 624 с.
7. Лосев А. Ф. Миф–Число–Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
8. Лосев А. Ф. Философия имени. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2016. 672 с.
9. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
10. Трубецкой Е. Н. Избранные произведения. М.: Феникс, 1998. 512 с.
11. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Эксмо, 2006. 322 с.
12. Фролова И. А. Время и история в эсхатологической перспективе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 205–218.
13. Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. 480 с.
14. Яблонских А. А. Пространство и время как формы бытия природы и общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 40–46.

REFERANCES

1. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noi etiki* [The Destiny of Man. An Experience of Paradoxical Ethics]. Moscow, AST Folio Publ., 2003. 704 p.
2. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow, Academic Project Publ., 2015. 522 p.
3. Bondareva Ya.V. *Metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz* [Methodological Bases of Russian Religious Philosophy: Historical-Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 322 p.
4. Bulgakov S.N/ *Svet nevechernii: sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplations and Speculations.]. Moscow, Azbuka Publ., 2017. 672 p.
5. Ilyin V.V., Timofeev A.V., Khairullin A.G. [Deontological overly regulated: the problem of justifying the theodicy and anthropodicy]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 7–17.
6. Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 624 p.
7. Losev A.F. *Mif-Chislo-Sushchnost'* [Myth-Number-Essence]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 919 p.
8. Losev A.F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. St. Petersburg, Oleg Abyshko`s Publ., 2016. 672 p.
9. Lossky N.O. *Bog i mirovoe zlo* [God and World Evil]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
10. Trubetskoy E.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Feniks Publ., 1998.512 p.

11. Florensky P.A. *U vodorazdelov mysli* [At the Watersheds of Thought]. Moscow, *Eksmo* Publ., 2006. 322 p.
 12. Frolova I.A. [Time and history in the eschatological perspective]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 205–218.
 13. Khoruzhii S.S. *O starom i novom* [On Old and New]. St. Petersburg, *Aleteiya* Publ., 2000. 480 p.
 14. Yablonskikh A.A. [Space and time as forms of existence of nature and society]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 40–46.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моисейкина Татьяна Александровна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moiseykina Tatyana Alexandrovna – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Моисейкина Т. А. Онтологическая целостность как нерешенная задача русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №1. С. 108–117.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-108-117

FOR CITATION

Moiseykina T. A. Ontological Integrity as an Unsolved Problem of Russian Religious Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.1, pp. 108–117.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-108-117

УДК 101.3; 130.12; 130.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-118-126

НЕМАЛОВАЖНЫЕ АСПЕКТЫ ХРИСТИАНСКОГО СИМВОЛИЗМА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Неганов В. В.

Московский государственный строительный университет

129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация

Аннотация. Данное научное исследование посвящено проблеме толкования текстов Священного Писания и Священного Предания, а также их теоретическим и практическим корреляциям в жизни каждого человека и общественном развитии в целом на пути духовно – нравственного совершенствования. Целью научной работы является обнаружение и обозначение некоторых немаловажных аспектов христианского символизма в антропологической и историко-философской перспективе. Теоретическая и практическая значимость научного исследования заключается в выявлении общих тенденций и особенностей христианского символизма и символической интерпретации текстов Священного Писания. Автором выявлены и проанализированы характерные аспекты христианского символизма. В ходе изучения данной проблемы автором используются общелогические методы теоретического познания и приёмы научного исследования: сравнительный анализ и синтез, обобщение, аналогия и системный подход. В результате научного изыскания автором выявлены общие тенденции и особенности христианского символизма и символической интерпретации в историко - философской и антропологической перспективе.

Ключевые слова: каппадокийцы, история философии, христианство, антропология, символизм, духовно – нравственное совершенствование.

IMPORTANT ASPECTS OF CHRISTIAN SYMBOLISM IN ANTHROPOLOGICAL, HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

V. Neganov

Moscow State University of Civil Engineering

26, Yaroslavskoye highway, Moscow, 129337, Russian Federation

Abstract. This paper is devoted to the problem of interpretation of the texts of Holy Scripture and Holy Tradition, as well as their theoretical and practical correlations in the life of every person and social development in general on the path of spiritual and moral improvement. The aim of the study is the discovery and designation of some important aspects of Christian symbolism in an anthropological, historical and philosophical perspective. The theoretical and practical significance of the study is to identify some general trends and characteristics of Christian symbolism and symbolic interpretation of the texts of Holy Scripture. The author identified and analyzed the characteristic aspects of Christian symbolism. In the course of studying this problem, the author uses general logical methods of theoretical knowledge and methods of

scientific research: comparative analysis and synthesis, generalization, analogy and systemic approach. As a result of the study, the author has identified general tendencies and features of Christian symbolism and symbolic interpretation in historical, philosophical and anthropological perspective.

Keywords: Cappadocians, history of philosophy, Christianity, anthropology, symbolism, spiritual and moral improvement.

Проблема толкования текстов и событий Священного Писания и Священного Предания на протяжении всей истории занимала и занимает важное место, поскольку именно от правильного понимания содержания текстов Ветхого и Нового Заветов зависит возможность их правильного применения в жизни каждого конкретного человека и общественном развитии в целом, что в свою очередь позволяет трезво и осмысленно следовать путём нравственного совершенствования. В связи с этими задачами именно Библия стала рассматриваться в качестве основы для реформирования «понятийного аппарата философской мысли» [12, с. 4]. Мыслители христианской Церкви критиковали культуру Античности, вбирая не противоречащее духу Священного Писания и Предания и отделяя противоречащее ему. Так решение проблемы толкования Библейских событий и текстов в философском контексте толкования Библии, возникшее в связи с этим, отдавало приоритет аллегориям при толковании Священного Писания и Священного Предания, что нашло отражение в методе аллегорического толкования Священного Писания, сформированным александрийской традицией (Ориген Александрийский); в отличие от неё антиохийская традиция (священномученик Лукиан Антиохийский) придерживалась исторического подхода, тогда как в рамках

малоазийской традиции (священномученик Ириней Лионский), доминирует отрицание философской тенденции «к спиритуализации в трактовке человека и космоса» [12, с. 4].

Наряду с этим, «по глубине теоретической разработки насущных философских проблем Александрии уступали все другие центры распространения христианского учения» [12, с. 4]. Александрия стала основным местом полемики между православными и арианами, и это ещё более возвеличило её значение, особенно, когда местные епископы Александр Александрийский и Афанасий Великий в рамках дискурса «с еретиками представили триадологию и христологию в том виде, в каком их принял» [15, с. 57] Первый Вселенский Собор 325 года в Никее.

Поскольку при написании Священных книг не всегда было возможно буквально изложить те или иные события или поучения, часто использовался язык символов и сравнений, чтобы полнее и доходчивее донести до людей главный смысл. В Эпоху гонений на христиан широко распространенным становится символизм, не только для того чтобы представить христианские образы невидимого, но и для того, чтобы скрыть от язычников тайны истины христианской веры. Такое применение иносказаний и символических сравнений для толкования впоследствии стало называться христианским

символизмом, «чтобы понемногу подготовить людей к воистину непостижимой тайне Боговоплощения, Церковь сначала обращалась к ним на языке, более для них приемлемом, чем прямой образ» [19, с. 19]. При помощи аллегорий, иносказаний и притч читатель и слушатель христианской проповеди постепенно подготавливался к восприятию догматических истин веры. Аллегорический метод позволял иносказательно толковать отдельные Библейские тексты в назидательном ключе. Например, Аврелий Августин, интерпретируя текст из книги Бытия: «И тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2) [5], соотносит момент акта творения и состояние души человека, борющейся с грехом и стремящейся к нравственному совершенствованию. Он предполагает, что душа человека, угнетённая страстями и грехом сама уподобляется мрачной бездне: «Кому расскажу, как расскажу о грузе страстей, низвергающем нас в страшную пропасть, о любви, поднимающей Духом Твоим, который носился над водами» [6, с. 220].

Внимание человека необходимо акцентируется с анализа мировых проблем на совершающееся в его душе, поэтому человеку важно научиться осознанной внутренней рефлексии и верно анализировать различные состояния и события своей жизни.

Поскольку в «онтологическом отношении Бог есть начало всего как в относительном, так и безусловном смысле, а человек – конец, завершение и венец Его творения. В гносеологическом отношении человек есть начало и источник всякого познания, а Бог – конечная цель и предел человеческого познания» [3, с. 7]. Познание челове-

ком мира внешнего иногда может отрываться и отстранять его от выполнения главной своей задачи – спасения своей души. Весь святоотеческий опыт призывает человека пребывать в постоянном внимании к своей телесной, душевной и духовной жизни. Блаженный Августин говорит, что «бывают случаи, когда душа не в состоянии управлять телом в силу испорченности грехом; она никогда не имеет полной власти над телом» [1, с. 5]. Согласно Аврелию Августину, «человек знает добро, но его воля не подчиняется ему, и он делает то, чего не хотел бы делать» [2, с. 205], то есть, одобряя одно, человек следует иному. Блаженный Августин поясняет: «Делая грех неволью, я скорее терплю его, чем делаю»¹ [18, с. 27]. Подобное «раздвоение человека» [2, с. 205], епископ Иппонийский называет «болезнью души, неподчинением её самой себе, вследствие чего человек не может преодолеть своих греховных влечений без Божественной помощи – благодати» [2, с. 205].

В этой связи, блаженный Августин, используя символические образы, взывая к Богу, рассуждает о причинах зла: «я искал, внутренне пламеняя, от куда зло. Каковы были мучения моего сердца, страдающего муками рождения, каковы мои страдания, Бог мой» [18, с. 27].

Вместе с тем, «символичность» человека и всего тварного мира в его предстоянии Богу и истории. Подобный перевод духовных, душевных и физических сил и концентрация всех сил человека на своём состоянии, позволяет, не выходя из круга житейских забот, идти путём духовно – нравственного совершенствования.

¹ Confess. lib. VII. 3. §5.

В рамках патристической традиции, начиная с Оригена Александрийского, сформировался и утвердился принцип, позволяющий переводить сведения и познания о природе и обществе в поучение и наставление, указывающие человеку удобный и кратчайший путь ко спасению во Христе. Этот обычай нашёл своё отражение и продолжение в размышлениях христианских богословов и философов.

Например, с точки зрения святителя Василия Великого, «творение мира в своём эстетическом аспекте направлено на восприятие человека для того, чтобы через видимую красоту мира он мог познать величие Бога» [13, с. 136]. Святитель Григорий Нисский свидетельствует, что именно в человеке Творец «полагает [...] сугубое начало, смешав с земным божественное, чтобы ради того и другого иметь ему наслаждение, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богом по естеству божественному, и земными благами по однородному с ними чувству» [17, с. 85 - 86]. Вместе с тем, Августин, епископ Иппонийский уподобляет Священное Писание зданию с низким входом, в которое не могут войти люди с гордым сердцем: «Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей тёмное: здание, окутанное тайной, с низким входом»¹. [6, с. 91].

Таким образом, в результате символической интерпретации события рассматриваются не только с фактической стороны, но и приобретают иную сакральную значимость, помогая человеку увидеть Бога. Тогда знание

становится средством нравственного совершенствования человека и позволяет объективно рассматривать, испытывать, рефлексировать и направлять своё собственное бытие к Богу. Символический реализм христианства необходим человеку, поскольку только при его помощи, возможно сделать так, чтобы человек словесно, символически и образно запечатлевал и передавал вербальный и невербальный видимый образ невидимого. Так, например, антропология каппадокийцев является наглядным примером библейско-философского синтеза, поскольку человек в понимании христиан, как и философов, является тем, кто объединяет в себе два мира – небесный и земной, идеальный и материальный; был божественным образом среди видимого и представителем вещественной вселенной среди невидимого. Именно в «человеке заключается единение противоположностей между высшим и низшим, небесным и земным, разумным и неразумным, свободным и несвободным, духом и материей» [4, с. 103]. В человеке «смешана какая-то музыка свирели и лиры, как бы в одно время издающих стройный звук» [17, с. 104], – указывает святитель Григорий Нисский.

Ярчайшим примером символизма в христианстве является традиция иконопочитания. Деяние четвёртое Седьмого Вселенского собора провозглашает: «[] досточтимыя и честныя иконы, [], мы почитаем и с любовью принимаем и почтительно поклоняемся им, [...], чтобы при помощи живописных изображений [...] их можно было приходить к воспоминанию и памятованию о первообразе и соделаться участниками какого - либо

¹ Августин. Исповедь. Кн. 3. Гл. V, П. 9.

освящения» [7, с. 170]. Поскольку «преславные отцы наши, оставили в церкви символы. Сохраняя их, а также изображение честнаго креста, святое Евангелие, преданное письменно, честные иконы и многия другия приношения, посвященные (Богу), прибегая к ним и благоговейно кланяясь им, мы – христиане – получаем от них освящение» [7, с. 330], ибо в молитве «посредством чувственных знаков возносимся» [7, с. 330], чтобы «устремляться к духовному, [...] посредством чувственных знаков» [7, с. 331], [...] которые «служат напоминанием о первообразах и возводят к ним» [7, с. 331], с целью приобщиться «благодати, а не существу Его» [7, с. 331–332]. В итоге, «честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображённого на ней» [9, с. 501].

Для христианского символизма характерно использование антропологических образов, картин ярких природных явлений, житейских жизненных ситуаций, исторических аналогий и параллелей. Так, например, христианский символ в апофатическом богословии видимо указывает на невидимый образ Бога. «Бога человекам невозможно видети, на Него же не смеют чини Ангельские взирати» [11, с. 49]. Через христианскую живопись, иконопись и архитектуру демонстрируется величие Бога – Творца и Его творения. Под покровом символов скрывается внутреннее богатое содержание церковной жизни, так что именно через символ «всегда сообщается благодать, которая соответствует таинственному смыслу каждого символа» [8, с. 99]. Исследуя человека и его природу посредством образов, христи-

анский символизм выявляет телесные, душевные и духовные состояния и способы их исправления.

В литературе Средних веков присутствует так называемый моральный символизм. Поучения и нравоучения содержат довольно много символики, что позволяет аллегорически толковать события внешней и внутренней жизни человека и случающиеся в ней обстоятельства. Таким образом, проповедь сопровождается полными и чёткими указаниями направления движения человека ко спасению и научениями его в духовной жизни. В частности, святитель Василий Великий «строго и определённо утверждает, что иносказания и аллегории при толковании Священного Писания нужно использовать с большой осторожностью, предпочитая им буквальное понимание» [14, с. 143–144]. Он настаивает на том, что чаще полезнее было бы точное и дословное толкование, и поэтому необходима формула: «всё, чем оно названо, за то и принимаю» [16, с. 138].

Философы античности и богословы средневековья признают доминирующим предметный символизм. Человеческое восприятие анализируется и рассматривается ими с точки зрения его значения для духовной и религиозной жизни человека. Например, орфики верили в свои обряды и мифы, и толковали их как «символы реальных процессов, происходящих в космической и человеческой жизни» [10, с. 17]. Пифагор перенял от орфиков «причудливый символизм отношений скрытого и явного, культ музыки, культ дружбы и многое другое» [10, с. 16].

Последователем данного мировоззрения является Платон. К примеру, его особая, символическая, мифология

«увлекает наш ум в ту светоносную область на подступах к Абсолюту, в которой философия достигает наивысшей возможной для нее реализации, как мысленное художество и которая принадлежит ей одной» [10, с. 42]. Платон также говорит и об интуиции сверхнаучного, которая «может быть выражена только через символ и миф» [10, с. 42]. Неоплатонизм настаивает на некоем единстве воли и сознания, видя в этом некий трансцендентный идеал, которой обретается внутренним созерцанием и отвлечением «от всего внешнего» [1, с. 3]. Блаженный Аврелий Августин переосмысливает неоплатонизм в духе христианства. Бог, по мнению епископа Иппонийского, в отличие от «единого» Плотина может стать собеседником человека и ответить на его сокровенные чаяния.

Так Аврелий Августин, развивая знаково - символическую концепцию символизма Платона, презентует её в теологическом контексте, в том числе с символическим изображением антропологических процессов, с элементами некоторого антропоморфизма, в частности, рассуждая о людях особенно слабых в разумении, но трёрдых в вере, скорее всего, подразумевает людей «душевных» не способных вознестись к высоте духовного смысла Писания¹. «Исповедь» Блаженного Августина пронизана символикой. Например, он рассматривает истины веры как материнскую грудь, способную успокоить маленького ребенка: «Совсем ещё

¹ Блаженный Августин в данном случае использует тот же термин «animalis» - «душевный», что и апостол Павел: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор. 2, 14).

маленькие дети, они в своей слабости успокаиваются на этих самых простых понятиях, как на материнской груди»² [6, с. 333]. Аврелий Августин сравнивает новоначальных христиан с неоперившимися птенцами, которых необходимо беречь, защищать и помогать проходить жизненный путь, о чем он и просит Бога: «Господи Боже, сжался! не дай прохожим растоптать неоперившегося птенца, пошли ангела Твоего, чтобы он положил его обратно в гнездо: пусть живёт там, пока не научится летать!»³ [6, с. 334].

Поскольку символика пронизывает всю жизнь Церкви: архитектура и живопись храмов, богослужение, священные предметы и действия преисполнены символическим значением. Они соотносят и показывают во всей полноте реальности внешнего вещественного и физического бытия человека через восприятие как символов предметов и вещей с реальностями внутреннего душевного и духовного его бытия. Одно из важнейших явлений предметного символизма в христианстве – это литургический символизм. С позиций литургического символизма мир и человек, будучи творением Бога, несут отпечаток Божественного совершенства, что проявляется через систему символов. При помощи литургического символизма чётко показано, что только сам человек, исправляя и правильно направляя свою волю, может достигнуть Богообщения и Богоуподобления. Умопостигаемые образы используют, чтобы выразить высоту Божественного совершенства, засвидетельствовать реальность, которая

² Августин. Исповедь. Кн. 12. Гл. XXVII, П. 37.

³ Августин. Исповедь. Кн. 12. Гл. XXVII, П. 37.

существует за границами сферы рационального и образного познания человека. Религиозный символ – это тайна. В целом христианский символизм – это путь человека к Богу и самому себе, в том числе, (через литературу, искусство, иконопись, архитектуру), пребывание со Христом и во Христе (жития христианских Святых и подвижников), богообщение (молитва, литургическая жизнь), богопознание (практическое и теоретическое), дорога нравственного исправления и духовно-нравственного совершенствования человека во Христе (исправление жизни, исполнение заповедей).

Таким образом, теперь именно использование символа и символики в самих текстах и Священного Предания и Священного Писания, а также их осмысление и переосмысление в философской парадигме, в том числе, при помощи символического метода позволяет выявить и обозначить немаловажные аспекты христианского символизма в антропологической и историко - философской перспективе. Это важно не только в трактовке человека как такового, но и для комплексного выявления, осмысления и решения вопросов антропологии, триадологии и христологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдакова М. Ю. Некоторые особенности учения о человеке в творениях блаженного Августина. / Моск. гос. ун-т сервиса. Деп. в ИНИОН РАН № 59667. – М., 2006. – 10 с.
2. Байдакова М. Ю. Проблема воли в западной философии и христианской Западной традиции. Монография. / Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. – Деп. в ИНИОН РАН № 60829. – М., 2009. – 302 с.
3. Байдакова М. Ю. Проблема воли в христианской антропологии. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – М.: Изд - во МГОУ, 2008. – № 1. – С. 5–13.
4. Байдакова М. Ю. Проблема воли в христианской антропологии. Монография. / Рос. гос. ун - т туризма и сервиса. – Деп. в ИНИОН РАН, № 60850. – М., 2010 – 288 с.
5. Библия с комментариями. – М. : Изд - во «Российское Библейское общество», 2017. – 2048 с.
6. Блаженный Августин. Исповедь. – Санкт - Петербург: Изд - во «НАУКА», 2013. – 375 с.
7. Деяния Вселенских Соборов, изданные в русском переводе при Казанской Духовной Академии. Том седьмой. Издание третье. – Казань: Центральная типография, 1909. – 337 с.
8. Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. – М. : Изд - во «Мартис», 2003. – 224 с.
9. Карташев А. В. Вселенские соборы. – М.: Изд - во «Республика», 1994. – 543 с.
10. Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. – М. : Изд - во «Либроком», 2017. – 416 с.
11. Молитвослов. Правило ко Причастию. Молитвы за ближних. Каноны и акафисты. Молитвы на всякую потребу. Русский шрифт. – М.: Изд – во «Синтагма», 2018. – 480 с.
12. Неганов В. В. Антропология каппадокийской школы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность: 09.00.03 – История философии. – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 124 с.
13. Неганов В. В. Исходные положения и характеристики экзегетики каппадокийских Отцов Церкви (святитель Василий Великий). // Вестник Московского государственного

- ного областного университета. Серия: Философские науки. – М.: Изд-во МГОУ, 2018. – № 3. – С. 129–138.
14. Неганов В. В. Основные тенденции развития философских и богословских взглядов на допустимые методы толкования Священного Писания в экзегетике каппадокийских Отцов Церкви (святитель Василий Великий). // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – М.: Изд-во МГОУ, 2018. – № 3. – С. 139–149.
 15. Неганов В. В. Проблема нравственного совершенствования в философской традиции каппадокийской школы. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – М.: Изд - во МГОУ, 2012. – № 2. – С. 56–61.
 16. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийской. Ч. 1. 4-е изд. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. – 348 с.
 17. Творения Святых Отец. Тридцать седьмой том. – М.: Типография В. Готье, 1861. – 475 с.
 18. Трубецкой Е. Н. Религиозно - общественный идеал западного христианства в V веке. В 2-х частях. Ч. 1. - М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. – 274 с.
 19. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Изд-во Братства во имя св. блгв. князя Александра Невского, 1997. – 656 с.

REFERENCES

1. Baidakova M.Yu. Some features of the doctrine of man in the works of St. Augustine. / Mosk. state University of tourism and service. DEP. in INION RAS No. 59667. - М., 2006. - 10 p.
2. Baidakova M.Yu. The problem of will in Western philosophy and Christian Western tradition. Monograph. / Mosk. state University of tourism and service. – DEP. in INION RAS № 60829. М., 2009. 302 p.
3. Baidakova M.Yu. The Problem of Will in Christian Anthropology. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2008, no. 1, pp. 5–13.
4. Baidakova M. Yu. The problem of will in Christian anthropology. Monograph. / Grown. state University of tourism and service. – DEP. in INION RAS № 60850. М., 2010. 288.
5. Bibliya s kommentariyami [The Bible with Commentaries]. Moscow, Russian Biblical Society Publ., 2017. 2048 p.
6. Blessed Augustine. Confession. St. Petersburg: publishing house «NAUKA», 2013. 375 p.
7. Acts of Ecumenical Councils, published in Russian translation at the Kazan Theological Academy. Volume seven. Third edition. Kazan: Central printing house, 1909. 337 p.
8. Epifanovich S.L. St. Maximus the Confessor and Byzantine theology. Moscow: Publishing house «Martis», 2003. 224 p.
9. Kartashev A.V. Ecumenical councils. Moscow: publishing House «Republic», 1994. 543 p.
10. Majorov G.G. Philosophy as the search for the absolute. Experiments, theoretical and historical. Moscow: publishing house «Librocom», 2017. 416 p.
11. Prayer book. The rule for Holy Communion. Prayers for neighbors. Canons and akathists. Prayers for every need. Russian font. Moscow: publishing house «Syntagma», 2018. 480 p.
12. Neganov V.V. Anthropology of the Cappadocian school. Thesis for the degree of candidate of philosophy. Specialty: 09.00.03-history of philosophy. Moscow state University. M. V. Lomonosova. М., 2006. 124 p.
13. Neganov V.V. Prerequisites and Characteristics of the Cappadocian Fathers Exegesis (St. Basil the Great). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy, 2018, no. 3, pp. 129–138.

14. Neganov V.V. Basic Tendencies in the Development of Philosophical and Theological Views of the Cappadocian Fathers on Acceptable Methods of Exegesis (St. Basil The Great) In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 3, pp. 139–149.
 15. Neganov V.V. The Problem Of Moral Improvement In The Cappadocian School Tradition. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2012, no. 2, pp. 56–61.
 16. Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Vasiliya Velikogo arkhiepiskopa Kesarii Kappadokiiskoi. Ch. I [The Works of Saint Father Basil the Great, Archbishop of Caesarea in Cappadocia. Part I]. Sergiev Posad, Holy Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1900. 348 p.
 17. Creations of the Saints Fathers. Thirty-seventh volume. M.: Typography by V. Gauthier, 1861. 475 p.
 18. Trubetskoy E. N. Religious - social ideal of Western Christianity in the V century. In 2 parts. Part 1. M.: Type. E. Lissner and Y. Roman, 1892. 274 p.
 19. Uspensky L. A. Theology icons of the Orthodox Church. M.: Izd - in the Brotherhood in the name of Saint Alexander Nevsky, 1997. 656 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Неганов Владимир Владимирович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии Московского государственного строительного университета;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Neganov – PhD in Philosophy, lecturer at the Department of History and Philosophy, Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: vladimir.neganov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Неганов В. В. Немаловажные аспекты христианского символизма в антропологической и историко-философской перспективе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 118–126.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-118-126

FOR CITATION

Neganov V. Important Aspects of Christian Symbolism in Anthropological, Historical and Philosophical Perspective. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 118–126.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-118-126

УДК 130.11

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-127-135

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ЭТИКА. ЭТИКЕТ В УЧЕНИИ ТЕРТУЛЛИАНА

Соколовская И. Э.

Институт экономики и культуры

105318, г. Москва, ул. Ибрагимова, д. 31, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – философский анализ теологии Тертуллиана, а именно проблемы соотношения во Христе божественной и человеческой природы. В основе исследования лежит философский метод – уподобление человека Богу-творцу, где человек наделяется всеми свойствами, традиционно присущими Богу: любовью, разумом, свободной волей. Эмпирически проведено исследование самых первых контуров ранней христианской антропологии и этики, с одной стороны, а с другой, показано, как антропологические постулаты постепенно становятся основанием этического учения. Теоретическая и практическая значимость материала заключается в раскрытии антропологического и этического учения христианства, а также в определении места христианской этики в современном мире. Статья адресована студентам и аспирантам, обучающимся по направлениям философии, теологии и религиоведения.

Ключевые слова: христианская антропология, прикладная этика, нравственность, свобода воли человека.

CHRISTIAN ANTHROPOLOGY. ETHICS. ETIQUETTE IN THE TEACHINGS OF TERTULLIAN

I. Sokolovskaya

Institute of Economy and Culture

31, bld. 1, Ibragimova st., Moscow, 105318, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to carry out a philosophical analysis of Tertullian theology, namely the problem of correlation between the divine and human in Christ. At the base of the research is the philosophical method of Tertullian – assimilation of man to God the Creator with all the properties traditionally ascribed to God: love, reason, free will. The author empirically studies the very first contours of early Christian anthropology and ethics, on the one hand, and on the other – shows how anthropological postulates gradually became the basis of ethical teaching. The theoretical and practical value of the research lies in revealing the anthropological and ethical teachings of Christianity, as well as determining the place of Christian ethics in the modern world. The article is aimed at students and postgraduates studying philosophy, theology and religion.

Keywords: Christian anthropology, applied ethics, morality, human free will.

Тертуллиан – один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, теологов и апологетов, наиболее ярко выразивший дух раннего христианства. Исследователи его творчества отмечают, что хотя «о жизни великого христианского писателя известно не больше, чем о многих скромных представителях патристики», тем не менее «склад характера и темперамент Тертуллиана легко представимы по его сочинениям», «стремление к крайностям отразилось и в учении Тертуллиана, где он обессмертил себя гениальными парадоксами» [5, с. 15]. Речь идёт об известных высказываниях мыслителя, в которых говорится о несовместимости поиска истины с поиском вечной жизни, о том, что именно невозможное и должно быть предметом веры, более того, оно должно почитаться несомненным.

Вряд ли объективный исторический анализ может удовлетвориться ссылкой на особенности темперамента и характера мыслителя при объяснении того места, которое этот мыслитель занял в истории философии. Сама жизнь выдвигала в ту или иную эпоху на первый план того или иного мыслителя, который наилучшим образом выражал эту эпоху. Чтобы объяснить значение Тертуллиана, а точнее, тот факт, что во II–III вв. именно он стал яркой фигурой христианской мысли, нужно поставить прежде всего вопрос о сущности этой эпохи с точки зрения развития интеллектуальной культуры человечества. Это время, когда, с одной стороны, вполне сложилась христианская идеология, а с другой, – не была ещё утверждена церковными соборами христианская догматика. В эту эпоху истинная суть христианского

мышления получила наибольший простор для своего выражения.

А. Столяров справедливо замечает, что «Тертуллиан как никто почувствовал и выразил дух чистого христианства, суть чистой религиозности» [5, с. 34]. Но причинная зависимость здесь иная. Не природная склонность к крайностям привела Тертуллиана к его знаменитым парадоксам. Напротив, сама эпоха нуждалась в наиболее ярком выражении духа христианского учения. Существовала потребность продумать и прочувствовать это учение до конца. Поэтому само время и выдвинуло именно такого мыслителя, который был склонен бесстрашно продумывать всякое теоретическое положение, в которое он к тому же безоглядно верил, – продумывать, не страшась неожиданных, а то и противоречивых выводов. Во времена, когда на повестке дня стояли задачи интеллектуального синтеза, Тертуллиан со всем его темпераментом и литературным мастерством не имел бы такого значения, какое он приобрёл во II–III вв. В синтетические эпохи востребованы такие умы, как Августин или Фома Аквинский.

Почему парадоксальная мысль Тертуллиана наилучшим образом выражала время осмысления христианской религиозной идеологии? Потому что сама эта идеология базируется на ряде положений, находящихся друг с другом в антагонистическом отношении. Существенно то, что именно этими своими антагонистическими положениями христианство и отличалось от всех языческих религий. И именно эти неразрешимые интеллектуальные противоречия составляли, как это ни

странно, не слабость, но силу христианского учения.

Прежде всего нужно указать на антагонизм между положением о Боге как абсолюте и Боге как личности. Абсолют по определению не может иметь личностного выражения. Совмещение этих позиций парадоксально. Но оно придаёт исключительную силу христианской вере, поскольку в молитве нет никаких ограничений относительно возможности того, что в силах Господа. При этом сама молитва потому возможна, что Бог есть личность. Таким образом, парадоксальное сочетание несовместимого делает христианского Бога несопоставимым языческим богам по могуществу и, одновременно, – по близости к человеку.

Вторая сторона христианского понимания Бога, в которой совмещаются несовместимые противоположности, – это соединение в Боге божественной и человеческой природ. Вновь мы имеем мысль парадоксальную, не укладывающуюся в языческие представления о божестве. Но именно это соединение обеспечивает интимность божественного человеку, возможность взаимного перехода меж двух миров, задаёт вектор самосовершенствования человека. «Человек смотрит на лицо, – говорит Тертуллиан, – а Бог смотрит на сердце» [6, с. 107].

Проблема соотношения во Христе божественной и человеческой природ и была в центре внимания теологии Тертуллиана. Догматика христианства ещё не была утверждена соборами, поэтому Тертуллиан чувствует себя достаточно свободно в пределах тринитарной проблемы – но ровно настолько, насколько это было вызвано целями подчеркнуть истинность

христово свидетельства, подлинность крестных мук, присутствие человеческой природы во Христе. «Если чудодействия не без Духа, то и страсти не без плоти; если плоть со страстями её была воображаема, то и Дух с его чудодействиями не был настоящим», – восклицает Тертуллиан [6, с. 166].

Бог не может быть человеком, но он стал им. Человек не может жить вечно, но обретает жизнь вечную. Вот откуда идут парадоксы Тертуллиана, которые позже отлились в формулу «верую, ибо абсурдно». «Да ведь тем более следует верить там, где именно потому и не верится, что это удивительно! Ибо каковы должны быть дела Божьи, если не сверх всякого удивления?» [6, с. 93].

Тертуллиан значителен именно как философ потому, что сознательно работает с парадоксами, а не просто изрекает их: он пишет, что фарисеи не могли ответить твёрдо на вопрос, небесным ли было крещение, возвещённое Иоанном, или только земным, «ибо не понимали, потому что не верили» [6, с. 98]. Таким образом, задолго до Августина и, тем более, до Ансельма Кентерберийского мы встречаем этот принцип у Тертуллиана.

Из теологии Тертуллиана прямо вытекает его учение о человеке. Главная проблема, которая проходит через всю антропологию Тертуллиана – это сочетание духовного и телесного в человеке. Он постоянно занят вопросом о соотношении «внутреннего» (духовного) человека и «внешнего» (телесного) человека. Он подчёркивает, что плоть как творение Божие сама по себе не несёт печати греха. Потому сочетание духовного и телесного в человеке союзно, а не враждебно. Душа свиде-

тельствует о Боге самим своим существованием.

По словам Л. Рагозина, «Тертуллиан в принципе не признает тело и душу разными субстанциями, ... не может представить себе чего-то абсолютно нематериального, даже если это дыхание Бога» [4, с. 23].

С. Борисов и В. Римский исследуя взгляды Тертуллиана отмечают, что «в вопросах антропологии Тертуллиан оставался в рамках достаточно традиционной (античной!) дуальной парадигмы “душа-тела”. Мучения и наслаждение не могут испытывать те, кто не наделен телесной природой. Это было направлено не только против гностико-манихейского дуализма и пренебрежения телесностью, но и против устранения телесности, “тварной плоти” из перспективы человеческой свободы, выбирающей между добром и злом» [1, с. 7].

Тертуллиан подчёркивает, что христианское учение о спасении индивидуальной души гораздо предпочтительнее для человека, чем языческие учения о реинкарнации в другие живые существа и материалистические учения о смертности души человеческой. Бог, пишет Тертуллиан, поставил человека в особое положение – как владыку для всякой твари, чтобы властвовать ею. Стоит отметить, что, несмотря на весь свой ригоризм, Тертуллиан распространяет принципы христианского учения не только на христиан: «Душа сошла с небес не только для латинян или армян. Человек одинаков во всех народах, различны лишь имена; душа одна – различны голоса» [7, с. 89].

Нужно отметить непосредственную связь между теологией и антропологией Тертуллиана, с одной стороны,

и его этикой, с другой. Зло не присуще материальному или, если иметь в виду человека – телесному началу: «Он спас плоть от всякого мучения – и нам стыдиться этой плоти?» [7, с. 164].

Это еретики присуждают спасение душе, т. е. внутреннему человеку, а гибель – плоти, т. е. внешнему человеку. Но человек спасается Богом целиком. «Слово “человек”, – писал Тертуллиан, – это как бы скрепа двух соединённых субстанций и может обозначать только их соединение» [7, с. 223].

Всё, что Богом предусмотрено для человека и ему обещано, утверждает Тертуллиан, относится не только к душе, но и к плоти. Чем свидетельствует свою веру мученик за Христа, как не страданиями плоти, подобно самому Христу? Тем более что после воскресения человек будет обладать особой телесностью – как золото по происхождению из земли сделалось совершенно другой материей. Спасение, пишет Тертуллиан, вообще больше относится к смертной плоти, чем к душе, которая и так бессмертна.

Важно, что особая телесность воскресения не отменяет преемственности жизни индивидуальной души, которая есть та же, что была в земном теле. «Невероятно, чтобы ум, память и совесть нынешнего человека были упразднены этим новым одеянием бессмертия и нетленности» [7, с. 242].

По сути, в творчестве Тертуллиана мы имеем первую в мировой философии постановку вопроса о человеческой индивидуальности. Античные философы просто не могли этого сделать в силу давления космоцентрической ментальности, исключающей самостоятельность индивидуального. Только диалог твоей души с Богом от-

крывает возможность обрести своё неповторимое Я.

Тертуллиан указывает в качестве источника греха на свободную волю человека. Человек подобен Богу-творцу и потому наделён свободной волей. Но человек в силу несовершенства своего должен быть постоянно устремлён к божественному началу. Если же он отвращается от божественного, его воля получает направление от Бога. Направление от Бога есть направление ко злу, ибо Бог есть добро. Греховность – не в телесности и не в конкретном поступке, а в выборе и направленности.

Вопрос о нравственности в учении Тертуллиана теснейшим образом связан с вопросом о спасении. Он специально обсуждает проблему: в каком смысле Христос есть второй Адам? Именно благодаря вочеловечению и воплощению Христос искупляет грех Адама. Как в Адаме все умирают, так во Христе оживут, и оживут плотью, как плотью умирают. Потому в вере во Христа есть возможность преодоления греховности в человеке. Тертуллиан даёт изумительную формулировку сути нравственного поведения христианина: «ветхий он по прежнему образу жизни, но не по плоти» [6, с. 229].

Не угодны Богу те, кто живут плотски, а не пребывают во плоти. Осуждаются дела плоти, а не сама плоть, грех во плоти, а не плоть во грехе. Помыслы же плоти следует отнести к душе, хотя бы они по виду и производились ради плоти и через неё. Ответственность тем не менее лежит на душе, отвернувшейся от своего божественного назначения.

Этическое учение Тертуллиана не остаётся лишь теорией. Он детально

разрабатывает проблематику прикладной этики. Его интересуют человеческие поступки. Он исследует систему правил поведения истинного христианина. Учение Тертуллиана об этикете представляет большой интерес.

Какие же наставления даёт Тертуллиан христианину?

«На взгляды и интересы Тертуллиана повлияли его собственная биография и эволюция его екслезисологических взглядов» – пишет А. Каргальцев [3, с. 49]. Поскольку у Тертуллиана было юридическое образование, его этическое учение изобилует юридической терминологией.

Алчность к благам мира сего есть жизнь по плоти. Она прежде всего отвращает от пути к Царствию Небесному. «Да будут славны Ваши дела, – говорит Господь. Ныне же если что и славится, так это наши лавки и наши вывески» [6, с. 262].

В наше время замечание Тертуллиана относилось бы к рекламе. Какое огромное внимание уделяется этой стороне жизни многими людьми! Между тем, по определению Тертуллиана, это не что иное, как разновидность идолопоклонства, служения демонам. Помимо греха идолопоклонства в заботе о «вывесках» присутствует и указанный выше грех разжигания алчности, осознанного и безудержного стремления к плотскому. Более того, происходит культивирование подобного стремления.

Нельзя не заметить, что наставления Тертуллиана удивительно современны. На это обращаешь внимание каждый раз при изучении его практико-аскетических сочинений. Даже отдельная фраза, которую мыслитель специально не развивает, наполнена

глубоким смыслом. Он писал, что Богом не осуждается никакая одежда, «разве только женская – на мужчине, ведь сказано: Ибо проклят всякий, надевающий женское» [6, с. 263].

Во времена Тертуллиана не было ещё обратного варианта, когда женщины надевали мужскую одежду. Но мысль его относится к ситуации в целом. Дело, конечно, не в одежде как таковой, а в смешении половых ролей, которое в современном мире рассматривается как достижение демократии. Свобода не состоит в том, чтобы нарушать законы природы. Человек свободен прикоснуться, например, к оголённым проводам. Но его истинная свобода в разумном понимании того, что можно и должно. Не следует смешивать свободу с произволом. Этой мысли учит нас вся христианская религия. В этом её не обязательно религиозный, но, во всяком случае, – моральный посыл. Россия, люди, в ней живущие, в целом удерживаются пока в рамках следования естественной природе вещей. Но наследникам Тертуллиана не мешало бы вспомнить слова этого религиозного учителя.

Тертуллиан порицает пристрастие к зрелищам. В те времена это были конские бега, львиная травля, состязания в борьбе и в пении. В эпоху массовой культуры диапазон возможных зрелищ расширился необычайно, но суть в их отношении к человеческой душе осталась. Пристрастие к зрелищам пересиливает любые соображения разума. Проводящий время в амфитеатре (можно подставить здесь любое другое слово в зависимости от эпохи, вплоть до интернета) употребляет данные Богом чувства во зло. Формального запрещения ходить в цирк, на ристали-

ще, в амфитеатр Писание не содержит. И может ли быть иначе, раз обращено оно к существу, наделённому свободой воли. Человек должен проявить свою волю, направить её к добру, преодолеть искушения. Тем более что заранее известно: зрелища разжигают в человеке низменные страсти. Побороть в себе тягу к низменному удовольствию – высшая честь для человека.

Стремления к зрелищам и удовольствиям – частный случай более общего греха – суть греха нетерпения. Начиная с Адама, невинность становится жертвой нетерпения, суетных стремлений, которые отвращают человека от Бога. «Любой грех следует записывать за счёт нетерпеливости, – говорил Тертуллиан, – каковы бы ни были побуждения, нетерпение есть непременное условие для совершения злодеяния» [2, с. 24]. Может быть нетерпение страсти, гнева, жадности. Честь продаётся из-за неспособности терпеливо противостоять жажде наживы. Нетерпение способствует падению во грех. Христианину следует воспитывать свою душу в терпении, тренировать её, сделать её неподвластной слабости. Многообразно упражняя тело в терпении, подчёркивал Тертуллиан, душа легко обретает духовное достояние.

О браке Тертуллиан говорит, что он благословен, лишь если этот союз единственный и служит только для продолжения рода. В этом случае происходит совокупление в единую плоть, и тогда брак – благо. Брак позволителен, но воздержание предпочтительно, ибо помогает направить все помыслы к Богу. Есть и другие проблемы христианского понимания брака, на которые обращает внимание Тертуллиан. Мы заводим детей, но желаем им

поскорее покинуть временную жизнь и быть принятыми у Господа. Между тем мы должны думать и о собственном нашем спасении – эту первейшую заботу человек осиливает только сам. Решение, которое предлагает Тертуллиан: если соединён с женой, не ищи развода, если свободен – не связывай себя браком. Повторный брак – не проступок, но влечёт за собой телесную скорбь. В него не следует вступать ради собственной выгоды.

Нельзя не сказать о наставлениях Тертуллиана, посвящённых такому, казалось бы, частному предмету, как украшения. Он приравнивает пристрастие к украшениям к страсти к суетным наукам. Подобные языческие изобретения не научат праведной жизни. Украшающие себя стремятся испытать хотя бы частичное удовольствие, раз нельзя испытать его полностью, и тем самым ступают на путь извращения. «Совершенной и целомудренной христианке следует не только не стремиться к привлекательности, но и прямо ненавидеть её. Желание нравиться с помощью искусственных прикрас может происходить только от развращённого сердца» [6, с. 350].

Мыслитель подчёркивает, что никоим образом не намерен обратить своих читателей и слушателей к неопрятности. Опрятность необходима. Но грешат перед Господом, «когда смазывают кожу кремами, румянят щёки, подводят тушью глаза. Видно творение Божье им не нравится, если они находят в нём недостатки, ибо исправлять содеянное Богом, значит осуждать его» [6, с. 352].

Тертуллиан не останавливается и перед предостережениями гигиенического и медицинского характера,

например, в отношении нежелательности крашения волос для здоровья кожи головы. Кто занимается этим – испорченное ими же почитают красивым, подчиняясь моде. «Почему вы не оставите в покое свои волосы, которые то завиваете, то развиваете, то поднимаете, то опускаете, то заплетаете, то распускаете, то обременяете париком из чужих волос. Может вы и воскреснуть намереваетесь с румянами, белилами и шафраном на голове», – иронизирует моралист [6, с. 353].

Важно подчеркнуть, и Тертуллиан специально делает это, что всё сказанное выше об украшениях не относится только к женщинам. «Но разве я это же одобряю в мужчинах?» [6, с. 353].

Тертуллиан перечисляет мужские способы украшаться и после этого – любоваться собою и выставлять себя напоказ, чтобы привлечь внимание ради желания нравиться. Эту же мысль затем повторяет Томас Мор в своей «Утопии». Украшения у утопийцев – символ преступности. Не случайно гуманизм Мора имел христианские истоки. Тертуллиан пишет, что Господь называет Рим «блудницей», поскольку город сей нельзя изобразить без одеяния из порфиры, багрянца, золота и драгоценных камней [8, с. 179].

Согласно этическому учению Тертуллиана, Бог сотворил мир таким, как он есть, чтобы испытать людей через свободу в использовании земных благ, дабы в их поведении прокладывали себе дорогу сдержанность и умеренность.

Тертуллиан лучше многих моралистов знал человеческое сердце. Он не только порицал, но и подавал надежду на возможность исправления. «Господь учит нас, что плоть слаба, но дух

вынослив. ... И этим показал нам, что плоть должна подчиняться духу, чтобы почерпнуть от него стойкости» [9, с. 96].

Трудно найти в истории философии мыслителя, чьи труды были бы настолько обращены к повседневным

раздумьям и жизненным выборам всякого человека. Две тысячи лет не становятся помехой для слова, которое обращено к человеческой душе и которое читает в ней не только дурные помыслы, но и движения, устремлённые в возвышенный мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов С. Н., Римский В. П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 5–17.
2. Бутаков П. А. Иррационализм и рационализм в воззрениях Тертуллиана: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2007.
3. Каргальцев А. В. Жизнь и экклесиологические взгляды Тертуллиана // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 2 (44). С. 48–57.
4. Рагозин Л. И. Традиционизм EX TRADUCE: от Тертуллиана до Канта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016ю № 5–3. С. 23–28.
5. Столяров А. А. Тертуллиан: эпоха, жизнь, учение // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 15–34.
6. Тертуллиан. Апология. М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2004. 423 с.
7. Тертуллиан. О душе. Источники. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. (Библиотека христианской мысли).
8. Шок Н. П. Доксография Тертуллиана и её значение для истории естествознания: Часть 1 // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 176–181.
9. Шок Н. П. Доксография Тертуллиана и её значение для истории естествознания: Часть 2 // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 94–97.

REFERENCES

1. Borisov S.N., Rimsky V.P. [Tertullian, media and transhumanism: the ontology of freedom and anthropology of violence in post-secular world]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [The Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2013, no. 2 (145), pp. 5–17.
2. Butakov P.A. *Irratsionalizm i ratsionalizm v vozzreniyakh Tertullina: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [Irrationalism and Rationalism in the Works of Tertullian: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Novosibirsk, 2007.
3. Kargal'tsev A.V. [Life and Ecclesiastic Views of Tertullian]. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [The Issues of History, Philology, Culture], 2014, no. 2 (44), pp. 48–57.
4. Ragozin L.I. [Traducianism EX TRADUCE: from Tertullian to Kant]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Problems of Humanities and Sciences], 2016, no. 5–3, pp. 23–28.
5. Stolyarov A. [Tertullian: Age, Life, Teachings] In: Tertullian. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow, 1994, pp. 15–34.

6. Tertullian. *Apologiya* [Apology]. Moscow, *AST Publ.*; St. Petersburg, *Severo-Zapad Press Publ.*, 2004. 423 p.
 7. Tertullian. *O dushe* [On the Soul] . St. Petersburg, *Oleg Abyshko`s Publ.*, 2004.
 8. Shok N.P. [Tertullian`s doxography and its importance for the history of science: Part 1]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2013, no. 6 (26), pp. 176–181.
 9. Shok N. P. [Tertullian`s doxography and its importance for the history of science: Part 2]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2014, no. 1 (27), pp. 94–97.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколовская Ирина Эдуардовна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии факультета психологии Российского государственного социального университета; профессор кафедры общей и организационной психологии Института экономики и культуры; докторант кафедры философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: iren3d@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina E. Sokolovskaya – doctor of Psychology, professor at the Department of Social, General and Clinical Psychology at the Faculty of Psychology, Russian State Social University; professor at the Department of the General and Organizational Psychology, Institute of Economy and Culture; degree-seeking candidate at the Department of Philosophy, Faculty of the Philosophy of Man at the Herzen State Pedagogical University;
e-mail: iren3d@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Соколовская И. Э. Христианская антропология. Этика. Этикет в учении Тертуллиана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 127–135.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-127-135

FOR CITATION

Sokolovskaya I. Christian Anthropology.Ethics.Etiquette in the Teachings of Tertullian. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 127–135.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-127-135

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-136-147

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНОНАУЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ильин В. В.

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(Калужский филиал)*

248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы состоит в выявлении влияния авангардных технологий на развитие человеческой цивилизации. Методологическую основу исследования составляют сопоставительный анализ фазовых переходов от аграрной до NBICS (нано-био-инфо-когно-социо)-революции, социально-философский анализ постиндустриального хозяйственно-культурного типа. В результате проведённого исследования установлено, что переход человечества от раннего к позднему периоду каменного века, заложивший материальные предпосылки прогресса культуры, знаменовал прежде всего революцию в отношениях человека к природе. Новизна здесь определялась культивацией природо-потребительских форм народно-хозяйственной практики (прогресс скотоводства, земледелия, ремёсел как инструментов обеспечения «потребительского» жизненного цикла человечества) и соответствующих им форм мышления. Потенциальный же переход человечества от современности, максимизирующей принципы неолитической революции, к идущей на смену ей фазе цивилизации принципиально отличается от предыдущего. Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в определении направленности будущей революции, пафос которой – в утверждении новых форм человеческой практики и идеологии. Последние разовьются на базе формирования новых субъект-объектных взаимосвязей, характеризующихся разрушением «потребительского» и утверждением производительного, творчески-созидательного отношения человека к природе и принятия норм, идеалов, ценностей, характеризующихся специфическими критериями эквовзаимодействия и экоммуникации.

Ключевые слова: цивилизация, технонаука, NBICS-конвергенция.

PHILOSOPHY OF TECHNO-SCIENTIFIC CIVILIZATION

V. Ilyin

*Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University,
2, Bazhenov st., Kaluga, 248000, Russian Federation*

Abstract. The article is concerned with studying the influence of advanced technologies on the development of human civilization. The methodology of the article includes a comparative analysis of phase transitions from agrarian to NBICS (nano-bio-info-cogno-socio) revolution, socio-philosophical analysis of post-industrial economic and cultural type of civilization. The research has provided insights that the transition of humanity from the early to the latest Neolithic Age, which launched the material pre-requisites of culture progress, marked first and foremost the changed attitude of human to nature. The novelty of this attitude was in cultivation of nature-used forms of economics (cattle-breeding, agriculture, crafts as tools for providing “consumer” life cycle of humanity) and the corresponding forms of thinking. The potential transition of humanity from modernity, which maximizes the principles of the Neolithic revolution, to the phase of civilization replacing it, is fundamentally different from the previous one. The theoretical and practical value of the article is in identifying the direction of the future revolution the pathos of which is in the approval of new forms of human practice and ideology. The latter are developing on the basis of a) the formation of new subject-object relationships characterized by the destruction of the “consumer” and the assertion of productive and creative attitude of man to nature; b) adoption of norms, ideals, values characterized by specific criteria of eco-interaction and eco-communication.

Keywords: civilization, techno-science, NBICS-convergence.

Законы материального роста человечества – технологические. Именно они предобуславливают капитальные фазовые переходы, обновляющие и совершенствующие жизненные уклады. Упомянем следующие моменты:

- появление Homo sapiens;
- аграрную революцию;
- индустриальную революцию;
- культурную революцию;
- сексуальную революцию;
- научно-техническую революцию;
- NBICS (нано-био-инфо-когно-социо)-революция.

Остов цивилизации – продуктивные жизневоспроизводящие механизмы наращивания качества существования, обеспечения глобального выживания.

Вызвавшее планетарный кризис разрушение биоценозов с обострением межплеменной конфронтации в палеолите разрешилось неолитической революцией, предусмотревшей отказ от присваивающего (собирачество, охота) и упрочение производящего хозяйства – новый хозяйственно-культурный тип (ХКТ), а с ним и повышение комфортности жизни, расширение вместимости территорий.

Возрастание оборотов общечеловеческой воспроизводственной деятельности, поддерживающее рост популяции, детерминировало замещение индустриального постиндустриальным ХКТ, более мощным, плодотворным способом выработки общественной продукции.

Между тем действие сил в своей собственной власти без корреляции с событиями допустимо в идейно-образной, но не технико-технологической сфере. Условия не сковывают отрешенной мысли (свобода здесь осуществляется непосредственно как способность самочинно давать начало причинным рядам), но обездвигивают технологию, решающую, как от образности переходить к вещности.

Мысль не обязывает отождествлять свои творения с действительностью: элемент кондициональности в них предзакладывается. В технологии все творения действительности реальны; пробивающаяся кондициональность подлежит здесь элиминации. «Тоска по идеалу» в мысли удовлетворяется прямо – актами творчества; в технологии – косвенно – учётом объективной логики объективного мира. Мысль движется в посессиве, технология – в субстантиве. Свободе, игре, фантазии одного противостоит обстоятельность, осмотрительность, сбалансированность другого.

Сопоставительные ряды подчёркивают особенности креативных процессов в указанных предприятиях.

Высшей смелостью человека является смелость дерзания под руководством воображения (фасциации). Но природа созидания в рассматриваемых случаях принципиально различна! В мысли – изобретение, в технологии – приобретение. Мир мысли – символосфера; мир технологии – техносфера. Средство мысли – абстрактное, средство технологии – конкретное воплощение, стезя мысли – путешествие в царстве приглядной видимости; стезя технологии – путешествие в царстве неприглядной позитивности.

Механизм мысли – побуждение мечты; механизм технологии – принуждение плоти.

Тут мы дошли до востребуемого.

Поддержание постиндустриального ХКТ, зиждущееся на нещадном уничтожении плоти природы (ресурсы, энергии), вызвало разрушение биогеоценозов, поставило человечество на грань экологической катастрофы, спровоцировало усиление межстрановой конкуренции (горячие и холодные, контактные и бесконтактные войны как рычаг получения преимуществ в овладении природными богатствами).

Оголтелое кризисное природоизничтожение подвело к поворотному пункту родовой истории: вступив во фронтальный конфликт со средой обитания, человечество оказалось перед лицом неотвратимости заявления, проведения единственного интереса – выжить. Мартиролог дел неприглядных человеческих внушителей; безусловное самодержавие разума выказывает совершенное бессмыслие перед рукотворным:

- изменением климата;
- истощением, деградацией природных ресурсов (воздух, вода, почва);
- повышением уровня углекислого газа в атмосфере;
- выходом в атмосферу парниковых газов;
- утратой биоразнообразия;
- обезлесением;
- разрушением озонового слоя;
- накоплением отходов (вследствие только замусорения мирового океана, вызывающего эффект Эль-Ниньо, высвобождается энергия порядка 450 млн. МВт, повышается температура воды, влекущая таяние ледников Арктики и Антарктики) и т. д.

Исполниться неким воодушевлением позволяет перевод чайний в свершения, замена рецептов метафизических (теодицея, антроподицея [4]) на технологические. Запас последних, прямо скажем, не велик: *a)* освоение космоса; *b)* дальнейшее противопоставление и противостояние отсеков человечества (сценарий «атлантизм-вестерн»); *c)* природоподобие, биофилия NBICS (нано-био-инфо-когно-социо-технологий), обслуживающие ноосферное сознание.

А. Освоение космоса

Как утверждал Циолковский: «планета – колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Выходу из колыбели препятствует относительная отсталость энергетики. Всемерное освоение космоса тормозится (пока!) применяемыми в космонавтике источниками энергии: с помощью кораблей, оснащённых солнечными батареями, овладеть дальним, да и ближним космическим пространством невозможно. Нужны принципиально новые решения, базирующиеся на использовании ядерных, безэлектродных плазменных ракетных двигателей (их можно применять и для дальних межпланетных полетов), установок термоядерного синтеза («открытые ловушки»), откуда будет истекать плазма, создавая реактивную тягу.

В. Противопоставление и противостояние отсеков человечества

Используя обобщённое понятие векторного политического пространства, необходимо охарактеризовать природу наиболее значимых его элементов, которые могут влиять на морфогенез современного мира. Самыми заметными мегатенденциями, влия-

ющими на развитие цивилизации, являются:

- этническая конфликтность;
- инспирация государств-этносов;
- расширение ядерного клуба, распространение оружия массового поражения;
- военные авантюры геополитических маргиналов;
- усиление миграционных потоков по вектору Юг → Север с укоренением этнических нелегалов из развивающихся стран в развитые страны;
- усиление правых движений в демократиях, представляющих собой объекты реванша колоний над метрополиями;
- рост внутренних противоречий, этнической конфликтности, бытового шовинизма в благополучных развитых многонациональных странах вследствие политико-социальной неадаптированности иммигрантов, поляризации населения и т. д.;
- замедление темпов роста, переход к дефицитному обществу;
- усиление центрально-директивного планирования и контроля;
- возрастание роли национального государства, региональных форм кооперации;
- рост индивидуализма как механизма самообеспечения;
- рост локализма как гаранта выживания;
- сужение доступа к продовольствию, воде, снижение социального обеспечения; обострение вопросов мирового распределения благ;
- перенаселение и, как следствие, необходимость вынужденного демографического сброса;
- отток богатого автохтонного населения из города в деревню;

– переход на суженный тип воспроизводства населения;

– осложнение социализации внебрачного потомства;

– экспорт из «третьего мира» взрыва ненаправленной ненависти;

– трансляция отсталости с Юга через иммиграцию.

Суммируя вышеперечисленные принципиальные позиции, следует отметить: точкой притяжения, к которой стягивается всё остальное, выступает феномен – XXI в. будет веком пришельцев, обременяющих цивилизованный мир неустроенностью, бедностью, агрессивностью.

Доверие не возобладало пока над сомнениями, причиной чему – противоборство и амбиции держав, пренебрежение всеобъемлющим велением консолидации, ставящим под угрозу выверенный ответ Севера на вызов Юга.

Современная международная система после распада СССР именуется однополярной, поскольку под этим подразумевается практическая монополия западных демократий под эгидой США на управление судьбами цивилизации в глобальном масштабе.

Униполярность характеризует баланс могущества, который при нынешней (будем надеяться, недолговечной) неконкурентоспособности России сместился на Запад. Она отображает простой факт векторного движения политического вещества по линии: мультиполярность → биполярность → униполярность. Ничего предзаложенного и одновременно необычного в подобном движении нет.

В настоящее время ИКТ-экономики стран G7 дают до 9/10 высокотехнологичного производства. Усиливается

поляризация мира по качеству жизни: 40% землян-жителей развивающихся стран прозябают.

Поддержание однополярной парадигмы преимущества западного стиля жизни ставится под сомнения столь вероятными катаклизмами, как: свертывание демократии; дестабилизация внутригосударственного управления; загибание темпов экономического развития; дефолт. Всё это подорвёт западное влияние, вызовет идиосинкразию к вестернизации, а то и мятеж против союза североатлантических демократий как ядра всемирной федерации.

Сказанное выше лишает оснований уделять много внимания модели униполярности. Временное не может быть вечным. Россию устраивает сбалансированная полицентричность с предсказуемым поведением региональных лидеров, то автономно, то консолидировано решающих основополагающие задачи развития при непременном сдерживании терроризма, фундаментализма, империализма.

С. Природоподобие, обслуживающее ноосферное сознание

NBICS-технологии правильно толковать в терминах не столько технологических, сколько общечеловеческих. Перекрывая узкий горизонт органа сугубо производственно-технического, NBICS-технологии обслуживают гуманитарный рост, социальное созидание.

Традиционная типология динамики целесообразной продуктивной деятельности даёт трёхзвенку:

– предтруд – присвоение;

– труд – материальное производство;

– творчество – выработка и воплощение ценностей.

NBICS-комплекс по праву располагается в третьей позиции. Последнему отвечают тактика и стратегия самосборки, обеспечивающие получение вещественных структур с заданными свойствами и шире – программирование материи. Непреходящий момент, утрирующий значимость интеграции науки и культуры, технологии и ценности, разума и опыта, заключается в том, что человек, *Homo projectivus*, программирует материю на принципах интеллектуальной организации, конструирует потребный естественно-искусственный универсум. Не материя производит себя, а человек – материю. Он становится автором объективного сущего.

В самом по себе феномене «порождения» (через переустройство, преобразование вещества природы) среды обитания ничего нового нет. Определенные прозрения на данный счет обнаруживаются:

– у Лейбница: человек есть «маленький бог (творец – *авт.*) в своем собственном мире, или в микрокосмосе, управляемом им на свой манер...» [6, с. 230];

– у Беме: что ты «строишь или сеешь в духе, будь то словами, делами или мыслями, то будет твоим вечным домом» [2, с. 258];

– у Канта: человеческое существование имеет в себе самом высшую цель, которой, насколько это в его силах, оно может подчинить всю природу [5, с. 469];

– у Фейербаха: «Существо человека есть его высшее существо; хотя религия называет высшее существо Богом и смотрит на него как на предметное существо, но поистине это есть только собственное существо человека, и

потому поворотная точка всемирной истории состоит в том, что отныне Богом для человека должен быть уже не Бог, а человек» [9, с. 405].

Новое заключается в осознании невозможности создать сущее на классических ресурсозатратных принципах и необходимости созидать сущее на принципах неклассических природоохранно-природоподобных.

В своей технико-технологической эволюции создаваемый мир должен срастаться в живой органике с богатейшим креативным натуральным привоем. Рычаг реализации данной стратегии – восстановление естественного самосогласованного ресурсооборота в функционирующей по природоподобным схемам техносферы:

– отказ от отраслевого подхода к формированию техно-научной среды;

– упрочение парадигмы конвергенции наук и технологий.

Наука, как природа, едина в использовании универсальных породительных приёмов с атомно-молекулярного, организменного уровня (нано-сборка веществ, материалов с заданными свойствами, симбиоз *nano-bio* – производство потребных биоорганических структур; *info* – воспроизводство в искусственных объектах естественных принципов преобразования информации; *cogno* – создание антропоморфных инженерно-технических систем с элементами искусственного интеллекта) до уровня надорганизменного, популяционного (радикальная ценностная перестройка сознания, поведения на социокультурных технологиях биофилии, экологического императива, амитологии).

Генеральная линия на широкую социальную аппликацию конвергентной

технонауки предполагает параллельное проведение фронтальной заинтересованной рефлексии, связанной с аналитической проработкой взаимодействия технологического и человеческого в формировании нового типа реальности. Главное заключается в выработке техногуманитарного баланса.

Камнем преткновения общественной практики XX в. являются мощнейшие эффекты социальной модернизации: индустриализм, тоталитаризм, урбанизм, – техногуманитарного баланса в отношении которых не достигнуто. Оттого символ жизнеспособности человечества – инновационный отход от традиции – зачастую воспринимается как признак катастрофизма, несущего разочарование и упадок.

Ограничимся квалифицирующим суждением: негативный гуманитарный фон темповой общественной трансформации прошлого столетия вследствие человеконеадаптированности технологических новшеств – отчуждение, толкуемое в терминах обмельчания человечности, дегуманизирующей её самоутраты.

Аналогично природоподобные NBICS-технологии, предоставляя человечеству шанс оптимального развития, не могут поощрять узаконения целого ряда нелепостей, предопределяя настроение «кризис будущего».

Не боги осыпают удачами, а труд. Труд как осмысленная целесообразная деятельность крепится на экстраполяциях, позволяющих в ситуации «новации – неопределенность» делать оправданный выбор. Бесполезно и бессмысленно предаваться технооптимизму. Как все и всякие радикальные технологии, NBICS-технологии обо-

юдоостры – способны обслуживать радость и горе.

Самоупоенная проповедь эффективности NBICS-комплекса ограничивается темой прямых издержек-угроз, вытекающих из самого характера природоподобных инновационных актов, нацеленных на возможность программировать материю, воспроизводить процессы, структуры органического и надорганического мира. Подобная возможность, точно дар данайцев, налаживает перспективу целенаправленного вмешательства в поведение природы, общества и человека, вмешательства, вопреки убеждению Бодрийера, не предусматривающего какого-то единства с «необъятной экологией разумного космоса».

Наши сомнения усилим противопоставлением тени и света. Классическая философия (в настоящем – линия технобиоконсерватизма – приверженного «естественности») озабочивается сюжетикой «сохранения человека». Неклассическая философия (в настоящем – линия трансгуманизма – приверженного «искусственности») озадачена сюжетикой «превосхождения человека».

В тематике «природа человека» безотносительно к идеологическим настроениям обособливаются два измерения – соматическое и этическое. С позиций правильно понятого прогрессизма ничего порочного в физиологическом совершенствовании человеческой природы (породы) усмотреть невозможно. Обратим внимание на очевидные успехи инженерно-технических (ЕТ) мероприятий вследствие практического применения конвергентных технологий (табл. 1).

Таблица 1

Конвергентные технологии и их инженерно-техническая аппликация

NBICS-комплекс	ЕТ-аппликация
Bio + nano	Создание конструкций наноразмера, обладающих свойствами, присущими биологическим системам: селективностью, чувствительностью на атомарном уровне, способностью самостоятельно встраиваться в более сложные системы, адаптироваться к изменениям внешней среды, обнаруживать собственные дефекты и их устранять, коммуницировать с аналогичными конструкциями.
Bio + info + nano	Создание информационных систем, использующих принципы хранения информации, применяемых в биологических системах (ДНК, человеческий мозг), «нанобиопроцессоров» для вычислительных устройств.
Cogno + info + nano	Создание вычислительных, информационных систем, обладающих отдельными характеристиками человеческого интеллекта.
Nano + cogno	Создание методов неинвазивного исследования функций головного мозга, биологических процессов в головном мозге на наноуровне, исправление функциональных дефектов головного мозга.
Bio + cogno	Изучение биологических механизмов человеческого интеллекта, создание технологий, способных влиять на них.
Nano + info	Создание интерфейсов, позволяющих механизмам реагировать на мысленные приказы, эмоции.
Info + nano	Создание наноразмерных вычислительных систем, способных преодолеть физически обусловленные пределы возможностей существующих систем.
Nano + info + bio	Создание новых препаратов, инновационных способов лечения, продления жизни.

Расцененный как технология NBICS-ресурс никакой заведомой пророчности относительно природы человека и её поддержания сам по себе не представляет. Напротив, в числе несомненных завоеваний киборгизации человечности – инженерная компенсация соматических дисфункций: наделение людей заместительными дополнительными опциями посредством эффективных ЕТ-модификаций (протезы, имплантанты, органы, повышение чувствительности, терапия антистарения и т. п.).

Иное дело – гипертрофия технологизма в русле сомнительной идеологической установки «преодоление человека», открывающей ящик Пандоры по части бесконтрольного перепрограммирования антропосоциальной эволюции, – био и технокультуросгенные

психотехнологии, рвущиеся получить доступ к структурам души. Культура как искусство целей подминается тогда технаукой как искусством средств. В угоду технологическому детерминизму (фатализму) производится тотальное расчеловечение. Перефразируя Фукуяму, можно сказать: NBICS-комплекс предлагает нам сделку с дьяволом – улучшение жизни, но с эффектом 5Д: дегуманизация, деформация, деструкция, деградация, дереализация.

Дегуманизация. Развёртывание *high-tech* через наступление на *high-hume*. Целенаправленное, навязчивое использование авангардных приёмов, технологий воздействия на сознание, поведение, опирающихся на новейшие разработки в области нейролингвистического программирования, вербально-коммуникативных методик

манипуляции, порождают к жизни отрицательные энергии, эксплуатирующие человеческие пороки, превращая их в прибыльную индустрию.

Деформация. Высокотехнологичная экспансия инспирирует схему форм общения, трансформацию традиционных человеческих ценностей. Всё более чёткие очертания обретает ориентация не на личностную, а средовую инноватику. Интенсивно преобразуются, а то и искажаются сложившиеся, привычные формы обмена деятельностью. Естественное пространство межчеловеческого общения заменяется искусственной сетевой ИКТ-связью. Наряду с преимуществами подобная ситуация имеет массу издержек, связанных «беспрецедентным ростом психических заболеваний», «значительным увеличением степени агрессивности в социуме»; возросшей «частотой жестоких преступлений»; многократным увеличением применения оружия в ходе решения бытовых проблем; ростом зависимости от «технологических расширений» [3, с. 273].

Деструкция. Перенасыщенность масскультуры вездельными аудиовизуальными образами, безапелляционно овладевающими системами внимания за счёт изошрённо создаваемых сенсорных эффектов-раздражителей (яркий цвет, громкий звук, навязчивый ритм), автоматически активирующих глубинные структуры мозга, которые купирует критико-аналитический потенциал психической деятельности. Психика, податливая на сиюминутное реагирование, становится пластичным материалом манипулирования (создание сетевых общин, конструирование образа жизни и т. п.). Отсюда и хорошо известные виртуальной психоло-

гии, когнитивной лингвистике, теории компьютерного дизайна, теории невербальной коммуникации техники создания адептов (скиндокторинг, ноополитика, фэйк-технологии, спам, фрейминг, троллинг, флуд, коллористика и прочие интерактивные дигитальные практики).

Деградация. Некомпенсируемыми жертвами человеческой прививки новейших технологий стали:

– когнитивные способности: с отказом от чистописания и с переводом обучения на использование клавиатуры, по сути, устранена удобная дидактическая практика «тренировки тонкой моторики руки ... навыков произвольной моторной регуляции» [8, с. 125]; отрицательные явления наблюдаются в области грамматики речи, имеющей «непосредственное отношение к тонким аспектам мыслительной деятельности, утрачиваемым при ее нарушении; опечаливает атрофия функции счета, имеющей тесную, непосредственную связь с уровнем и стилем мышления, способностями к абстрагированию, обобщению и пр.» [8, с. 127]; производится полная подмена и упрощение высоко интеллектуальной деятельности по пространственной ориентировке; тривиализация устного общения; происходит исчезновение детальной образной памяти;

– соматические способности: засилье клипового мировосприятия – катализатор остающегося в тени эффекта мягкого и малозаметного «травматизма головного мозга и центральной нервной системы, особенно у детей и подростков» [7, с. 107]. Суть в том, что клип, слоган – «яркие впечатляющие образы ситуации и сопровождающего ее настроения ... своей необычно-

стью, непривычностью для ... исторически сложившихся алгоритмов психического восприятия, буквально "впечатываются" в мозг. Они способны оказывать столь сильное влияние на визио- и аудионейроны неокортекса, что вытесняют эволюционно более поздние меморинейроны, лишая молодое поколение исторической памяти и взаимопонимания с представителями старших возрастных групп. Клиповое сознание патологически меняет личность, атрофируя способность самостоятельно мыслить и чувствовать» [1, с. 209];

– креативные способности: все увеличивающаяся масса сегодняшних людей не может «долго слушать, говорить, воспринимать», что связано с чрезмерным увлечением ИКТ, псевдоинформированностью.

Это – трагедия. Сапиенты «управляются нажатием кнопки». Возникает социально значимая задача отбирать тех, кто остаётся способным самостоятельно мыслить.

Дереализация. К началу 2020-х гг. потребление ложной (не соответствующей действительности) информации превзойдёт потребление информации достоверной. На данном основании возможно предполагать оформление одиозной контрафактной реальности с правдоподобными (но фальшивыми) имитациями.

Мы далеки от сгущения красок. Замена гуманитарного развития технологическим расширением, как говорил Бодрийяр, равносильна освобождению человека «от всякой претензии на знание» и, добавим от себя, – на образованность, культуру, духовность.

Риски, сопровождающие социализацию конвергентных технологий:

– двойственный характер, устранение границ гражданских и военных применений и, как следствие, неэффективность имеющихся средств контроля;

– доступность, относительная дешевизна, возможность создания агрессивного потенциала в кустарных условиях без сложных дорогостоящих систем доставки;

– невозможность предугадать последствия взаимодействия искусственных систем с окружающей средой;

– ярко выраженное терапевтическое значение, инспирирующее ЕТ-предприятия, а с ними – механизацию человека, расщепление персональной идентичности, эпидемии аутизма, рост социопатий, социотехнические образы мнимостей;

– быстрое действие, микромасштабность, сетевые методы, чипирование позволяют обладать всей полнотой информации об интересующих событиях, людях, а с тем – программировать персональные и социальные решения, действия в экзистенциальной, оборонной, государственной сферах.

Как всякий мощный (хотя и обоюдоострый) практический ресурс, NBICS-комплекс обслуживает потребности социального развития, для которого, привлекая слог Кондорсе, – нет никаких границ. Главное – научиться использовать возможности авангардных технологий на благо человека, во имя его совершенствования. NBICS-ковергенция «обладает огромным потенциалом движителя кардинальных перемен для всего человечества». Стоит отметить, что социо-компонента (S) рассматриваемых нано-био-инфо-когно-социо-технологий (NBICS) не только активно влияет на выбор

цивилизацией вектора своего развития, но и помогает ответить на вопрос, «почему именно сейчас NBICS-конвергенция настолько важна для всех нас» [10, с. 103].

Возможности NBICS-технологий поистине безграничны. Согласно прогнозам: к 2020 гг. повысится когнитивная, биологическая, информационная, социальная эффективность жизни; к 2025 гг. компенсируются многие физические, умственные, душевные недуги; к 2030 гг. появятся инструменты кон-

троля генетических изменений живого; к 2050 гг. создадутся предпосылки предупреждения, разрешения межчеловеческих напряжений, конфликтов.

Наше будущее определится только тем, насколько полноценно мы подчиним авангардные технологии служению планетарного блага. Оселком в этом ответственном деле выступает платформа Вернадского, обогатившего человеческое сознание представлением ноосферного гуманизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И. Л. Взаимосвязь сознания и поведения человека // Новое в науках о человеке. М.: URSS, 2014.
2. Беме Я. Аврора или утренняя заря в восхождении. М.: Мусагет, 1914. 406 с.
3. Гнатик Е. Н. Гуманитарные проблемы информационных технологий // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. № 2. С. 270–279.
4. Ильин В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 272 с.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. Том 5. М.: Мысль, 1966. 564 с.
6. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла. М.: URSS, 2011. 560 с.
7. Разлогов К. Э. Транскультурализм в интернете – основа гуманизма будущего // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2014.
8. Тхостов А. Ш. Трансформация высших психических функций в условиях информационного общества // Проблема совершенствования человека в свете новых технологий. М.: ЛЕНАНД, 2016.
9. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1955. 942 с.
10. Spohrer J. NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. Arlington, Virginia, 2002.

REFERENCES

1. Andreev I.L. [The Relationship of Consciousness and Human Behavior]. In: *Novoe v naukakh o cheloveke* [New in Humanities]. Moscow, URSS Publ., 2014, 482 p.
2. Böhme J. *Aurora ili utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [The Rising of Dawn]. Moscow, Musaget Publ., 1914, 406 p.
3. Gnatik E.N. [Humanitarian problems of information technologies]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. [Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy]. 2017, vol. 21, no. 2, pp. 270–279.
4. Ilyin V.V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis* [The Theory of Knowledge. Philosophy as Justification of Absolutes. In Search of A *Causa Finalis*]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, 272 p.
5. Kant I. *Sochineniya. T. 5* [Works. Vol. 5]. Moscow, Mysl Publ., 1966, 564 p.

6. Leibniz G. W. *Opyty teoditsei o blagosti bozhiei, svobode cheloveka i nachale zla* [Théodicée]. Moscow, URSS Publ., 2011, 560 p.
 7. Razlogov K. E. [Transculturalism online – the basis of future humanism]/ In: *Mesto i rol' gumanizma v budushchej civilizacii* [The Place and Role of Humanity in the Future Civilization]. M., LENAND Publ., 2014.
 8. Tkhostov A.Sh. [The transformation of the higher mental functions under the conditions of information society]. In: *Problema sovershenstvovaniya cheloveka v svete novykh tekhnologii* [The Problems of the Development of Man in the Light of New Technologies]. Moscow, LENAND Publ., 2016.
 9. Feuerbakh L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. Vol. 2, [Chosen Philosophical Works. Vol. 2]. Moscow, 1955. 942 p.
 10. Spohrer J. NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges. Arlington, Virginia, 2002.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общественных наук Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал;
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ilyin – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Social Sciences, Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ильин В. В. Философия технонаучной цивилизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 136–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-136-147

FOR CITATION

Ilyin V. Philosophy of Techno-Scientific Civilization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 136–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-136-147

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-148-158

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Майкова В. П.¹, Горбунов В. С.², Наместникова И. В.³

¹Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Мытищинский филиал
141005, г. Мытищи, Институтская улица, д. 2, Московская обл.,
Российская Федерация

²Московский городской университет управления Правительства Москвы
107045, г. Москва, ул. Сретенка, д. 28, Российская Федерация

³Московский государственный областной университет
141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл.,
Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – исследовать системный подход в его ценностном аспекте в качестве основы изучения социальных систем в целом и научно-образовательных систем в частности. В качестве философско-методологической платформы для понимания ценностного основания субъектов научно-образовательной деятельности и трансформации в социальные системы рассмотрены системный, диалогический подходы. Акцентируется внимание на системном подходе, который позволяет смоделировать взаимодействие субъектов научно-образовательной деятельности в социальных системах, выявить природу и определить тенденции становления ценностного основания социальной реальности. Подчеркивается, что диалогический подход предполагает диалогическое взаимодействие как тип ценностного отношения субъектов образовательной деятельности, определяет пути устойчивого развития общества, актуализирует ценностное основание в социальных системах. Обосновывается необходимость исследования социальных систем и субъектов взаимодействия в социальном пространстве с точки зрения трансформации ценностного основания в социальную реальность. Авторы приходят к выводу, что методологические подходы – системный и диалогический – выступают как совокупность условий и методов, целенаправленно активизирующих процесс духовно-нравственного развития субъектов взаимодействия, и определяют ценностно-нормативные требования социальных отношений.

Ключевые слова: системный подход, субъекты взаимодействия, ценностное основание, научно-образовательная деятельность, социальные системы, диалогический подход, научно-образовательная система, диалогическое взаимодействие.

SYSTEMIC APPROACH AS A BASIS FOR SCIENTIFIC METHODOLOGY

V. Maykova¹, V. Gorbunov², I. Namestnikova³

¹Mytishchi Branch of the Bauman Moscow State Technical University,
2, Institutskaya st., Mytishchi, Moscow region, 141005, Russian Federation

²*Moscow Metropolitan Governance University
28, Sretenka st., Moscow, 107045, Russian Federation*

³*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy st., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation*

Abstract. The article aims at studying the value basis as a factor of the stability of social systems. The authors chose systemic and dialogical approaches as a philosophical and methodological platform for understanding the value basis of the subjects of educational activity and transformation into social systems. The main focus of the article is on the systemic approach that allows to simulate the interaction of the subjects of educational activities in social systems, identify the nature of the value basis and its trends in the formation of social reality. The authors argue that the dialogic approach presupposes a dialogic interaction as a type of value relationship of the subjects of educational activities, determines the ways of sustainable development of the society, activates the value basis in social systems. It is substantiated that the study of social systems and subjects of interaction in the social space from the point of view of transforming the value basis into social reality is absolutely necessary. The authors come to the conclusion that the systemic and dialogical methodological approaches to the formation of the value basis of social systems are defined as a system of conditions and methods that purposefully activate the process of spiritual and moral development of the subjects of interaction, and act as the value-normative requirements of social relations.

Keywords: subjects of interaction, value basis, systemic approach, educational activity, social systems, social being, dialogical approach, educational system, dialogical interaction.

Введение

Ценностное основание выстраивается в социальных системах субъектами взаимодействия. Основопологающим фактором формирования ценностей выступает образовательная среда, которая координирует процесс структуризации и функционирования. Деятельность образовательных систем выстраивается благодаря методологическим подходам, которые также определяют вектор взаимодействия субъектов социальных отношений, раскрывая ценностное основание социальных систем и процесс формирования духовно-нравственных ценностей. Здесь социальная реальность исследуется с помощью методологических подходов в согласованности с философским направлением научного познания. Методологический подход

структурирован в своей сущности и включает совокупность способов и приёмов освоения окружающей действительности, интерпретации результатов для дальнейших транзакций. Среди прочих методологических подходов диалогический и системный подходы к тому же составляют инструмент исследования социальной реальности [10].

Методологическая основа системного подхода

Методологической основой системного подхода выступает анализ в системе и через систему. Использование системы позволяет рассматривать объект в целостности и предполагает разделение на составные элементы, которые определяются как часть этой системы. Каждая система обладает са-

моподобием, и её целостность отражена в самих элементах [13]. Фрактальное самоподобие системы не в полной мере раскрывает целостную структуру взаимосвязанных элементов, так как функциональность системы отличается от функциональности отдельных элементов системы, и каждый элемент не в состоянии функционировать как система.

При системном подходе образовательная система рассматривается как совокупность взаимосвязанных подсистем для реализации педагогической деятельности. Он выступает инструментом системного анализа взаимодействий субъектов и наделяет сущностными характеристиками социальные системы, выстраивая ценностное основание общности. Духовно-нравственные ценности образуют ядро целостности образовательной системы, объединяя субъектов образовательной деятельности в достижении целей образовательной политики государства [5]. Современное общество представляет открытую социальную систему, самоорганизация которой осуществляется в бытии духовно-нравственных ценностей. Выступая феноменами социальной реальности, духовно-нравственные ценности отражаются в сознании личности как фундаментальные сущности и в своей совокупности выстраивают общественное сознание. Целостность социальной реальности детерминирована духовно-нравственными ценностями идеализированного бытия. Взаимодействуя на уровне сознание с социальной реальностью, личность формирует иерархическую структуру ценностей, наделяя их особыми свойствами. Образуется личностная си-

стема ценностей, детерминированная ценностным основанием социальных систем. Происходят взаимовыстраивание и корректировка ценностных основ общества и личности. Системный подход позволяет раскрыть особенности социальных систем как самоорганизующихся, образующих совокупную целостность и относительную разделённость. Относительная целостность социальной системы образуется из элементов подсистем при рассмотрении их как самостоятельно функционирующих при определённых условиях в пространственно-временном континууме реальности.

При системном подходе система разделяется на подсистемы и рассматривается каждый взаимосвязанный элемент в структуре, что позволяет глубже исследовать функционирование конкретной части, однако ведёт к потере ряда информационных взаимосвязей между частями целого. Социальная система представляет метасистему, функционирующую в пространственно-временном континууме бытия. Структурированность социальных систем определяет устойчивое развитие и согласованное взаимодействие всех подсистем. Структурированность связана с целостностью системы и определяется ценностным основанием подсистем, образующим единство взаимодействующих элементов. Целостность социальных систем – это достаточно динамическая устойчивость, определяемая ходом процессов как внутри системы, так и вне её.

Системный подход позволяет исследовать самоорганизующиеся открытые образовательные системы, ценностное основание которых обусловлено ядром ценностей. Образовательная система –

это самоорганизующаяся фрактальная система, обладающая самоподобием в структуре подсистем, входящих в неё. Развитие образовательной системы определено целеполаганием, ценностными ориентациями, деятельностью субъектов взаимодействия в социальном пространстве. Целеполагание образовательной системы представлено координатными параметрами, определяющими идеализированный путь развития, надстройку, самоуправление. Показатели образовательных систем генерируют социальную реальность, меняя функциональность субъектов взаимодействия. Самоорганизация и самоуправление образовательной системы обусловлено природой социальных систем, которым свойственна самоорганизация и самоуправление. Современная образовательная система в своей сущности открыта, поэтому она развивается. Закрытость образовательной системы будет обусловлена процессами деградации и в конечном итоге приведёт к разрушению, так как не позволит ей развиваться [11].

Использование системного подхода при исследовании образовательной системы позволит проанализировать деятельность субъектов образовательного процесса и определить ядро духовно-нравственных ценностей в социальной реальности. Ценностное основание образовательной системы раскрыто в работах Б. Ананьева, С. Архангельского, В. Афанасьева, Б. Ломова, Э. Юдина, которые ядро ценностей образовательной деятельности сравнивают с вектором развития социальных систем. Многоуровневость, многомерность и разнопорядковость образовательной системы, по мнению Б. Ломова, обуславливают образова-

ние в контексте с другими социальными системами, где духовно-нравственные ценности выступают в качестве координатных параметров [6].

Глобализационные процессы, происходящие в современном обществе, диктуют необходимость использования системного подхода при исследовании социальных процессов, так как открытость социальных систем и интеграция их в мировое сообщество воздействуют на образовательную деятельность. При всем многообразии ценностей образовательной системы системный подход позволяет рассматривать качественно возможные взаимодействия субъектов взаимодействия от начальных параметров системы, а формирование духовно-нравственных ценностей рассматривать как целостный процесс [4].

Системный подход к изучению образовательной системы позволяет выделить три формы передачи ценностного потенциала социальным системам: *ценностно-культурную, рецепторную и ценностно-диалогическую.*

Ценностно-культурная форма предполагает наличие ценностно-культурной доминанты в нравственном сознании человека и признаётся врождённым, дарованным свыше качеством мирозерцания. Она подвержена воздействию внешних условий существования человека и общества в социальном бытии. Рецепторная форма связана с восприятием социально-культурного наследия человеком в процессе жизнедеятельности в связи с особыми условиями индивидуального и общественного развития социальных систем. Ценностно-диалогическая форма передачи духовного опыта ха-

рактируется способностью человека к выработке в индивидуальном сознании духовно-нравственных ценностей и их реализации через диалогическое взаимодействие с образовательными системами социума.

Стратегия развития духовно-нравственных ценностей в социальных системах

Рассматривая проблему концептуализации сущности ценностного основания, мы имеем в виду развивающуюся систему духовно-нравственных ценностей в социально-образовательном пространстве. В то же время это и процесс человеческого творчества, социально значимый по сущности, это выражение определённой специфической формы общественных отношений между людьми. В социально-образовательных системах духовно-нравственные ценности задают путь развития, исходя из статуса социальности человека. Они определяют два уровня отношений между людьми и группами: социальной и соционормативной. В Российской Федерации духовно-нравственные ценности выражены в соборно-интегральной культуре, в которой «духовность» первой и «материальность» второй смогут преодолеть свою ограниченность [9]. Предпосылки этой «синергетической» культуры предполагают духовное лидерство России в XXI в. Наша страна преодолеет культурное отставание, а в некоторых областях культурной созидательной деятельности станет мировым лидером.

В российском обществе духовно-нравственные ценности оказывают существенное воздействие на сознание

и жизнь человека, на духовную жизнь народов, признавших свою универсальность. Важными историко-культурными основаниями обладают этно-национальные ценности: каждая из этнических общностей обладает собственной интерпретацией культуры в общественном сознании и истории общества, каждая прошла свой сложный путь становления и развития. Без учёта исторических особенностей развития национальных ценностей культуры в данном случае невозможно оценить в полной мере причины сегодняшних социальных процессов и специфику их проявления в общественном сознании.

Одной из главных, фундаментальных проблем социальной философии является устойчивое развитие современного общества в условиях становления новых оснований общественного устройства, т. е. такое развитие духовно-нравственных ценностей в образовательной системе Российской Федерации, которое обеспечивает преемственность социальных преобразований с целью раскрытия необходимых для общества свойств и возможностей. Поэтому образовательная политика российского государства, указы президента и распоряжения правительства о национальных целях и стратегических задачах развития страны¹, о государственной культурной² и

¹ Указ от 07.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 03.12.2018).

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Основы государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 03.12.2018).

молодёжной¹ политике, об образовании² направлены на поддержку решения данной проблемы. От сформированности духовно-нравственных ценностей личности зависит ценностное основание современного общества, что будет воздействовать на качество управления обществом, эффективность экономических преобразований, прогнозируемость изменений в ценностно-смысловой среде общества, точность информационного обеспечения властных структур актуальной информацией о реакции общества на внешнее, иностранное информационное воздействие и внутренние импульсы, мобилизующие социальную активность и трудовую деятельность.

Системный подход позволяет проблему сущности духовно-нравственных ценностей общества рассматривать как часть общей тематики исследований социально-образовательной системы, духовного наследия народа, его традиций, ценностей. Духовно-нравственные ценности являются чрезвычайно ёмким и широким феноменом, присущим не только социально-образовательной системе, но и религиозной традиции, светскому, этническому, региональному сегментам культуры. Феномен духовно-

нравственных ценностей интегрирует духовное развитие цивилизаций в поисках смысла жизни и бытия человека в обществе. В этом и заключаются онтологизм ценностного основания социальных систем, а также её ценностно-диалогический смысл, где основанием является стремление к духовно-нравственным ценностям [12].

Диалогический подход к изучению субъектов взаимодействия в социальных системах

Понимание диалогического подхода как системообразующего фактора формирования духовно-нравственных ценностей субъектов образовательной деятельности требует трансцендентного понимания сознания. Реальность бытия ограничивает человеческое сознание в постижении смысла духовно-нравственных ценностей, которые образуют духовный стержень жизнедеятельности человека, охраняют его сознание от неверных решений. Духовно-нравственные ценности через диалогическое взаимодействие способны объективировать смысл социальных отношений в окружающем бытии. М. Бубер [2], рассматривая трансцендентную самость человеческой сущности, показывает сосредоточенность в нём вечного иного Ты, к которому обращено его сознание. Два вечных мира проникают в сущность друг друга, обмениваясь энергетико-информационной реальностью инобытия. М. Бубер понимает диалогическое взаимодействие как представленность его участников перед Абсолютом. Диалогическое взаимодействие в социальном бытии создает духовный «стержень» реальности, в контексте которого происходит фор-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р от 10.07. 2018 «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r> (дата обращения: 03.12.2018).

² Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант: [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/70291362/4c3e49295da6f4511a0f5d18289c6432/#ixzz5YcDcN9in> (дата обращения: 03.12.2018).

мирование духовно-нравственных ценностей. Это явление энергийно-информационной коммуникации, основанное на трёх фундаментальных основах: погружении в саму сущность своего энергийно-информационного «Я», самодialoge – диалогe со своим «Я»; выходе из духовно-душевного субстанционального энергийно-информационно «Я» в направлении обмена с энергийно-информационным субстанциональным «Ты»; выходе из духовно-душевно-телесного субстанционального энергийно-информационного «Я» в направлении обмена с энергийно-информационным мировым «Мы» и космическим пространственно-временным материальным [2].

Исследование диалогического взаимодействия в философии приводит к соборному всеединству, где духовно-нравственные ценности, переосмысленные, воспроизводят духовный опыт прошлых поколений. Соборность как способность собирать все духовные возможности человечества в единую целостность, а на основе духовно-нравственных ценностей объединять народы, веками ищущие смысл жизни [8].

В основу диалогического подхода положено диалогическое взаимодействие как средство формирования духовно-нравственных ценностей в образовательной системе, которое определяется информационно-историческим содержанием образовательной деятельности прошлого, настоящего и будущего. Диалогическое взаимодействие осуществляется не через мир объектов, а в непосредственном живом опыте восприятия и взаимодействия. При этом возможный недостаток собственной перспективы

одного субъекта восполняется точкой зрения другого субъекта, организующей проектное поле разных потенциалов, способных актуализироваться только через «Другого» [1]. Реализация диалогического взаимодействия в образовательных системах понимается как восхождение от понимания духовно-нравственных ценностей личностью к самостоятельному принятию их в самости своего внутреннего «Я» духовное осмысление открытой целостности; смысловое переживание как чистота созерцательности духовных состояний в ментальности человека, который является основой для творческого преобразования и одухотворения социального бытия. Диалогическое взаимодействие в образовательном пространстве создаёт духовный «стержень» реальности, в контексте которого происходит формирование духовно-нравственных ценностей. По мнению Е. Власовой, для человека как основного субъекта диалогического взаимодействия в образовательной системе становится субъективная духовность как интенция к Абсолютным ценностям [3]. Диалогическое взаимодействие со своим собственным «Я» закрывает самость личности от внешнего бытия. Вторая форма диалогического взаимодействия проявляется, когда энергийно-информационная данность «Я» созерцает, соприкасаясь с энергийно-информационной сущностью «Ты». Здесь созерцательное взаимодействие энергийно-информационных реальностей таково, что они проникают в самость друг друга, чтобы отразить свет прикосновения в собственном сознании, чтобы жить «отражённым светом». Это может быть экзистенци-

альное проникновение или так называемое экзистенциальное диалогическое взаимодействие через вечное в секуляртивном смысле и через Бога в религиозном смысле. Однако и то, и другое тоже события.

Третья форма диалогического взаимодействия «Я – Мы» проявляется в соборности человеческих «Мы», где каждая личность входит в энергийно-информационное пространство, оставаясь личностью в единении. Я – это Мы, но не обезличенная масса, а творческая, созидаящая целостность человечества, где каждый в ответе за всех. Суть его заключена в том, что соборное образование человечества раскрывает божественный потенциал личности в единении. Это необходимо понимать как особый тип энергийно-информационной коммуникации. Н. Луман [7] рассматривает коммуникацию не просто как передачу и приём информации, а как создание некоей энергийно-информационной общности, основанной на соборности участников, предполагающей необходимость обратной связи, взаимного наложения сфер личного потенциала, особенностей энергийно-информационных коммуникативных отношений «Я – Мы». Чем значительней духовный уровень личности, тем глубинней её диалогическое взаимодействие с окружающим энергийно-информационным.

Таким образом, диалогический подход имеет разные интерпретации и не является зависящим от внешних рациональных характеристик понимания его как результата чистых энергийно-информационных состояний сознания, как спонтанной интенциональности, как глубинного основания секулярной соборности, нацеленной

на будущее диалогическое взаимодействие. Диалогическое взаимодействие есть «гравитационное поле» энергийно-информационного сознания, которое скрытно влияет на человеческое «Я», познавательную деятельность, на духовно-нравственные ценности [14].

Диалогический подход позволяет раскрыть основы отношений субъектов в образовательных системах и обладает структурным самоподобием, т. е. определяет особенности диалогического взаимодействия на межличностном, социальном, общечеловеческом уровнях и обладает структурой (субъекты, ценности, общее пространство смыслов), формирует ценностное основание как устойчивый фактор развития социальных систем. Инвариантная структура диалогического взаимодействия проявляется не только в образовательной системе на разных уровнях, но и во времени, в качественно различных условиях. Оно имеет точку возникновения, но не имеет завершения, так как порождается множеством других взаимосвязей. Важным условием свершения диалогического взаимодействия является нетождественность субъектов, в него вступающих, связывающих в единое противоположное: хаос в порядок.

Заключение

Таким образом, методологические подходы (системный, диалогический) по формированию ценностного основания социальных систем определяют как совокупность условий, методов, целенаправленно активизирующих процесс развития духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия, и выступают ценностно-нор-

мативным требованием социальных отношений. Использование системного и диалогического методологических подходов в социальных системах позволит рассматривать формирование духовно-нравственных ценностей в сознании личности как системообразующий процесс субъектов взаимодействия, а образовательную деятельность как социокультурную по освоению социальной реальности человеком с учётом закономерностей и принципов духовно-нравственного воспитания. Реализация системного и диалогического подходов в социальных системах позволит создать методологическую базу по формированию ценностного основания как фактора устойчивого целенаправленного процесса самоорганизующихся целостных систем, где включены основополагающие принципы, закономерности духовно-нравственного развития и выстроен механизм реализации и устройства ценностного основания социальных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986.
2. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: философский альманах, 1991. М.: Политиздат, 1992.
3. Власова Е. В. Проблемы потребления ценностей культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1982. 19 с.
4. Информационное общество и формирование новой эпистемологической парадигмы современной науки / В. Ивлев и др. М., 2013.
5. Колотуша В. В. Пограничная сфера общества в условиях становления многополярного мира // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 280–288.
6. Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2003. 423 с.
7. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
8. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Философские науки. 2017. № 1. С. 46–54.
9. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. 74 с.
10. Методологические и аксиологические подходы к решению проблем консолидации общества в эпоху глобализации / Беркут В. П. и др. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 138–158.
11. Нехамкин В. А. Роль образования руководителя государства в процессе исторического развития // Социология образования. 2012. № 2. С. 82–97.
12. Петрий П. В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2.
13. Черников В. В. Оптимизация управления качеством обучения человека в среде современного социума. М.: Форма-Т, 2008, с. 128.
14. Maykova V., Falko V., Molchan E. Transformation of Educational Activity: Social and Philosophic Aspects // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018). Atlantis Press, 2018. P. 8–12.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. [To the Philosophy of the Act]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986.
2. Buber M. [Me and You]. In: *Kvintessentsiya: filosofskii al'manakh* [Quintessence: the Philosophical Almanac]. Moscow, Politizdat Publ., 1992.
3. Vlasova E.V. *Problemy potrebleniya tsennostei kultury: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Issues of Culture Values Consumption: Abstract. PhD Thesis in Philosophy]. Sverdlovsk, 1982. 19 p.
4. Ivlev V. et al. *Informatsionnoe obshchestvo i formirovanie novoi epistemologicheskoi paradigmy sovremennoi nauki* [Information Society and the Formation of New Epistemological Paradigm of Modern Science]. Moscow, 2013.
5. Kolotusha V.V. [Boundary Sphere of Society in the Formation of a Multi-Polar World]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2017, no. 5, pp. 280–288.
6. Lomov B.F. *Sistemnost' v psikhologii* [Consistency in Psychology]. Moscow, psychology and Social Institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2003, 423 p.
7. Luman N. *Media kommunikatsii* [Media Communications]. Moscow, Logos Publ., 2005, 280 p.
8. Maykova V.P., Molchan E.M. [Spirituality as a Factor of Stability of Social Systems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 46–54.
9. Markaryan E.S. *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko-metodologicheskii analiz* [Theory of Culture and Modern Science: Logical and Methodological Analysis]. Moscow, Mys' Publ., 1983, 74 p.
10. Berkut V.P. et al. [Methodological and axiological approaches to the solution of the problems of social consolidation in global era]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 138–158.
11. Nekhamkin V.A. [The Role of Education of the Head of the State in the Process of Historical Development]. In: *Sotsiologiya obrazovaniya* [Education Sociology], 2012, no. 2, pp. 82–97.
12. Petry P.V. [Public ideal as factor of modernization of Russia under the conditions of globalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 55–63.
13. Chernikov V.V. *Optimizatsiya upravleniya kachestvom obucheniya cheloveka v srede sovremennogo sotsiuma* [Optimization of Quality Management of Human Learning in Modern Social Environment] Moscow, Forma-T Publ., 2008.
14. Maykova V., Falko V., Molchan E. Transformation of Educational Activity: Social and Philosophical Aspects. In: International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018). Atlantis Press, 2018, pp. 8–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Мытищинский филиал;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Горбунов Владимир Семенович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства Москвы;
e-mail: Savenok-ira@yandex.ru

Наместникова Ирина Викторовна – доктор философских наук, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: namira2004@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maykova – doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Mytishchi Branch of the Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Vladimir S. Gorbunov – doctor of Philosophy, professor at the Department of Social Sciences, Humanities and History of Law, Moscow Metropolitan Governance University;
e-mail: Savenok-ira@yandex.ru

Irina V. Namestnikova – doctor of Philosophy, professor at the Faculty of Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: namira2004@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 148–158.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-148-158

FOR CITATION

Maykova V.P, Gorbunov V.S, Namestnikova I.V. Systemic Approach as a Basis for Scientific Methodology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 1, pp. 148–158.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-148-158

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2019. N 1

Над номером работали:

Литературный редактор С.Ю. Полякова

Переводчик Е.А. Кытманова

Корректор И.К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10,25, усл. п.л. 10.

Подписано в печать: 28.02.2019. Дата выхода в свет: 20.03.2019. Заказ № 2019/03-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.